АННА КЭТРИН
ANNA KATHARINE GREEN
Anna Katharine Green
ГРИН

Тайна мистера Сильвестера

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОКИДЫШЕВЪ И СЫНОВЬЯ

Тайна мистера Сильвестра
Анна Кэтрин Грин

Аннотация
Анна Кэтрин Грин. Тайна мистера Сильвестра
Книга первая. Два человека
I. Странница
II. Рассуждение
III. Таинственное приглашение
IV. Поиски
V. Рубикон
VI. Пожатие руки
VII. Мистрис Сильвестер
VIII. Тени прошлого
IX. Поола
X. Запертая дверь
XI. Мисс Стьюйвесант
XII. Мисс Белинда выдвигает условия
XIII. Портрет мистрис Сильвестер
Книга вторая. Жизнь и смерть
XIV. Мисс Белинда должна решить вопрос
XV. Приключение и нечто более
XVI. Дамоклов меч
XVII. Весело и серьезно
XVIII. Ночное видение

XIX. День в банке
XX. Горечь на дне чаши
XXI. Отъезд
XXII. Гопгуд
Книга третья. Тайна семейства Джефа
XXIII. Поэма
XXIV. Дом Джефы
XXV. Джекилина
XXVI. Правосудие мужчины и милосердие женщины
XXVII. Тщетное ожидание
XXVIII. Солнце на горах
XXIX. Туман в долине
Книга четвертая. Таинственная пропажа
XXX. Мисс Белинда делает мистеру Сильвестеру подарок на рождество
XXXI. Вопрос
XXXII. Полный прилив
XXXIII. Два письма
XXXIV. Поола делает выбор
XXXV. Меч упал
XXXVI. Утро
XXXVII. Мнение известного сыщика
XXXVIII. Комната Синей бороды
XXXIX. Подробный рассказ
XL. Половина восьмого

Книга пятая. Любовь женщины
XLI. Дело одного часа
XLII. Поола рассказывает историю, которую она слышала
XLIII. Решение
XLIV. В гостиной мистера Стьюйвесанта
XLV. Священный час
XLVI. Коминс

Аннотация

Эдвард Сильвестер — респектабельный джентльмен, баловень судьбы. В недавнем прошлом биржевой спекулянт, а сегодня — директор одного из крупнейших банков Нью-Йорка. У него есть все атрибуты роскошной жизни: огромный дом, красавица жена. Но душу его тяготит некая тайна, и страх, что когда-нибудь она станет достоянием общественности и тогда все рухнет и о счастливой жизни останутся одни воспоминания.

Анна Кэтрин Грин
Тайна мистера Сильвестра

Green Anna Katharine
«THE SWORD OF DAMOCLES»

Книга первая
Два человека

I. Странница

Ветер дул по городу. Не тихий и душистый зефир, шевеливший локонами на лбу дам и занавесями в изящных будуарах, но холодный и пронзительный, проникавший насквозь в немногих пешеходов, еще остававшихся на темневших улицах.

Против собора, колокольня которого высилась среди жалких домишек Бостонной стороны, стояла женщина. Она остановилась на узкой улице прислушаться к музыке или, может быть, уловить яркое освещение, время от времени бросавшееся в глаза из широких дверей, когда они отворялись и затворялись за каким-нибудь запоздалым богомольцем. Эта женщина была высока и ужасна на вид, ее лицо, когда огонь освещал его, имело испуганное и отчаянное выражение; угрюмость и уныние были написаны на всех чертах суровой и исхудалой физиономии.

Вдруг дверь в церковь распахнулась и послышался голос проповедника:

— Любите Бога и полюбите ближних. Любите ближнего и лучше покажете любовь к Богу.

Она вздрогнула.

— Любить! — сказала она со страшным хохотом, — любви нет ни на небе, ни на земле! Она ушла, ветер проводил ее, а темнота поглотила, как бездна.

II. Рассуждение

— И ты на самом деле имеешь серьезные намерения?

— Имею.

Задавший вопрос красивый мужчина, лет сорока, забарабанил пальцами по столу и с удивлением взглянул на молодого человека, повторившего свое уверение так горячо.

— Это неожиданный шаг с твоей стороны, — заметил он наконец. — Твои успехи как пианиста были так удачны, что, признаюсь, я не понимаю, почему ты желаешь оставить профессию, которая за каких-то пять лет обеспечила тебе и средства к существованию, и весьма завидную репутацию, — прибавил он, задумчиво нахмурив брови, что придало еще более резкое выражение его тонким чертам лица.

Молодой человек, обведя глазами роскошную комнату, в которой он сидел, пожал плечами с изящной и небрежной грацией, составлявшей одну из привлекательных черт его внешности.

— С таким лоцманом, как вы, я должен избегнуть подводных скал, — сказал он с чистосердечной улыбкой на своем скорее милом, чем

красивом лице.

Старший собеседник не улыбнулся. Он смотрел на яркий огонь, горевший в камине, с таким выражением лица, которое для молодого музыканта было совершенно непонятно.

— Ты видишь корабль в гавани, — прошептал он наконец, — а не принимаешь во внимание, сколько бурь он выдержал и от скольких опасностей избавился. Я не посоветовал бы моему сыну предпринять такое путешествие.

— Однако вы неспособны отступать от опасности и колебаться из-за трудностей на том пути, который выбрали себе! — воскликнул почти невольно молодой человек, смотря на могучий лоб и твердый, хотя грустный взор своего собеседника.

— Да, но опасностей и трудностей искать не следует, их нужно только преодолевать, когда они встретятся. Если бы ты был вынужден вступить на этот путь, я протянул бы тебе руку, чтобы служить тебе опорой и подмогой и помочь тебе пройти мимо пропастей и мелей. Но тебя не принуждает к этому ничего. Твоя профессия дает тебе средства к жизни, а твое доброе сердце и талант обеспечивают тебе и будущие успехи в общественном и творческом мире. Для два-

дцатипятилетнего человека это замечательная перспектива, и кто ее не ценит, тому трудно угодить.

— Да, — сказал молодой человек, вдруг приподнявшись со своего места, но тотчас опять сел, — по общепринятым меркам мне жаловаться не на что, но, сэр… воскликнул он с внезапной решимостью, придавшей его чертам ту силу, которой в них недоставало до сих пор, — вы сейчас говорили о том, что иногда бывает необходимо выбрать иной путь. Что вы хотели этим сказать?

— То, что обстоятельства вынуждают выбрать такие занятия, которым следовало бы предпочесть другие.

— Простите меня, под обстоятельствами вы, вероятно, подразумеваете бедность и неимение других способов достигнуть богатства и положения в обществе. Вы не считаете желание быстро разбогатеть достаточно веской причиной?

Старший собеседник встал с таким лихорадочным нетерпением, которое не совсем соизмерялось с предметом разговора.

— Быстро разбогатеть! — повторил он, бросив зоркий взгляд на своего собеседника, тоном, показывавшим глубокое, но сдерживаемое волнение. — Это привлекательная вывеска над

пропастью, в которую упал не один благородный юноша. Это боевой призыв к борьбе, которая привела не одного сильного человека к погибели. Это прямой путь к жизни, лихорадочные дни и бессонные ночи которой дают минимум вознаграждения за внезапную роскошь и внезапное разорение. Я предпочел бы, чтоб ты объяснил свою внезапную прихоть непреодолимым стремлением к власти, а не простым желанием корыстолюбивого человека, который, для того чтобы разбогатеть предпочитает приобрести свой капитал удачной спекуляцией, а не прилежным трудом.

Он замолчал.

— Я знаю, — продолжал он, — что эти обвинения могут показаться тебе безосновательными и беспочвенными. Но, Бёртрем, я принимаю участие в твоей жизни и готов для этого понести обвинения в непоследовательности.

Говоря эти слова, он взглянул на своего собеседника с тем необыкновенно кротким выражением, которое придавало особенное очарование его лицу и, может быть, объясняло ту неограниченную власть, которую он бретал над сердцем и душой тех, кто попадал под его влияние.

— Вы очень добры, сэр, — прошептал его мо-

лодой друг, — который был племянником этого магната Волской улицы, хотя это знали немногие, потому что, выбрав профессию пианиста, он переменил свою фамилию. — Никто, даже мой отец, не мог бы быть внимательнее и добрее, но, мне кажется, вы не понимаете меня, или, лучше сказать, я не объяснил вам, в чем дело. Я желаю быстро разбогатеть не ради самого богатства и блеска, которое оно доставляет, а для того, что посредством его достигнуть другой цели, которая для меня дороже богатства и драгоценнее моей карьеры.

Старший собеседник быстро обернулся, очевидно, чрезвычайно удивленный, и бросил вопросительный взгляд на своего племянника, который покраснел с простодушной скромностью, которую приятно было видеть в человеке, избалованном вниманием и успехом.

— Да, — сказал он как бы в ответ на этот взгляд, — я влюблен.

Глубокое молчание на минуту водворилось в комнате. Молчание мрачное, почти испугавшее молодого Мандевиля, который ожидал какого-нибудь ответа своего собеседника на пылкий юношеский энтузиазм. Что это значило? Подняв глаза, он встретил глаза дяди, устремленные на

него с таким выражением, которого он вовсе не ожидал увидеть в них. А именно самого настоящего и неподдельного испуга.

— Вы недовольны! — воскликнул Мандевиль, Вы считали меня неспособным к этой страсти, или, может быть, вы самой этой страсти не верите!

Потом, вдруг вспомнив замечательную, хотя несколько приторную, красоту жены своего дяди, покраснел опять от своей неловкости и украдкой взглянул на стену с правой стороны, где висел искусно выполненный портрет хозяйки дома, на котором она, в полном цвете своей молодости ласково улыбалась присутствующим.

— Я не верю, что эта страсть может повлиять на карьеру, — ответил дядя, по-видимому, не обращая внимания на замешательство племянника. — Женщина должна обладать необыкновенными качествами, чтобы оправдать желание мужчины оставить путь с верным успехом для такого пути, где успех не только сомнителен, но если и бывает достигнут, то влечет за собой крайнее сожаление и боль в сердце. Красоты недостаточно, нужны другие достоинства, — продолжал он с более суровым выражением.

— Я уверен, что достоинства есть, — сказал

молодой человек, — меня очаровывает не ее красота, — продолжал он.

— Вот видишь! А ты уже воображаешь, что влюблен! — воскликнул дядя после непродолжительной паузы.

В тоне, которым были произнесены эти слова, было столько горечи, что Мандевиль не обратил внимания на недоверчивое выражение лица дяди.

— Должно быть, так, — ответил он с какой-то наивностью, которая так хорошо подходила и его лицу, и обращению, — в противном случае я не был бы здесь. Еще три недели тому назад я был доволен моей жизнью, но теперь желаю только одного — заняться таким делом, которое максимум через три года сделает меня завидным женихом для каждой женщины на свете.

— Стало быть, женщина, которая внушила тебе эту сильную привязанность, выше тебя по общественному положению?

— Да, сэр, или, по крайней мере, считается такой, что в принципе одно и то же.

— Бёртрем, я прожил дольше тебя и знаю хорошо общественные домашние устои и говорю тебе, что ни одна женщина не стоит такой жертвы, какую намереваешься принести ты, ни одна из

женщин ныне живущих, должен я сказать; наши матери были другие. Уже одно то обстоятельство, что эта девушка, о которой ты говоришь, вынуждает тебя изменить всю твою жизнь, отказавшись от карьеры пианиста, для того чтобы получить ее руку, должно бы достаточно доказать тебе…

Он вдруг замолчал, остановленный поднятой рукой молодого человека.

— Ты хочешь сказать, что я не прав?

— Не она вынуждает сделать меня этот шаг. Посмотрите на эти лилии, — и он указал на цветы, стоявшие в вазе возле него, — они не знают проблем людей, жизнь которых украшают. Так и моя возлюбленная. Я не встречал более чистой и простодушной девушки, которой я посвятил все лучшие и благороднейшие чувства моего сердца. Это ее отец.

— Ах ее отец!

— Да, сэр, — продолжал молодой человек, — все более удивляясь тону дяди. — Он имеет право ожидать и богатства, и положения от своего зятя. Но я вижу, что должен рассказать вам мою историю, сэр. Она не совсем обыкновенна, и я не имел намерения говорить о ней, но, если моим рассказом я могу приобрести ваше сочувствие к чистой и благородной страсти, я буду думать, что

тайна нарушена не напрасно. Но я, может быть, мешаю вам, — сказал он, видя, что дядя тревожно взглянул на дверь, Вы ждете кого-нибудь?

— Нет, — ответил дядя, — я полностью в твоем распоряжении.

Молодой человек вздохнул и взглянул на бесстрастное лицо своего собеседника, как бы удостоверяясь, что рассказ необходим, потом откинулся на спинку своего стула и твердым, деловым тоном, который, однако, смягчался по мере того как он продолжал, начал рассказывать.

III. Таинственное приглашение

— После концерта в зале ***, две недели тому назад, я вышел выкурить сигару в небольшой коридор, который ведет к черному ходу. Я был совсем не в духе. Что-то в музыке, которую я играл, или в том, как она была принята, затронуло непривычные струны в моей душе. Я чувствовал себя одиноким. Я помню, что спрашивал себя, к чему все это приведет? Кто из всей этой аплодирующей толпы будет сидеть возле моей постели во время продолжительной и тяжелой болезни или даст мне такую же долю сочувствия, как теперь похвалы. Вдруг ко мне подошел Бригс.

— Какая-то женщина, сэр, непременно желает видеть вас.

— Женщина! — воскликнул я с удивлением.

— Да, сэр, старуха. Она, кажется, очень желает говорить с вами. Я никак не мог отделаться от нее.

Я поспешил к закутанной фигуре, прислонившейся к стене возле двери.

— Что вам угодно? — спросил я, наклонясь к ней в надежде рассмотреть лицо, которое она старалась от меня скрыть.

— Вы мистер Мандевиль? — спросила она голосом, дрожавшим столько же от волнения, сколько от старости.

Я поклонился.

— Тот, который играет на фортепиано?

— Тот самый.

— Вы не обманываете меня? — продолжала она, поднимая на меня глаза с очевидным беспокойством, видневшимся даже сквозь вуаль. — Я не видела, как вы играли…

— Эй! — позвал я Бригса, — подайте мне мое пальто.

— Сейчас, мистер Мандевиль, — ответил Бригс, и эти слова успокоили ее.

Как только я надел пальто, она схватила меня за руку и шепнула мне на ухо.

— Если вы мистер Мандевиль, у меня есть к вам поручение. Это письмо — она сунула его мне в руку — от молодой девицы, сэр. Она велела мне самой отдать его вам. Она молода и хороша, — прибавила она, — и образованна. Мы полагаемся на вашу честь, сэр. Признаюсь, моим первым побуждением было швырнуть ей письмо и уйти; я не был расположен шутить, потом мне захотелось расхохотаться и вежливо указать ей на дверь, моим последним и лучшим желанием

стало распечатать письмо и самому определить образованна или нет та, которая написала его.

Я распечатал щеголеватый конверт и вынул листок, мелко исписанный. При виде изящного почерка я почувствовал угрызение совести и хотел было возвратить письмо непрочитанным старухе, дрожавшей в углу. Но любопытство преодолело совестливость, и, торопливо развернув листок, я прочел:

«Не знаю, хорошо ли поступаю я; я уверена, что тетушка не похвалит меня; но тетушка находит, что хорошо только ходить в церковь и читать газеты папаше. Я молоденькая девушка, слышавшая вашу игру и которая нашла бы жизнь восхитительной, если бы вы сказали ей хоть один раз одно из тех приятных слов, которые вы, конечно, говорите каждый день тем, кто знает вас. Я ожидаю немногого — у вас, должно быть, много друзей, и вы не станете интересоваться мною, но один ласковый взгляд сделал бы меня такой счастливой и гордой, что я не позавидовала бы никому на свете, разве тем дорогим друзьям, которых вы видите всегда. Я не часто слышу вашу игру, потому что тетушка считает музыку занятием легкомысленным, но, когда это происходит, мне представляется, будто я далеко от всех,

в прелестной стране, наполненной солнечным сиянием и цветами. Няня говорит, что я не должна писать так много, а то вы не станете читать, поэтому я заканчиваю. Но если вы приедете, вы сделаете одну особу еще счастливее, чем даже может сделать ее ваша дивная музыка».

Больше не было ничего, ни подписи, ни числа. Детское письмо, написанное с женской осторожностью. Со смешанными чувствами сомнения и любопытства я вернулся к старухе, ожидавшей меня с нетерпеливым беспокойством.

— Это писал ребенок или женщина? — спросил я, глядя на нее сурово.

— Не спрашивайте меня, не спрашивайте ни о чем. Я обещала привезти вас, если вы согласитесь, но на вопросы отвечать не стану.

Я попятился с недоверчивым смехом.

— Скажите мне, по крайней мере, где живет молодая мисс, — сказал я, — прежде чем я исполню ее просьбу.

Она покачала головой.

— У меня есть экипаж, — сказала она. — Вам надо только сесть в него, и мы скоро будем в доме.

Я взглянул на нее, потом на письмо, которое держал в руке, и не знал, что думать. Простота и безыскусственность письма как-то не согла-

совывались с этой таинственностью. Женщина, заметив мою нерешимость, пошла к двери.

— Вы поедете, сэр? — спросила она. — Вы не пожалеете об этом. Только минутный разговор с хорошенькой девушкой…

— Тише, — сказал я, услышав позади меня торопливые шаги.

Мой давний приятель Сельби подошел ко мне, схватил меня за руку и потащил к двери.

— Я дал честное слово джентльмена и музыканта привести вас сегодня в Гендельский клуб. Я боялся, что вы ускользнете, но…

Тут он увидел низенькую черную фигуру, стоявшую в дверях, и остановился.

— Кто это? — спросил он.

Я колебался. Но все же демон любопытства одержал верх над рассудком, и с не весьма похвальным оправданием, что надо пользоваться молодостью, пока можно, я ответил моему другу:

— У меня есть дело. Сегодня я не могу быть в клубе.

После чего побежал за старухой, которая подвела меня к карете, стоявшей в нескольких шагах у тумбы. Я взглянул на кучера, но было слишком темно, и я мог увидеть только, что он в ливрее. Все более и более удивляясь, я, сев в карету, стараясь

завязать разговор с моей таинственной спутницей. Но это мне не удалось. Без особой грубости, но решительно, она отвергала все мои вопросы. В какой-то момент мне стало страшно, особенно после того, как я увидел, что окно экипажа было закрыто не занавесью, как я думал, а сплошными ставнями, которых я никак не мог опустить.

— Здесь очень душно, — сказал я как бы в извинение за мое тревожное состояние, — нельзя ли впустить сюда немножко воздуха?

Моя спутница промолчала, а мне было стыдно приставать к ней, но я воспользовался темнотой, чтобы припрятать в более надежное место деньги, которые были со мной.

Я слышал стук омнибусов, следовательно, мы ехали по Бродвею, потому что ни по какой другой аллее омнибусы не ездят. Через некоторое время, мне показалось, что мы въехали в Медисонскую аллею Двадцать Третьей улицы. Я решил запоминать каждый поворот экипажа, чтобы таким образом определить приблизительно местность, по которой мы ехали. Но экипаж повернул только один раз после настолько продолжительной езды, что я никак не мог рассчитать приблизительно, мимо скольких улиц могли мы проехать. Наконец, повернув налево, карета скоро оста-

новилась.

«Я увижу, где я, когда выйду», — подумал я, но ошибся.

Во-первых, мы остановились у нескольких домов, выстроенных, насколько я мог заметить, по одному образцу. Дверь на улицу была отворена, хотя никто нас не встречал, и не знаю, почему это совсем сбило меня с толку. Я в каком-то тумане поспешил войти и очутился в ярко освещенной передней, богатое убранство которой показывало, что это частный дом зажиточного человека.

— Ступайте за мною, — сказала мне старуха, торопливо проходя по передней в маленькую комнату. — Барышня сейчас сюда придет.

Не поднимая вуали и не показывая мне своего лица, она ушла, оставив меня справляться с моим положением самостоятельно.

Это мне совсем не понравилось, и я серьезно подумывал о необходимости вернуться назад и оставить дом, в который меня привезли таким таинственным образом. Но спокойный вид комнаты, в которой хотя находились только стулья и фортепиано, но весь вид которой показывал в хозяине человека хорошего общества, поразил мое воображение, подстрекнул любопытство, и, собравшись с мужеством для предстоящего сви-

дания, я ждал. Прошло только пять минут, судя по часам, стоявшим на камине, но мне это время показалось часом, когда я услыхал робкие шаги у двери, заметил, что она медленно отворяется, и увидел стройную фигуру и раскрасневшееся личико. Я поклонился почти до земли с внезапным благоговением к очаровательной невинности, явившейся передо мной. Будь это двадцатипятилетняя женщина, я не понял бы выражения восторга и робкого участия, написанного на ее лице, но этому прелестному созданию было не более шестнадцати.

Затворив за собой дверь, она стояла и не говорила ничего, потом, со сгустившимся румянцем, который показывал только замешательство ребенка в присутствии постороннего, подняла глаза и прошептала мое имя с признательностью, которая вызвала бы улыбку на моих губах, если бы меня не испугала внезапная перемена в чертах, когда она встретилась с моими глазами. Слишком ли явно выказал я мое удивление, или в глазах моих обнаружилось восхищение, которого я никогда не испытывал ни к одной женщине, что бы это ни было, только она, встретившись со мной глазами, замолчала, задрожала и отступила назад, прошептав со смущением:

— О! Что это я сделала!

— Пригласили к себе доброго друга, — сказал я искренним и дружелюбным тоном, который я считал наиболее способным успокоить ее. — Не пугайтесь, я только радуюсь, что мне удалось увидеть особу, которой музыка доставляет такое же наслаждение, как и мне.

Но скрытая струна женственности была затронута в душе ребенка, и девушка не могла прийти в себя. Я думал было, что она убежит, и хотя чувствовал свою вину во вторжении в этой чистый храм, не мог, однако, не восхититься прелестной картиной, которую представляла она, отвернувшись и колеблясь, остаться ей или бежать.

Я не пытался останавливать ее. «Пусть поступает по своему собственному побуждению», — сказал я самому себе, но почувствовал облегчение сильнее, чем ожидал, когда она сделала шаг вперед и прошептала:

— Я не знала… я не сообразила, что я поступаю нехорошо. Молодые девушки не приглашают мужчин к себе? Как бы ни желали познакомиться с ними… Теперь я это вижу, а прежде не подумала. Можете вы мне простить эту оплошность?

Я никак не мог удержаться от улыбки. Я готов был прижать ее к сердцу и успокоить как ребен-

ка, но бледность женственности, заменившая детский румянец, остановила меня и заставила нерешительно произнести:

— Простить вас? Это вы должны простить меня! С моей стороны было так же неосмотрительно повиноваться вашей невинной просьбе, как вам приглашать меня, — сказал я с непреодолимым желанием успокоить эту чистую душу. — Я человек, — достаточно поживший на этом свете, и знаю приличия, а вы еще очень молоды…

— Мне шестнадцать лет, — прошептала она.

Это внезапное признание, показывавшее ее намерение не принимать незаслуженного извинения своему поступку, сильно тронуло меня.

— Но вы очень молоды и невинны и для своих лет, — воскликнул я.

— Так говорит тетушка, но теперь уж этого не скажет никто, — ответила она.

Потом она прибавила с внезапным порывом:

— Мы более видеться не будем, и вы должны забыть девушку, не имеющую матери, которая устроила свидание с вами так, что должна теперь краснеть всю оставшуюся жизнь. Это не оправдывает меня — продолжала она торопливо, — что няня не нашла в этом ничего дурного. Она всегда одобряет все, что ни вздумается мне сделать,

особенно если это могла бы запретить тетушка. Няня избаловала меня.

— Это ваша няня приезжала за мной? — спросил я.

Она кивнула головой.

— Да, няня. Она хотела доставить мне удовольствие, а поступила дурно.

«Да, — подумал я, — так дурно, что ты даже представить себе не можешь как.»

Но я только сказал:

— Вам лучше обращаться за помощью к тем, что лучше вас знаком с правилами света. Хотя ничего дурного сделано не было, — решил я прибавить, увидев огорчение в ее детских глазках. — Независимо от того встретимся ли мы еще раз или нет, мои воспоминания о вас будут исключительно невинными, обещаю вам.

Но она быстрым движением подняла руку.

— Нет, не вспоминайте обо мне. Мое единственное счастье заключается в мысли, что вы забудете обо мне. Теперь вы должны уйти, — продолжала она спокойнее. — Карета, которая привезла вас, стоит у дверей; я должна просить вас вернуться домой.

С этими словами она взялась за ручку двери.

— Но, — воскликнул я с внезапным сожалени-

ем, — неужели мы расстанемся таким образом? Неужели вы не скажете мне вашего имени?

— Вы разве не знаете? — спросила она.

— Я не знаю ничего, кроме того, что заключается в этом письме, — ответил я, вынув письмо из кармана.

— О! Это письмо вы должны мне возвратить, — прошептала она.

Когда я подошел к ней, она отступила и, указав на стол, сказала:

— Пожалуйста, положите туда.

Я сделал это, и что-то похожее на улыбку промелькнуло на ее губах, и я думал, что она вознаградит меня за это своим именем, но она только сказала: «Благодарю; теперь вы должны поклясться забыть все, что здесь происходило», и прежде чем я успел опомниться, она отворила дверь и вышла в переднюю.

Я поспешил за ней, и тихо сказанные слова: «Он джентльмен и ничего никому не скажет» поразили мой слух. Подняв глаза, я понял, что они были адресованы старой няне, которая, очевидно, ждала меня.

— Куда вы желаете, чтобы вас отвезли? — спросила она.

Я сказал, мы вместе вышли из передней, и она

отдала приказание кучеру, прибавив еще что-то, чего я не расслышал. Нечего было делать. Я оглянулся, дверь на улицу затворилась, я понял, что мне невозможно будет узнать дом, не выказав неприличного любопытства, тем более что старуха толкала меня и спешила сама сесть в карету. По внезапной боли в сердце, когда карета отъехала от дома, я понял, что первый раз в моей жизни я полюбил.

IV. Поиски

Если я ожидал чего-нибудь от присутствия в карете старухи, устроившей свидание, я обманулся в своих ожиданиях; прежде сдержанная, она и теперь молчала, и сидела возле меня как угрюмая статуя, готовая, однако, в случае необходимости остановить меня, если я вздумаю отворить дверцу или сделаю какое-нибудь другое движение, для того чтобы узнать, где я или в каком направлении меня везут. Я не сомневался, что ее барышня в кратком разговоре с нею перед моим отъездом успела сообщить ей, как стыдится своего поступка и как желает сохранить тайну. Но я думаю теперь и думал тогда, что чрезвычайные предосторожности, принимаемые для того, чтобы скрыть от меня личность молодой девушки, происходили исключительно по требованию старухи, которая поступила так неосторожно, согласившись на необдуманное желание своей молоденькой барышни.

Как бы то ни было, мы имеем дело с фактами, и вам будет интереснее узнать, что я делал, чем что думал в эту поездку в совершенной темноте. Метка, которую я оставил на тумбе, достаточно

показывала, на что я решился, и когда мы остановились у Альдермарля, я спокойно поблагодарил женщину, сопроводившую меня, и вышел из кареты.

Целую ночь не мог я заснуть, думая о прелестном личике ребенка, вдруг превратившегося в женщину на моих глазах, и какую женщину! Встал я очень рано, вышел, нанял кеб и велел везти себя в Медисонскую аллею, туда, где, по моему расчету, мы повернули налево вчера. Скажу в двух словах, что с большими усилиями отыскал я дом, в котором, по моим соображениям, принимала меня моя незнакомка.

Разумеется, я сразу постарался узнать фамилию того, кто жил в этом доме, и оказалось, что это один из самых богатых и уважаемых банкиров, такой же известный в городе, как и вы. Это было не совсем утешительно, но с упорной решимостью, не свойственной вовсе моему характеру, я настойчиво продолжал мои розыски и узнал, что этот банкир вдовец и имеет единственную шестнадцатилетнюю дочь. Отыскав моего приятеля Фаррара, который, как вам известно, ходячая газета нью-йоркского общества, я узнал, что дочь этого банкира, извините, если скрою его имя и назову Престоном, уехала из города на две неде-

ли, к своим друзьям в Балтимор.

— Вы разве знакомы с нею? — спросил он.

Этот вопрос застал меня врасплох, и я, кажется, покраснел.

— Нет, — ответил я, — не имею этой чести, но один мой знакомый… встретился с ней и…

— Вижу, вижу, — перебил Фаррар с самой неприятной улыбкой и прибавил как бы в предостережение:

— Надеюсь, что ваш друг не занимается музыкой. Мистер Престон музыки терпеть не может, а дочь его теперь еще слишком молода, но через два года будет иметь у своих ног целый город.

«Ну что же, — подумал я, — стало быть, мое сумасбродство еще больше, чем я полагал».

Я оставил Фаррара с благоразумным намерением бросить думать о том, что обещало только разочарование. Но судьба была против меня, на улице я встретил старого знакомого, совершенно противоположного по характеру с Фарраром, который рассказал мне длинную историю о своей любви и так воспламенил мое воображение, что я начал твердить себе: «Откуда я знаю, что эта неприступная дочь банкира именно та, которая очаровала меня? Вдовцов с молодыми дочерьми много в этом городе, да я еще не уверен узнал ли

я дом. Моя чаровница, пожалуй, дочь такого же музыканта, как и я, почему бы и нет?»

Воспламененный этой мыслью, я отправился к загадочному дому и спрашивал себя, как мне пробраться туда. Конечно, многие на моем месте позвонили бы и спросили мистера Престона будто бы по делу, но, во-первых, я никакого предлога придумать тотчас не мог, а потом, мне не хотелось прогневать девушку своими попытками узнать то, что она желала скрыть. Но все-таки меня влекло в этот дом желание узнать, тот ли это дом, в котором я был в достопамятный для меня вечер.

Вдруг, к моему восторгу, дверь отворилась и оттуда вышел человек, в котором я сразу же узнал агента одной из самых крупных фортепианных фабрик в городе. Это был не только мой приятель, но и человек крайне обязанный мне во многих отношениях, так что всякую мою просьбу он поспешил исполнить без всяких лишних расспросов и ненужной болтовни.

Итак, я узнал, что в этот день в дом привезут новый рояль, так как мисс Престон захотела иметь другой инструмент. Приятель мой согласился на мою просьбу позволить мне помочь ему при переноске рояля, не спрашивая у меня о причинах

такого желания. И вот спустя несколько часов, в рабочей блузе и в шапке, совершенно изменившей мою физиономию, я вступил в дом и узнал не только переднюю, но и ту комнату, где в первый раз сердце мое забилось от любви.

V. Рубикон

Убедившись, что мисс Престон и моя незнакомка одна и та же личность, слыша о мистере Престоне как о человеке, ставившем богатство выше всего, я, однако, не отказывался от своих надежд, и решил, что увижусь опять с девушкой, и, если удостоверюсь, что мимолетная фантазия ребенка перешла в твердую привязанность женщины, употреблю все силы, чтобы стать мужем этой прелестной девушки.

Не к чему рассказывать, как мне удалось посредством моего приятеля Фаррара получить приглашение в дом, где вечером должна была быть мисс Престон. Поверьте, что я это сделал с величайшим уважением к ее чувствам и даже Фаррар, самый пытливый и пронырливый человек на свете, не догадался ни о чем. Итак, я встретился с мисс Престон в гостиной, наполненной людьми, среди блеска брильянтов и шелеста вееров.

Когда я увидел ее, она разговаривала с какой-то молодой девицей, и я имел удовольствие наблюдать за ее прелестным личиком, когда она разговаривала со своей приятельницей или си-

дела молча, смотря на блестящую толпу гостей. Я нашел ее и похожей, и не похожей на видение моих грез. Красота ее казалась безупречной, что, конечно, подчеркивалось ее нарядным туалетом и ярким освещением в комнате, но в выражении ее лица было что-то еще более привлекательное, чем блеск ее глаз и прелестное очертание губ, какое-то очарование, свойственное ей одной, которого ее не могла лишить даже смерть, потому что это был отпечаток ее индивидуальности, который она унесет с собой на небеса.

Если бы я мог сесть возле нее без всяких объяснений, как был бы я счастлив! Но приличия не позволяли этого, и я довольствовался тем, что тайно наблюдал за ее движениями, и желая и опасаясь неизбежного представления. Вдруг в зале заиграли на фортепиано, и я увидал быструю перемену на ее лице — играли тот вальс, который я имел обыкновение играть. Она не забыла меня и, воспламененный этой мыслью и воспоминанием о румянце, залившем ее щеки, я отвернулся, как будто опять увидел то, что не должен был видеть никто, и меньше всех я.

Хозяйка позвала меня, и через минуту я низко кланялся перед мисс Престон.

Я не мальчик, жизнь со своими превратно-

стями научила меня многому, однако никогда не приходилось мне переживать более трудной минуты, чем та, когда я встретился глазами с мисс Престон после этого низкого поклона. Я знал, что она придет в негодование, что даже возможно неправильно поймет причины, побудившие меня к этой встрече, что, может быть, уедет, не дав мне случая с ней переговорить, но не ожидал, что она выкажет такое тягостное волнение, и на одно мгновение мне представилось, что я поставил на одну ставку все счастье моей жизни и проиграл. Но необходимость спасти ее от пересудов быстро заставила меня опомниться, и, следуя заранее обдуманному намерению, я заговорил с ней как незнакомый, ни словом, ни взглядом не показывая ей, что мы когда-нибудь встречались или говорили друг с другом. Она, по-видимому, оценила мое внимание и, хотя еще не так привыкла к обычаям света, чтобы вполне скрыть свое волнение, постепенно возвратила некоторое самообладание и скоро могла давать короткие ответы на мои замечания, хотя ни разу не взглянула на меня.

Вдруг с ней произошла перемена. Повелительным тоном произнесла она мое имя, и приказала следовать за ней. Почувствовав опасение неиз-

вестно отчего, я повиновался. Она сказала, как будто повторяя урок:

— Вы очень добры, говоря со мной так, как будто мы не знакомы. Я это ценю и очень вас благодарю. Но ведь это неправда, а так как друзьями быть мы не можем, то не лучше ли нам не встречаться более?

— Почему же мы не можем быть друзьями? — спросил я.

Ответом ее был густой румянец.

— На этот вопрос я предпочитаю не отвечать, — прошептала она наконец, — но только это справедливо, иначе я не сказала бы этого вам.

— Но, — отважился я спросить, решившись узнать, есть ли у меня хоть малейший шанс на мое счастье, — вы, по крайней мере, скажете мне, не моя ли вина, в том, что вы вынесли мне столь жестокий приговор. Я так дорожу знакомством с вами, что, конечно, не стану ни говорить, ни делать ничего такого, что может быть неприятно вам.

— Вы ничего не сделали дурного, — сказала она, — кроме разве того, что, воспользовавшись моим присутствием, узнали мое имя и пожелали представиться мне, когда я желала, чтобы вы забыли о моем существовании.

— Я не здесь узнал ваше имя, мисс Престон, — сказал я. — Я знаю его уже две недели. Рискуя заслужить ваше неудовольствие, я признаюсь вам, что с того вечера как был у вас, я приложил все силы, чтобы узнать, какая молодая девица оказала мне такую высокую честь и заслужила от меня такое глубокое уважение. Я не имел намерения сказать вам об этом, но ваша правдивость пробудила мою, и каковы бы ни были последствия, вы должны видеть меня таким, каков я в действительности.

— Вы очень добры, — ответила она, искусно скрывая трепет голоса. — Но право, знакомство с шестнадцатилетней девушкой не стоит таких усилий со стороны такого человека, как вы.

Покраснев, она стояла передо мной в нерешительности, желая закончить свидание, но слишком неопытная для того, чтобы сделать это с надлежащими тактом и уменьем.

Я понимал ее положение и колебался. Она так молода, а перспективы ее дальнейшей жизни так блестящи, что если бы я оставил ее сейчас, то через две недели она бы меня забыла. Но эгоизм был сильнее здравого смысла, и, взглянув на ее смущенное личико, я не мог отказаться от надежды увидеть на нем когда-нибудь выражение

любви и доверия ко мне.

— Мисс Престон, — сказал я с горячностью, которую не старался скрывать, — вы говорите, что мы не можем быть друзьями; ваше решение было бы таким же, если бы это была наша первая встреча?

Опять на лице ее выступил румянец.

— Я не знаю… думаю… боюсь…

Я поспешил на помощь к ней.

— Между пианистом Бёртремом Мандевилем и дочерью мистера Престона разница слишком велика.

Она повернулась и прямо взглянула мне в глаза; в словах не было необходимости. Сожаление, стыд, тоска сверкнули в ее пристальном взгляде.

— Не отвечайте, — сказал я, — я понимаю и радуюсь, что помехой служат обстоятельства, а не желание ваше неправильно истолковать мои побуждения и глубокое уважение к вам. Обстоятельства можно изменить.

Довольный тем, что посеял в ее нежном сердце семена будущей надежды, я почтительно поклонился и ушел.

Всю эту ночь я провел в размышлениях, как мне привести в действие то, на что я подал надежду мисс Престон.

То, что я талантливый музыкант было очевидно, судя по моим успехам у публики. Я не сомневался, что если буду продолжать двигаться в этом направлении, то достигну некоторого совершенства в этом искусстве. Но, дядюшка, на свете есть два рода артистов: одни трудятся, потому что вдохновение, одушевляющее их, не позволяет им молчать, а другие желают показать другим красоту, возбуждающую восторг в них самих. Первые никоим образом не могут отказаться от своего искусства, не пожертвовав душой своей жизни; другие и без своего искусства останутся все такими же, не изменив своего внутреннего существа. Или, говоря яснее, первым выбирать нельзя, а последним можно, если у них есть воля. Вы и свет вообще, наверное, скажете, что я принадлежу к первым, а я, напротив, чувствую, что я в своем искусстве не пророк, а только толкователь, не свои собственные мысли говорю я, а передаю чужие, и, следовательно, не погрешу против своей души, если сойду с того пути, по которому иду. Вопрос только состоял в том, какой сделать выбор? Вы говорите, что любовь — радость слишком неверная, и часто даже пошлая, для того чтобы мужчина ради нее лишался своей карьеры и изменял все направление своей жизни;

особенно любовь, зародившаяся невзначай и поддерживаемая романической таинственностью. Если бы я встретил эту девушку обыкновенным образом, окруженную друзьями и не облеченную очарованием необыкновенных обстоятельств, и, если бы не почувствовал, что она одна из всех женщин может затронуть глубокие струны моей души, тогда было бы совсем другое. Но с этой романической атмосферой, делавшей ее как будто неземною, мог ли я рисковать славой или богатством, чтобы приобрести то, что могло при обладании оказаться ничтожным и пустым.

Вызвав в воображении ее образ и рассматривая его критически, я спрашивал себя, что было в нем действительного, а что стало плодом моего воображения.

Кроткие глаза, дрожащие губы, девичий стан, — неужели это такая редкость, перед которой померкнут прелести всех остальных женщин мира? А то, что она говорила, могла сказать любая простодушная, скромная и любящая девушка. Моя уверенность, что она лучшая и милейшая из всех женщин, ничто более чем мечта, а ради мечты я не был готов пожертвовать своим искусством. Но тотчас после этого заключения на меня нахлынул поток опровержений. Если

романические обстоятельства, при которых я ее встретил, каким-то образом повлияли на меня, то это влияние сохранялось и теперь, и ничто не могло лишить ее прелестную головку ореола, которым эти обстоятельства облекли ее. Будет ли она разделять со мной мой домашний кров или нет, она всегда останется для меня прелестной мечтой.

Наконец, в этой любви было что-то более весомое и важное, чем мои карьера и честолюбие, а в ее страсти заключались та сила и живой огонь, которых до сих пор недоставало в моей жизни. На вопрос, получу ли я награду за все эти жертвы, я отвечать не хотел. Конечно, чувства шестнадцатилетней девушки не всегда бывают настолько постоянны, чтобы дать надежду взрослому человеку построить с ней свое будущее, особенно девушки в положении мисс Престон, которая скоро будет окружена толпою обожателей. Но я не хотел думать об этом. Если я принесу жертву, я должен получить награду. Кроме того, что-то в самой молодой девушке, я сам не знаю, что удостоверяло меня в чистоте и постоянстве пламени, горевшем в ее невинном сердце.

Утренний рассвет застал меня среди этой внутренней борьбы, но ответа на вопрос я в тот день

так и не нашел.

Я решился познакомиться с мистером Престоном. Зная, что он член клуба *** Я просил одного моего знакомого ввести меня туда, и в один вечер отправился туда с твердым намерением употребить все усилия для знакомства с мистером Престоном. Он был уже там и разговаривал со своими партнерами по бизнесу. Сев как можно ближе к нему, я тревожно рассматривал его лицо. Выводы были неутешительны. Сердце такого человека не смягчит голос юношеской страсти. Даже его костюм, такой поношенный, что даже я, при моих сравнительно ничтожных средствах, не решился бы надеть его, обнаруживал гордость миллионера, который в своем родном городе и среди своих знакомых не имеет надобности выказывать свое богатство внешним видом.

«Безумно будет с моей стороны обращаться к нему», — воскликнул я мысленно и чуть было не отказался от всего плана.

Но добрый гений, покровительствующий истинной любви, не оставил меня, несмотря на неблагоприятную обстановку. Когда меня представили мистеру Престону, я отметил, что сквозь суровое выражение его лица проскальзывала искра снисходительности к молодым людям и

что, кроме того, я лично понравился ему. Но вдруг один из наших общих знакомых завел речь о моем роде занятий и в лице мистера Петерсона произошла перемена — резким, решительным тоном он сказал мне:

— Бренчите на фортепиано? Жалкое занятие не только для мозгов мужчины, но и для его пальцев. Жалею, что мы не можем быть друзьями.

Не дождавшись моего ответа, он взял нашего общего знакомого под руку и отвел его в сторону на несколько шагов.

— Почему вы сразу не сказали, что он музыкант, — спросил он недовольным тоном. — Вы же знаете, что я гнушаюсь всем этим сбродом. Я имею больше уважения к любому конторщику у меня в банке, чем к самому знаменитому из них, будь то сам Рубинштейн. Потом он понизил голос, но все-таки говорил настолько внятно, что я мог слышать, и продолжал:

— Моя дочь имеет наклонность к этим глупостям и недавно просила у меня позволения познакомиться с каким-то музыкантом, но я убедил ее, что она не должна интересоваться арлекинами, что если человеческое существо, женщина или мужчина, это все равно, унизило себя до такого бессмысленного занятия, то ей, как

потомку знатной и богатой голландской семьи, неприлично знаться с ними. Моя дочь не может иметь знакомых, которых нельзя посадить за стол ее отца.

— Я думал, что ваша дочь совсем еще ребенок, — заметил его собеседник.

— Ей шестнадцать лет, именно в эти годы моя мать отдала свою руку моему отцу шестьдесят лет тому назад.

Уронив эту каплю растопленного свинца в мое и без того взволнованное сердце, они ушли.

Он более уважает конторщика своего банка! Если бы его конторщик, а еще лучше, какой-нибудь молодой человек, имеющий средства, занимался его любимым делом, мог ли он получить руку его дочери? Я начинал думать, что мог бы.

— Путь свободен! — воскликнул я.

Но окончательное решения я принял тогда, когда увидел его десять минут спустя в передней клуба. Он стоял один в темном углу, отцепляя шарф, который зацепился за пуговицу его пальто. Я поспешил к нему на помощь и был вознагражден довольно благосклонным наклоном головы, которое дало мне смелость сказать:

— Я был представлен вам как музыкант, будет ли вам приятнее мое знакомство, если я сообщу

вам, что имею намерение променять концертный зал на банкирскую контору?

— Конечно, — сказал он, протянув руку с очевидным удовольствием. — Такое приятное лицо, какое дала вам природа, жаль употреблять на бренчанье, вызывающее улыбки женщин и аплодисменты слабоумных мужчин. Садитесь-ка за конторку, милый мой. Нам нужны надежные молодые люди. Как скоро намерены вы совершить эти перемены? — прибавил он вежливо.

— В самое ближайшее время, — ответил я. и Рубикон был пройден.

VI. Пожатие руки

Приняв твердое намерение в корне изменить свою жизнь, я выбросил из головы все сомнения. Решив, что, имея такого друга, как вы, в деловых кругах, мне не нужно другого покровителя в моей новой жизни, я тотчас отправился к вам.

Теперь мне остается упомянуть только об одном. В прошлое воскресенье, идя по Пятой Аллее, я встретил мисс Престон. Я сделал это умышленно. Я знал, что она посещает библейские классы, и нарочно устроил эту встречу.

— Не выражайте вашего неудовольствия, — сказал я, — обещаю, это больше не повторится. Я хотел только сказать вам, что я оставил профессию, так мало ценимую теми, уважением которых я дорожу, и что я поступаю в банкирскую контору, где постараюсь приобрести, если возможно, богатство и уважение. Если мне удастся, вы увидите, чем все это закончится. Будьте уверены только в одном — пока я не сообщу вам сам, что надежда, окрыляющая меня теперь, не погасла, она будет гореть в моей душе, проливая свет на путь, который никогда не будет казаться мне мрачным.

Поклонившись с церемонной вежливостью, я протянул руку.

— Одно пожатие, чтобы ободрить меня, — сказал я.

Она как будто не поняла.

— Вы оставляете музыку для… для…

— Для вас, — ответил я, — не запрещайте мне, теперь уже поздно.

Она посмотрела мне в лицо и спокойно подала мне свою руку.

— Я молода, — сказала она, — и не знаю, что следует сказать такому великодушному и доброму человеку. Я могу обещать только, что надеюсь на то, что буду когда-нибудь в состоянии вознаградить вас за то, что вы предпринимаете, а если нет, то я по крайней мере постараюсь не оказаться недостойной такого доверия и такой преданности.

Взглянув друг на друга последний раз, мы расстались; воскресные колокола зазвонили, и то, что так было живо для нас в эту минуту, стало в воспоминании похожим на туман и мечту.

VII. Мистрис Сильвестер

Мандевиль, закончив свой рассказ, взглянул на дядю. Он увидел его сидящим в задумчивости, правая рука лежала на столе, взгляд потуплен, лицо выражало глубокую меланхолию.

«Он не слушал меня», — было первой мыслью молодого человека.

Но, уловив взгляд дяди, который в эту минуту поднял глаза, он понял, что ошибся и что дядя, напротив, слушал слишком внимательно.

— Вы должны простить мне мое многословие, — пролепетал молодой человек. — Вы сидели так тихо, что я забыл, что у меня есть слушатель, и продолжал как бы думать вслух.

Дядя улыбнулся и, сбросив с себя тягостные думы, встал и начал ходить по комнате.

— Я вижу, что ты неисправим, — сказал он, — и что вся моя премудрость пропадет понапрасну.

Мандевиль обиделся. Он ожидал от дяди ободрения или, по крайней мере, сочувствия. На его лице выразилось разочарование.

— Ты ожидал обратить меня этим рассказом, — продолжал дядя, остановившись с некоторым сожалением перед своим племянником. Меня

ничто обратить не может, кроме…

— Чего? — спросил Мандевиль, напрасно ожидая конца фразы.

— Того, чего мы никогда не найдем в вихре нью-йоркской светской жизни — это женщины, способной наградить тебя своей верностью, и обладающей душой, способной понять такую преданность, как твоя.

— Но я думаю, что мисс Престон именно такая женщина и есть. Ее наружность и ее последние слова доказывают это.

— Это покажет только время, я верил не меньше тебя…

Потом, как бы боясь, что сказал слишком много, он сменил тон на деловой и заметил:

— Оставим все это; ты решился оставить музыку и заняться спекуляциями, с целью приобретения денег и общественного уважения, доставляемого богатством. И вероятно, у тебя есть деньги, которыми ты готов рискнуть?

— Есть, достаточно для начала. Для вас покажется мало, а для меня довольно, если мне посчастливится.

— А если нет?

— Что ж, не удастся и больше ничего.

— Бёртрем, — воскликнул дядя, переменив

тон, — а не приходило тебе в голову, что мистер Престон может иметь такое же сильное предубеждение против спекуляций, как и против музыки?

— Нет. Я думал иногда, что, даже в случае успеха, мне придется бороться против его отвращения ко всему новому, даже богатству, но никогда не думал, чтобы ему могли не понравиться спекуляции, так похожие на его собственные деловые операции.

— А мне кажется, что ты подвергнешься гораздо больше его неудовольствию, если решишься на задуманный тобой риск, чем если бы продолжал заниматься своим искусством.

— Знаете ли вы…

— Я ничего не знаю, но я боюсь риска, Бёртрем.

— Следовательно, я должен отказаться от всякой надежды на счастье?

Тонкая и непонятная улыбка промелькнула на губах дяди.

— Нет, — в этом нет необходимости, — сказал он.

Сев возле племянника, он спросил его, желает ли он вступить в банкирскую контору.

— Конечно, это превзошло бы даже мои ожидания. А вы знаете о каком-нибудь месте?

— Я объясню тебе положение моих дел. Я всегда мечтал управлять банком. Последние пять лет я трудился для этой цели и теперь являюсь обладателем трех четвертей капитала Медисонского банка. Он находился в упадке, и я смог приобрести его недорого, но теперь я намерен расширить дело. Я хочу предложить банку одно выгодное дело и могу предсказать, что не пройдет и года, как ты увидишь его успешную реализацию.

— Я не сомневаюсь в этом, сэр; все, чего вы коснетесь, всегда удается.

— Да, это действительно так. Но — прибавил он, как будто племянник заговорил о том, что не относилось к делу, — вопрос вот в чем. Через две недели я буду выбран президентом банка; если желаешь, можешь занять место помощника кассира — это самое лучшее, что я могу предложить при твоем полном неведении дела.

— Дядя! Как вы великодушны! Я…

— Полно! Твои обязанности будут условны, но ты будешь иметь время и возможность ознакомиться со всей банковской системой и с теми людьми, которых тебе будет полезно знать. Когда представится случай, я могу дать тебе должность кассира, так чтобы обеспечить тебе быстрое повышение.

Глаза молодого человека засверкали; с внезапным пылким движением он вскочил и схватил дядю за руку.

— Никогда не буду в состоянии достаточно вас отблагодарить. Вы сделали меня вашим должником на всю жизнь. Если теперь кто-нибудь спросит меня, кто был мой отец, я скажу…

— Что он был брат Эдварда Сильвестера. Но полно, полно, к чему такая преувеличенная благодарность. Ты всегда был моим любимцем, Бёртрем, а теперь, так как у меня нет детей, ты стал еще ближе ко мне, мне приятно помочь тебе тем, что могу. Но я желал бы, чтобы ты вступил в эту новую профессию из любви к делу, а не к женщине. Я боюсь за тебя, мой милый. Страшно поставить всю свою будущность в зависимость от верности женщины. Если она умрет, после того как ты накопишь состояние, это ты, может быть, перенесешь; но если она окажется вероломной и выйдет за другого, или, выйдя за тебя…

— Что? — послышался серебристый голос.

И в дверях появилась богато одетая женщина, длинное бархатное платье которой наполнило комнату сильным запахом духов. Она вошла в комнату и остановилась с видом, который попыталась сделать игривым, но который из-за

массивности ее фигуры и надменной поднятой головы выглядел просто высокомерным.

Сильвестер поспешно встал, как бы неприятно удивленный.

— Уона! — воскликнул он, поспешив, однако, скрыть свое замешательство небрежным замечанием о непродолжительности вечерней службы, позволившей ей так рано вернуться из церкви. — Я не слышал, как ты вошла, — прибавил он.

— Оно и понятно, — ответила она, искоса взглянув на Мандевиля. — Но служба была не коротка, напротив, я думала, что она не закончится никогда. Голос у мистера Тёрнера очень приятный, — продолжала она, он не мешает думать, хотя, кажется, меня не считают способной к этому, — прибавила она, снова взглянув на молчаливого гостя.

— Светская женщина, которую считают пристрастной ко всему модному, разумеется, думать не способна; деловые люди, думающие только о том, как приобретать деньги, конечно, имеют гораздо больше мыслей в голове, — продолжала она с внезапной непоследовательностью, являющейся основной чертой характера этой женщины.

— Знаешь, Эдвард, я пришла к заключению относительно девушки, на которой женится

Филипп Лонстри; может быть, она хорошенькая, но только она не умеет одеваться. Жаль, что ты не видел ее сегодня; на ней было лиловое платье с золотистой отделкой, а с ее цветом лица… Ах! я забыла, что ты не видел ее. Бёртрем, я кажется, дам прием в будущем месяце, вы будете? О! Эдвард, принцесса Луиза шестой ребенок королевы Виктории, я спрашивала мистера Тёрнера сегодня. Кстати, желала бы я знать, могу ли я выехать завтра? Бёрд был так обязателен, но вздумал захворать в самом разгаре сезона. Мне надо сделать тысячу разных разностей, а я терпеть не могу наемных лошадей. С недовольным вздохом положила она на стол свой молитвенник и, посмотревшись в зеркало, начала снимать перчатки медленно и грациозно, что вполне соответствовало каждому ее движению.

Точно будто атмосфера суетности наполнила комнату, освященную несколько минут перед тем выражениями чистой и благородной любви. Сильвестер находился в каком-то тревожном состоянии, а Бёртрем напрасно раздумывал, что ему сказать.

— Я будто помешала вам, — вдруг прошептала она непринужденным тоном, нисколько не согласовавшимся с подозрительным взглядом,

который она бросила сначала на одного, потом на другого из собеседников из-под своих тяжелых век. — Нет, я не сяду, прибавила она, когда муж подвинул к ней кресло. Я до смерти устала и сейчас уйду, но мне кажется, что я прервала какое-то твое мудрое замечание о супружестве. Это предмет интересный, и мне хочется услышать, что человек, такой сведущий в этом, тут она сделала медленный, ленивый и вежливый поклон своему мужу с таким взглядом, который мог обозначать и кокетство, и вызов, может сказать такому молодому человеку, как мистер Мандевиль.

Эдвард Сильвестер, считавшийся чем-то вроде самодержца среди мужчин, которого все признавали передовым человеком во всяком обществе, с покорным видом преклонил свою голову перед двусмысленным взглядом жены.

— Нельзя же повторять всякую фразу, какая вырвется иногда у человека, сказал он, Бёртрем советовался со мной…

— А ты ему отвечал своим блестящим слогом, — заметила его жена. — Что ты ему сказал? — спросила она через минуту таким же бесстрастным голосом, разглаживая на столе перчатки руками, нежными как белая роза, но твердыми как мрамор.

— О! Если ты непременно желаешь знать, — небрежно, ответил он, — и еще раз услышать мое замечание о женском поле, изволь, я повторю то, что уже сказал племяннику, что мужчина, сосредоточив свои надежды на верности женщины, может разочароваться. Если даже ему и удастся жениться на ней, он может раскаяться, если принес для нее какую-нибудь большую жертву.

— Неужели! — И ее нежные щеки покрылись ярким румянцем. Почему ты это говоришь? — спросила она, бросив свою кокетливость и явившись глазам обоих надменной и неумолимой женщиной, какой всегда считал ее Бёртрем, несмотря на ее причуды и суетность.

— Потому что я видел много супружеских пар, кроме нашей, — ответил муж все так же вежливо, и чувствую себя обязанным предупредить всякого молодого человека об его вероятной судьбе, когда он думает, что найдет только розы и блаженство в супружеской жизни.

— А! Так ты говоришь вообще, — заметила она со смехом, неприятно раздавшимся в атмосфере, вдруг сделавшейся слишком тяжелой для свободного дыхания. — Я, например, знаю много жен, которых так мало ценят мужья, что я боялась, не даст ли мой супруг вам какой-нибудь совет,

основанный на личном опыте.

Она подошла к гостю с той странной улыбкой, которую многие называли опасной, но Бёртрем всегда находил крайне неприятной.

Она видела, что он опустил глаза, и опять улыбнулась, но только по-другому. Эта женщина, которую обвиняли только в легкомыслии, жаждала всякого поклонения от кого бы то ни было.

Повернув свой массивный, но изящный стан, медленные движения которого напоминали тяжелый тропический цветок, опьяненный своим собственным благоуханием, она вдруг переменила разговор и пустилась в свою обычную непоследовательную болтовню.

Но Мандевиль не был расположен к пустой болтовне, поэтому встал, извинился и торопливо ушел. Однако он успел шепнуть дяде, когда шел с ним к двери:

— Моя участь будет иной, чем у многих известных нам мужей.

Дядя, стоя в великолепной передней, где со всех сторон его окружал блеск несметного богатства, посмотрел вслед молодому человеку и прошептал:

— Иной? Ну дай-то бог!

VIII. Тени прошлого

Давно пробила полночь. Огонь в камине горел тускло, освещая своим угасающим светом лицо хозяина, сидевшего с потупленной головой и сложенными руками. Зрелище было печальное. Самое великолепие обширной комнаты, высокие стены, произведения искусства как будто придавали еще больше одиночества этому человеку, сгорбленному под тяжестью своих размышлений. Начиная с резного потолка до турецких ковров на паркете, все было изящно и роскошно, но какое отношение имело это великолепие к мыслям, нахмурившим брови и сжавшим губы хозяина?

Восковые свечи освещали красоту, которая никому не была нужна. Сам хозяин, вероятно, чувствовал это, потому что вдруг встал, погасил свечи и снова сел на прежнее место.

Часы пробили два, потом три, но хозяин по-прежнему сидел неподвижно.

Какие же мысли могли не пускать в мягкую постель человека, утомленного тяжелым днем? Сложно сказать. Но перед глазами его, в угасающем огне камина, ясно стояли две картины.

Во-первых, коттедж на горе, где мать стояла и

смотрела, как он возвращался домой из школы, потом двор, где он играл с соседскими детьми, которые теперь смотрели бы на него со страхом и трепетом, комната, где он спал со своим маленьким братом, голубоглазым Томом, который умер так рано. Ласки и поцелуи матери, теперь лежащей в могиле!

Другая картина представила глазам его женщину — не ту, чей портрет красовался на стене, а девочку — молоденькую, прелестную, сидящую у реки в ярком солнечном свете июньского дня, с таким выражением на юном личике, какого он никогда не видел ни на одном лице. Все успехи последнего десятилетия меркли в сравнении с невинностью и доверчивостью этого ребенка, когда он вспоминал, как сияли ее ясные глаза, когда она смотрела на него. Он вспоминал, как, впервые увидел ее. Он был в то время совсем молодым юношей, наслаждавшимся каждой минутой жизни; природа мало интересовала его, и когда во время одной из своих прогулок он увидел девочку, сидевшую у реки и пристально смотревшую на воду, он удивился, что может так глубоко заинтересовать ее. Лицо этой девочки имело какое-то особенное выражение, глядя на него, он чувствовал, что в его груди шевелится

что-то неизвестное ему доселе, и он боялся, что если девочка заговорит, то очарование будет нарушено. Однако он рискнул, подошел к ней и спросил, о чем она думает, глядя на реку.

Она просто ответила:

— Я не знаю.

Потом добавила задумчиво:

— Когда я смотрю на воду, мне хочется плакать, а еще уехать куда-нибудь далеко, далеко…

Ему показалось, что он понял девочку, и первый раз в жизни взглянул на реку, на которую смотрел с детства, другими глазами.

Река располагалась в живописнейшем месте. Здесь гора сливалась с горой, долина с долиной, а серебристые воды исчезали на горизонте лазурного тумана.

— Это похоже на волшебную страну, не правда ли? — спросила девочка, пристально на него глядя. — Знаете, почему мне так кажется?

Он улыбнулся и сел возле нее.

— Вас пленяет красота местоположения, дитя мое; оно ново для вас?

— Нет, просто я всегда так чувствую.

Он разговорился с девочкой. Оказалось, что ее зовут Поола, и она родственница любимой им женщины. Это его слегка ошеломило его. Лилия

и кактус цветут на одном стебле. Как это может быть? На минуту ему показалось, что блеск прелестной женщины потускнел перед сиянием этого невинного ребенка. Но это чувство скоро прошло. Когда проходили дни и вечера с красивой музыкой, ярким освещением и нежным шепотом между виноградных лоз, воспоминание о чистом, сладостном часе у реки постепенно исчезало, так что только смутное воспоминание о кротком личике с прелестными ямочками на щеках время от времени мелькало в памяти, как мираж или лихорадочный сон.

Но в эту ночь все так живо представилось ему вместе с воспоминанием о его матери. О! Зачем он предался потоку, увлекшему его так, что он лишился всякой возможности сопротивляться и… О! Прочь безумные мысли! Нечего останавливаться на пороге мрачного воспоминания, которое сушит душу и сжигает сердце в тайные часы ночи. Если уж человек должен думать, то пусть думает о надежде, которую воспоминание о краткой встрече с чистой и невинной душой подарило его омраченному сердцу. Пробило четыре часа. Огонь в камине потух, ночь холодна, а он этого не замечает. Он спросил себя, совсем ли закрыта книга его жизни? Разве только упроче-

ние капитала будет теперь занимать его мысли, душу и тело? И им овладело сильное желание взглянуть еще раз на прелестного ребенка, чтобы ее чистая душа показала ему нечто благороднее и возвышеннее этой пошлой жизни.

— Она должна быть теперь совсем взрослая, — прошептал он, — старше даже той, которую Бёртрем так страстно обожает, но для меня она всегда останется ребенком. Если что-нибудь спасет меня…

Но тут мрак сгустился, а скоро и холодный серый рассвет наполнил комнату.

IX. Поола

Зима. Снег лежит на горах, простирающихся за замерзшей рекой. На берегу стоит высокий, красивый мужчина. Это Эдвард Сильвестер смотрит на могилу своей матери. Десять лет не приезжал он сюда. Во все это время никакие воспоминания о доме его детства и об этой одинокой могиле среди сосен не могли привлечь его из города и оторвать от ежедневных забот. Но мечтания одной ночи пробудили желание, которого он не мог преодолеть, и, несмотря на холодное удивление жены и тайное опасение своего собственного сердца, он оставил свой удобный дом и поехал туда, где провел свои молодые годы и женился, и теперь стоит на холодном декабрьском воздухе и смотрит на надгробие на могиле матери.

Но не только для этого приехал он в Гротвель. Другое видение, видение юной, нежной жизни влекло его сильнее, чем память об умершей. Для того чтобы взглянуть опять на нежное личико девочки, красноречивые глаза и невинная душа которой так сильно взволновали его, что он пренебрег холодом Коннектикутских гор и недовольством своей жены.

Он отошел от могилы и решил пройти мимо дома, наполненного самыми неприятными воспоминаниями для него. Твердыми шагами шел он, встречая иногда друзей своей юности, которые, несмотря на его изменившуюся внешность, узнавали в нем стройного молодого банковского кассира, который оставил их деревушку десять лет тому назад, чтобы составить себе имя и состояние в большом городе.

Задумчиво прошел он мимо дома, который был так ему неприятен, и банка, где работал, и незаметно дошел до уютного коттеджа, на который Поола указала ему, как на свой дом.

— Боже мой! Я даже не знаю, жива ли она, — вдруг воскликнул он, остановившись и глядя на низкие стены домика. — За десять лет на кладбище появилось много новых могил, а Уона не станет упоминать о потере своих родственников, даже если лишится всех их. Какой я дурак!

Но с той суровой решимостью, которая помогала ему преодолевать многие трудности, он направился к двери, как вдруг она отворилась и на порог вышла молодая девушка. Не Поола ли это? С пылким, почти лихорадочным интересом ожидал он ее приближения. Если это Поола, он узнает ее по глазам, но почему-то он надеялся,

что это не она.

Шага за два от него она остановилась. Это была высокая, стройная девушка с безучастным выражением лица, глубокими глазами и твердо сжатыми губами. Девушка невольно поклонилась и пошла дальше. Сильвестер торопливо остановил ее.

— Подскажите, а мистрис Ферчайлд еще жива? — спросил он, указывая на дом, из которого девушка вышла.

— Мистрис Ферчайлд? О, нет, — ответила она, глядя на него плутовскими карими глазами и с удивлением в голосе. — Она умерла уже давно. Здесь теперь живут мисс Эбби и ее сестра.

— Кто они? — спросил он, не решаясь произнести имя Поолы.

— Мисс Эбби и мисс Белинда? — сказала она с недоумением. — Мисс Эбби шьет, а мисс Белинда учит в школе. Больше я ничего о них не знаю, сэр.

Он вежливо поклонился.

— И они живут здесь одни?

— О нет, Поола живет с ними.

— А! Она живет с ними… — Поола — дочь мистрис Ферчайлд?

— Да, сэр.

— Благодарю, — сказал он и дал пройти хорошенькой девушке, которая несколько раз кидала на него взгляды, медленно удаляясь.

Остановившись у двери маленького коттеджа, Эдвард Сильвестер размышлял: «Может быть, она такая же свеженькая, круглолицая, с лукавыми глазками пансионерка. Из умных детей не всегда выходят серьезные и сердечные женщины. Я должен остерегаться пустых надежд».

Дверь ему отворила морщинистая низенькая старушка и с улыбкой воскликнула:

— Мистер Сильвестер! Я знала, что Уона вспомнит нас наконец. Пожалуйте, сэр, моя сестра вернется через несколько минут.

И с торопливостью, довольно смешной в пожилой женщине, она повела важного гостя в большую комнату, где, несмотря на его возражения, тотчас начала разжигать камин.

— Это доставляет мне удовольствие, сэр, — ответила она на выраженное им сожаление о причиняемых хлопотах, и в искренности ее слов сомневаться было нельзя. — Мы с Белиндой считали дни с тех пор, как отправили последнее письмо. Может быть, это покажется вам глупым, сэр, но Поола растет так быстро, и Белинда находит ее развитой не по летам, и мы думали,

что Уоне пора об этом знать. Вы желаете видеть Поолу?

— О да, — ответил он, приведенный в негодование молчанием жены об ее родственниках.

«Они думают, что я приехал из-за полученного письма, — думал он, — а я даже не знал, что моя жена получила от них весточку».

— Вы удивитесь, — воскликнула старушка, самодовольно глядя на ярко вспыхнувший огонь, — всякий, кто видит ее в первый раз, удивляется. Племянница моя здорова?

Таким образом он в первый раз узнал степень родства жены, после десятилетнего супружества, с этими простыми обитателями гротвельского коттеджа.

Он ответил уклончиво и потом постарался выпытать от этой простодушной старушки несколько фактов, объяснивших ему, в чем дело. Мисс Эбби и мисс Белинда были незамужние сестры мистрис Ферчайлд и матери Уоны. Когда мистрис Ферчайлд умерла, они взяли к себе сиротку Поолу, воспитывали ее, обучали. Поола была необыкновенным и очень развитым ребенком, и Белинда решила, что она должна получить лучшее образование, чем мог предложить ей Гротвель. Она написала к мистрис Сильвестер в

надежде, что она примет участие в судьбе своей кузины и отдаст ее в пансион; но до сих пор ответа не получали, так как, разумеется, мистрис Сильвестер была очень занята, а приезд мистера Сильвестера лучше всякого письменного ответа.

— А Поола знает о вашем намерении? — спросил Сильвестер.

Старушка покачала головой.

— Белинда просила меня пока не говорить ей ничего, — сказала она. — Девочка довольна своей жизнью, а мы не хотели давать ей ложных ожиданий. Вы никогда не пожалеете о том, что сделаете для нее, — прибавила она торопливо, посматривая время от времени на дверь и как бы боясь, что чей-то приход лишит ее возможности поговорить свободно. — Поола очень хорошая девочка, и никогда не доставляла нам хлопот. Но вот Белинда, — вдруг воскликнула старушка, бросаясь к двери. — Белинда! — закричала она, мистер Сильвестер у нас.

Вошла высокая пожилая женщина, некрасивое, но выразительное лицо которой и осанка, исполненная достоинства, тотчас показывали, что она принадлежала не к одному типу женщин со своей сестрой.

— Очень рада видеть вас, сэр, — произнесла

она медленным решительным голосом, совсем не похожим на пискливый тон мисс Эбби. — Не приехала ли с вами мистрис Сильвестер?

— Нет, — возразил он, — я приехал один; моя жена не любит ездить зимой.

Ее блестящие проницательные глаза слегка сверкнули.

— Разве она больна? — спросила она.

— Она не больна, но ее здоровье оставляет желать лучшего, — ответил он спокойно. Она опять быстро взглянула на него, сняла шляпку и села около огня. Сестра ее тоже перестала суетиться, так же села и стала ее безмолвной тенью.

— Поола пошла наверх снять шляпку, — сказала Белинда довольно резким тоном. — Она очень замечательная девушка, мистер Сильвестер, некоторые называют ее гением, а я предпочитаю называть ее дочерью природы. Всему, чему можно было научиться в этом городе, она научилась. Признаюсь, я гордилась ее способностями и старалась их развить. Ни одна девушка в моей школе не может так хорошо написать сочинение, и ни у одной нет такого преданного сердца и такого сговорчивого характера.

— Стало быть, вы были не только ее другом, но и учителем.

Непонятая гримаса пробежала по ее некрасивому лицу.

— Я никогда не рассчитывала на признательность Поолы. Я принесла ей только одну жертву — ту, которая угрожает мне ее потерей.

Потом, как бы опасаясь, что сказала слишком много, она еще крепче сжала губы и, перестав говорить о Пооле, стала расспрашивать Сильвестра об их жизни в городе. «Замечательная женщина», — подумал он, и отвечал ей прямо и просто, к ее очевидному удовольствию, между тем, как кроткая мисс Эбби глядела на обоих со смиренным благоговением, показывавшим, что она понимает и принимает их превосходство над собой. Между тем, беспокойство мисс Белинды и нетерпеливое ожидание Сильвестера, прислушивавшегося к шагам на лестнице, свели разговор на нет, и скоро мисс Эбби встала и пошла за Поолой.

— Девочка не из робких, но не очень любит общаться с посторонними, — объяснила мисс Белинда.

Но Сильвестер не слышал ее слов, потому что в эту минуту дверь отворилась и мисс Эбби вошла с Поолой.

Эдвард Сильвестер никогда не забывал этой

минуты, и немногие, увидев такую необыкновенную красавицу, могли бы не почувствовать и удивления, и восторга. Хорошенькой ее назвать было нельзя, это слово совсем не шло к ней, она была просто одно из великолепнейших и изящнейших произведений природы. Начиная с черных как смоль волос до крошечной ножки, она была совершенством во всем. Она была чем-то неповторимым и безукоризненным, чего можно сказать не о многих женщинах, как бы ни были они прелестны и привлекательны.

Сильвестер этого не ожидал и с минуту не мог оторвать глаз от красоты, превратившей маленькую гостиную во дворец, годный для королей. Но скоро, возвратив свое самообладание, он встал с вежливым поклоном и приветствовал любезными словами краснеющую девушку.

Вдруг ее глаза, которые до сих пор были потуплены, сверкнули на него, и улыбка мелькнула на губах, и он увидел с глубоким и внезапным удовольствием, что минуты, оставившие в нем такое глубокое впечатление, не были забыты ею, и что она его узнала.

— Это мистер Сильвестер, муж твоей кузины Уоны, — сказала мисс Белинда, очевидно, приписывая волнение девушки ее удивлению при виде

величественной наружности их гостя.

— Так это вы женились на Уоне! — невольно прошептала она, покраснев от своих мыслей, высказанных вслух.

— Да, милое дитя, — поспешил сказать Сильвестер. — Вы помните меня? — прибавил он, улыбаясь.

— Да, — просто ответила она, присаживаясь возле него. — Признаться, я в первый раз встретила тогда человека, с таким энтузиазмом выслушавшего мой детский лепет. Весьма естественно, что такая доброта произвела на меня впечатление.

— Мы с маленькой Поолой давно знакомы, — сказал Сильвестер удивленной мисс Белинд. — Это было до моей женитьбы, а ей было тогда…

— Десять лет, — закончила Поола, видя, что он бросил на нее вопросительный взгляд. — Слишком молодая для таких глубоких мыслей, — воскликнул он. — Что же, этот детский энтузиазм совсем прошел? — продолжал он, улыбаясь. — Вы уже не видите волшебную страну у реки?

Она покраснела, бросила робкий взгляд на тетку, но, встретившись глазами с Сильвестером, по-видимому, забыла все и всех вдохновившись его присутствием.

— Должна признаться, что для меня это по-

прежнему волшебная страна, — ответила она тихо. — Знание не всегда приносит разочарование, и, хотя я узнала названия городов, разбросанных по этим туманным берегам, я не могу отогнать от себя мысль, что они укрывают врата в рай и что мне стоило бы только полететь за птичками по реке, чтобы очутиться в этой загадочной стране.

— Поола — мечтательница, — заметила мисс Белинда, — но она все-таки девушка добрая и очень способная.

— Она и шить умеет, и пирог испечь может, — робко вставила словцо мисс Эбби.

— Это хорошо, — засмеялся Сильвестер. — А учиться вы любите, Поола?

Глаза ее засверкали.

— Люблю — это мало сказано. Знания тоже помогают открывать волшебные страны любознательному взору.

— И геометрия? — лукаво спросил Сильвестер.

— Даже геометрия, — улыбнулась Поола. — Конечно, она несколько однообразна и не всегда дает места фантазии, но из ее треугольников и кругов произошло величие архитектуры, и на пороге ее точных законов и неуклонных расчетов я вижу ангела с золотым жезлом в руке, измеряющим небеса.

— Даже камень имеет язык для поэта, — сказал Сильвестер, бросив взгляд на мисс Белинду.

— Но Поола не поэт, — возразила мисс Белинда со строгой беспристрастностью. — Насколько мне известно, она не написала ни одной строчки. Так, ведь дитя?

— Да, тетушка, это так же невозможно для меня, как и поймать солнечный луч или ветерок, приподнимающий мои волосы или целующий мои щеки.

— Вы видите, — заметил Сильвестер, все еще глядя на мисс Белинду. — Все-таки у нее есть поэтический дар.

Она не ответила, с сомнением покачав головой и бросив пристальный взгляд на девушку, как будто приметила вдруг в этой светлой юной душе что-то такое, чего не примечала до сих пор.

— Вы уезжали когда-нибудь из дома? — спросил Сильвестер Поолу.

— Никогда, я так же мало знаю свет, как неоперившийся птенец. Впрочем, нет, я этого не скажу, потому что у птички нет тетушки Белинды, которая рассказывает о соборах и чудной музыке, которую она слышала, и о великолепных картинах, которые она видела в городе. Послушать тетушку Белинду почти тоже самое, что путеше-

ствовать самой.

Теперь пришла очередь пожилой женщине покраснеть, и проницательные глаза Сильвестера это заметили.

— Вы бывали в Нью-Йорке? — спросил он.

— Два раза, — ответила она.

— После моей женитьбы?

— Да, сэр.

— Я этого не знал, а то я просил бы вас остановиться в моем доме.

— Благодарю, — сказала она, бросив быстрый торжествующий взгляд на свою тень, которая ответила ей изумленным взглядом и хотела что-то сказать, но мисс Белинда продолжала.

— Я ездила в город по делам; и не хотела беспокоить мистрис Сильвестер.

Он понял, что жена его знала об этих посещениях, но ничего об этом не сказала.

— Вы сейчас упомянули о музыке, — обратился он к Пооле. — А какую музыку вы любите? Было ли бы вам приятно послушать такую музыку, о которой говорила вам тетушка?

— О да, я ничего не могу представить себе величественнее, чем сидеть в церкви и слушать звуки органа, выражающие то душевное состояние, которое вы старались выразить словами и не

могли. Я отдала бы целую неделю моей жизни в горах, как она мне ни мила, за один такой час.

Сильвестер улыбнулся.

— Цена дорогая за такое простое удовольствие, а устроить это легко, — сказал он таким дружелюбным тоном, что мисс Белинда удостоверилась вполне, что пренебрежение к родным ее племянницы происходило не по вине ее мужа.

Сильвестер видел, какое произвел впечатление, и поспешил укрепить его, чувствуя, что добрым мнением мисс Белинды следует дорожить всякому.

— Я гулял в этих горах, когда был совсем маленьким, — сказал он, — и знаю, что значит желать неизвестного нам, наслаждаясь настоящим. Вы услышите орган, дитя мое.

— Я услышу орган? Что это значит? О! Что это значит? — спросила Поола, обернувшись к тетке с надеждой, сиявшей на лице.

— Ты должна спросить мистера Сильвестера, — ответила мисс Белинда.

А он с улыбкой сказал краснеющей девушке, что он читал, будто смертные вступают в волшебную страну, закрыв глаза; она поняла, что он хотел этим сказать, и промолчала, а он перевел разговор на другие темы.

Как мог он ей объяснить, какие чувства вызвала в нем ее юная, величественная красота. Он хотел, чтобы она стала его дочерью, чтобы заняла место ребенка, умершего на его руках три года тому назад. Но это значило так же, что у Уоны прибавится забот, а она забот не любила, поэтому он промолчал.

X. Запертая дверь

— Вы сознаете, что ваша племянница одарена не только талантами, но и редкой красотой? — спросил Сильвестер мисс Белинду, когда они остались вдвоем, перед его отъездом.

— Нет, то есть, конечно, — торопливо поправилась она, — я знала, что она очень хороша, лучше всех ее подруг, но не думала, чтобы ее можно было назвать красавицей, особенно человеку, привыкшему к нью-йоркскому обществу.

— Я не знаю в Нью-Йорке ни одной женщины, которая могла бы похвалиться такой великолепной внешностью. Такие лица редко встречаются даже на картинах, мисс Белинда. Скажите, а мистрис Ферчайлд была красивой женщиной?

— Она была моей сестрой, любимой сестрой, но не лучше других членов нашей семьи. Поола наследовала свою красоту от отца. Я считаю, что ее главное очарование происходит от ее чистой натуры и бескорыстных сердечных побуждений.

— Я тоже так думаю, — ответил Сильвестер спокойно.

Потом вдруг, переменив тон, так как чувствовал необходимость сказать что-нибудь, определенное

этой женщине относительно своих намерений, он заметил:

— Ее необыкновенные таланты и очевидная склонность к наукам, как вы заметили, не могут быть удовлетворены в таком маленьком городе, хотя ваши благоразумные попечения принесли много пользы. Я предоставлю Пооле возможность усовершенствовать свои дарования, но, когда и как — пока я сказать не могу, прежде я должен обсудить это с моей женой.

— Вы очень добры, сэр, — возразила мисс Белинда. — Я не сомневаюсь в доброжелательности ваших намерений, и девочка будет готова к перемене своего положения.

— А будет ли девочка так добра, — воскликнул Сильвестер с улыбкой, когда Поола вошла в комнату, — чтобы проводить меня?

— Разумеется, — ответила тетка, прежде чем Поола успела заговорить, — мы обязаны оказать вам это внимание.

Таким образом, когда Сильвестер возвращался назад, возле него шел добрый гений, охранявший его от тяжелых воспоминаний.

— Что передать от вас угрюмым городским улицам, когда я вернусь? — спросил он, торопливо идя с Поолой по дороге, покрытой снегом.

— Передать от меня? О! Передайте им мой поклон, — ответила она весело.

Очевидно, Сильвестер был для нее один из тех немногих людей, присутствие которых позволяет без всякого стеснения высказывать свои мысли.

— Мне бы очень хотелось познакомиться с ними, но вряд ли они будут в состоянии соперничать в привлекательности с этими милыми дорогами, окаймленными серебристыми деревьями. Как вы считаете?

Это был первый вопрос, который она задала ему, и он не знал, что ответить. Глаза ее смотрели на него так доверчиво, он не мог решиться поколебать ее веру в его воображаемое превосходство. Но каким мыслям предавался он на шумных городских улицах, кроме своих эгоистических надежд, опасений, планов?

— Конечно, — сказал он после минутного молчания, — я понимаю, о чем вы говорите. Суетливые толпы народа на Бродвее вызывают совсем другие ощущения, чем эта уединенная дорога. Постойте, Поола, не на этом ли месте увидел я вас в тот день, когда вы показывали мне вид за рекой?

— Да, и я сидела на этом камне, а вы стояли вот тут и казались так высоки и величественны моим детским глазам. Я жалею, что небо сегодня

туманно и вы не можете видеть эффект солнечного заката на этих ледяных и снежных вершинах.

— Тогда мне нечего было бы ожидать, когда я опять сюда приеду, — ответил он почти весело. — В следующий раз мы увидим солнечный закат, Поола.

Она улыбнулась, и они продолжали торопливо идти вперед.

Вдруг она остановилась.

— И в маленьких городах есть свои тайны, — сказала она, — и у нас есть своя тайна, посмотрите.

Он обернулся, следя глазами за направлением ее указательного пальца, и вздрогнул от внезапного удивления. Она указывала ему на мрачный дом с доской на фасаде, возбудивший в нем тягостное воспоминание.

— Какой уединенный дом, не правда ли? — спросила она, — не подозревая, какое страдание ему причиняет. — Здесь не живет никто, и кажется, никогда не будет жить. Видите доску, прибитую к двери?

Он заставил себя взглянуть.

— Да, — ответил он и спросил, что это значит.

— Мы точно не знаем, — ответила она. — Эту доску прибили люди, провожавшие гроб полков-

ника Джефы. Этот дом принадлежал полковнику Джефе, — продолжала Поола, не замечая, какую тень вызвало это имя на лицо ее спутника. Он был большой оригинал и, говорят, много чего пережил; как бы то ни было, жил он очень уединенно, и на смертном одре взял со своих соседей обещание, что они вынесут его тело в эту дверь и потом запечатают ее, чтоб никто больше не входил в нее никогда. Его желание было удовлетворено, и с того дня до сих пор никто не входил сюда.

— А дом? — пролепетал Сильвестер тоном, не похожим на его обыкновенный голос. — Он, наверное, не был пуст все эти годы?

Ах! — ответила Поола, — теперь мы переходим к самой главной тайне.

Робко положив свою руку на руку Сильвестера, Поола обратила его внимание на дряхлую старуху, идущую по направлению к ним по улице.

— Вы видите эту престарелую женщину? — спросила она. — Каждый вечер в это время, зимой и летом, в любую погоду она выходит из своего дома и идет к этому заброшенному дому, отворяет ветхую калитку и по запустелому саду входит в боковую дверь дома, которую отпирает большим ключом, лежащим в ее кармане. Ровно час остается она там и потом выходит в сумерках с

унынием на лице, составляющим поразительный контраст с тем выражением надежды, с которым она входит в дом. Для чего она приходит каждый день и запирается на определенное время в этом брошенном доме, никто не знает, она же об этом молчит.

Сильвестер вздрогнул и тревожно посмотрел на проходившую старушку.

— Я ее знаю, — прошептал он, — она родственница семейства, которое жило в этом доме.

— Да, говорят, ей и принадлежит этот дом, хотя она в нем не живет. Заметили, как она взглянула на меня? Она часто так смотрит, как будто желает заговорить. Но всегда проходит мимо, отворит калитку, вынет большой ключ и…

— Пойдемте, — вдруг вскричал Сильвестер, схватил Поолу за руку и потащил ее по улице. — Вы не должны иметь ничего общего с этими тайнами и загадочными старухами. Стараясь обратить в шутку этот необъяснимый порыв, он засмеялся громко, но принужденно и неестественно, так что Поола взглянула на него с удивлением.

— Вы заразились сверхъестественной атмосферой этого места, — сказала она, — я этому не удивляюсь.

С бессознательной жестокостью, иногда овладевающей самыми внимательными людьми, она продолжала разговор о неприятных для него предметах.

— Я знаю людей, которые вечером непременно перейдут на другую сторону улицы, только бы не пройти под тенью двух больших тополей около дома. Однако, насколько мне известно, там не было совершено никакого убийства или преступления, если только неповиновение дочери, убежавшей с человеком, которого ненавидел ее отец, можно назвать таким страшным словом.

Пристальный взгляд, которым Сильвестер рассматривал ландшафт, находившийся перед ним стал суров и холоден.

— Вот как, — сказал он, как бы говоря скорее сам с собой, чем с Поолой, — даже до вашего невинного слуха дошла болтовня о мисс Джефа.

— Болтовня! Я никогда не считала это болтовней, — ответила она, пораженная в первый раз переменой в его внешнем виде. — Это случилось так давно, что скорее похоже на какую-то старинную легенду, чем на рассказ о наших соседях. Притом, если своевольная девушка убежала из дома отца с любимым человеком, это не такой страшный случай, хотя она никогда не возвра-

щалась сюда с своим мужем, и отца так поразил этот факт, что он никогда больше не улыбался.

— Я поражаюсь, — ответил Сильвестер, бросив на Поолу быстрый взгляд, исполненный облегчения, как любят люди прислушиваться к разным старым россказням. — Этот запертый дом постоянно возбуждает любопытство. Имея перед глазами свидетельство неумолимой неприязненности этого человека, естественно, что мы думаем о судьбе той, кто была предметом этой ненависти.

— И никто ничего не слышал о ее дальнейшей судьбе. Кто знает может быть Джекилина Джефа умерла раньше своего отца.

Поола наклонила голову, изумленная мрачным тоном человека, которому, как она думала, эта история не была известна.

— Вы, стало быть, прежде знали эту историю, — заметила она, — прошу прощения.

— Ничего страшного, — сказал он, сбрасывая свою угрюмость. — Вам не надо обращать внимания на мои внезапные приступы угрюмости. Я никогда не был веселым человеком. Тени, короткие в ваши годы, становятся длинными и холодными в мои. Их может прогнать только счастливая улыбка ребенка. Вы для меня ребе-

нок, не откажите же мне в улыбке перед моим отъездом.

Она протянула ему обе руки, улыбаясь на прощанье, потому что они пришли к станции и стук приближающегося поезда уже слышался вдали.

— Господь да благословит вас! — сказал он, пожимая ее руки с отцовской нежностью. — Бог да благословит мою маленькую Поолу и сохранит ее до нашей следующей встречи! Если какая-нибудь волшебница посетит вас до моего приезда, не колеблясь, слушайте ее приказания, если желаете услышать орган.

— Хорошо, хорошо, — закивала головой Поола.

С последним прощальным взглядом и улыбкой, сел он в вагон и помчался от места многих воспоминаний и одной-единственной надежды.

XI. Мисс Стьюйвесант

— Она красавица, я должен предупредить тебя об этом.

— Брюнетка или блондинка?

— Брюнетка; то есть ее волосы и глаза почти чернильной черноты, а лицо почти такой же ослепительной белизны, как твое.

Мистрис Сильвестер бросила небрежный взгляд в большое зеркало, перед которым заканчивала свой туалет, и томно улыбнулась, этому ли комплименту ее главной прелести или своей мимолетной фантазии, трудно было понять.

— Черные волосы и глаза она наследовала от отца, — заметила она рассеянно, любуясь букетом белых роз у корсажа, откинув назад свою гордую белокурую голову. — Его мать была гречанка.

Мистрис Сильвестер находилась в самом приятном расположении духа. Ее новое платье сидело на ней великолепно, а зеркало отражало пленительное лицо.

— Как ты думаешь, сумеет она приколоть ленту или сделать бант? — спросила она. — Сера положительно не умеет. Посмотри на этот черный бархатный бант, например, можно ли приколоть

его так, чтобы была видна изнанка?

С привычкой смотреть туда, куда указывал белый палец жены, серьезный мужчина медленно повернул голову, наполненную тяжелыми мыслями, и, взглянув на бархатный бант, машинально нахмурил брови.

— Я плачу Сере двадцать пять долларов в месяц, и вот каков результат, — продолжала его жена. — Если Поола…

— Поола приедет сюда не затем, чтобы занять место горничной, — поспешно перебил муж, и румянец слегка выступил на его щеках.

— Если Поола, — продолжала жена, не обращая внимания на его слова, но бросив на него быстрый взгляд в зеркало, — имеет такой же вкус в этих вещах, как некоторые члены нашей семьи, и может помогать мне иногда, я воображала бы, что ко мне вернулась моя младшая сестра, которая своим искусством была так полезна для всех нас в нашем старом доме.

— Я не сомневаюсь, что Поолу можно научить этому, — ответил муж, стараясь скрыть свое нетерпение. Я уверен, что она понятлива, а делать банты, должно быть, не очень мудрено.

— Право, не знаю; судя по уменью Серы, я сказала бы, что это так же трудно, как и алгебра…

как бишь называется эта противная наука, которой мне всегда грозили в пансионе, когда я жаловалась на головную боль? Ах, вспомнила — конические сечения.

— Ну тогда Поола научится этому быстро, она замечательно разбирается в математике! — засмеялся муж.

Молчание последовало за этим. Мистрис Сильвестер надевала серьги.

— Я думаю, — сказала она наконец, — снег помешает многим приехать сегодня. — Но только бы мистрис Фицджеральд была, а на других мне наплевать. Как ты находишь оправу этих бриллиантов? — спросила она, наклоняясь вперед, чтобы пристальнее на себя взглянуть, и медленно качая головой, так что великолепные камни засверкали как огонь.

— Красиво, — коротко вырвалось у мужа.

— Ну, я не знаю, могло быть побольше эмали. Я поговорю завтра с ювелиром. Но о чем мы говорили? — рассеянно спросила она, все вертя головой перед зеркалом.

— Мы говорили о том, чтобы взять к себе твою кузину вместо нашей умершей дочери, — ответил муж с некоторой строгостью, остановившись посреди комнаты, по которой прохаживался, и

бросая на жену пристальный взгляд.

— Ах да. Боже, как неудобно застегиваются эти серьги. Застегни, я не могу.

Когда он подошел, жена его зевнула и заметила:

— Конечно, никто не сможет заменить нам родную дочь. Если бы Джерелдина была жива, она была бы блондинкой, у нее глаза были голубые, как сапфиры.

Он посмотрел на жену и руки его опустились. Он подумал о том дне, когда эти глаза, действительно голубые как сапфиры, горели лихорадочным огнем смерти, а жена и мать, находившаяся теперь перед ним, с этим же самым холодным и самоуверенным выражением лица, спускалась с широкой лестницы в карету и шептала, подбирая свой шлейф: «О, не беспокойся, Сера за ней присмотрит».

Может быть, и она подумала теперь об этом, потому что легкая краска выступила сквозь румяна на ее лице, когда она встретилась с суровыми глазами мужа, но она только ближе повернулась к зеркалу, говоря:

— Я забыла, что ты не любишь роль горничной. Я постараюсь застегнуть сама, так как ты выгнал Серу.

Он собрал свое самообладание в тысячный раз и прогнал от себя это страшное воспоминание, даже принудил себя улыбнуться, тихо отнял ее руку от уха и начал проворно застегивать непослушную серьгу.

— Ты ошибаешься, — сказал он. — Я всегда готов служить моей жене.

Она бросила на него взгляд, который он любезно принял за награду, и томно протянула ему браслеты. Когда он застегивал их на ее руках, она спокойно окинула его глазами с головы до ног.

— Я не знаю мужчины, фигура которого могла бы сравниться с твоей, — сказала она с гордостью в голосе, — хорошо, что ты женился на такой женщине, которая не кажется ничтожной возле тебя. И прибавила со своей обычной непоследовательностью:

— У дочери мистрис Бокер черные глаза, но боже, какое чучело делает она из нее! Сильвестер со вздохом отвернулся к окну и стал смотреть на тяжелые хлопья снега, медленно падавшие на мостовую.

— Даже мистрис Фицджеральд, при всем ее вкусе, не умеет одевать свою дочь, — продолжала его жена. — Тише, Черри! — обратилась она к птице в клетке. Я с такой же гордостью наряжала бы ту,

которая находилась бы под моим надзором, как саму себя, только бы она ценила это.

Видя, что пронзительное пение птицы не прекращается, она подошла к клетке и протянула свой белый палец птице с таким милым и ласковым движением губ, которого никогда не видела маленькая Джерелдина с голубыми глазками.

Сильвестер снова вспомнил о маленькой Джерелдине; снег всегда напоминал ему о ней и о ее невинном вопросе, не для забавы ли маленьких детей Бог посылает такие большие хлопья снега.

— Я даю тебе полную свободу, — продолжал он.

Мистрис Сильвестер отвлекла свое внимание от птицы и бросила на мужа проницательный взгляд, который вызвал бы его удивление, если бы ему удалось перехватить его. Но он стоял к ней спиной, а в небрежном и томном тоне, которым она ему ответила, не было ничего такого, что заставило бы его повернуть голову.

— Я вижу, что тебе будет приятно, если я возьму к себе эту девочку, но…

Она замолчала, лаская птицу, между тем как муж с нетерпением барабанил пальцами по стеклу.

— Я должна поговорить с ней, прежде чем решу,

может ли она остаться у нас, — продолжала она, и повернувшись к зеркалу добавила — Эдвард, пожалуйста, подай мне шаль.

Он хотел было поцеловать белоснежную шею, набрасывая на плечи шаль, которую взял с кресла. Но это не понравилось бы этой спокойной и томной красавице, которая не любила слишком открытую дань своим прелестям и сохраняла свои ласки для своей птицы. Кроме того, это имело бы вид благодарности, а благодарность была бы неуместна к жене, изъявившей согласие на его предложение принять ее родственницу в его дом.

— Она может приехать уже завтра, — заключила она, когда, довольная наконец каждым бантиком, с необыкновенным изяществом выходила из комнаты.

— Прием у мистрис Китредж будет через неделю, и мне хочется посмотреть, какой вид будет иметь черноволосая красавица с белым цветом лица в платье нынешнего нового гелиотропного цвета.

Итак, победа одержана, потому что мистрис Сильвестер при всем своем наружном равнодушии никогда не отказывалась от принятого решения.

Когда он представлял себе, что скоро в этой самой комнате, бывшей свидетельницей стольких тайных страданий, скоро раздадутся шаги чистого и невинного ребенка, он чувствовал нежность к жене, исполнившей его заветное желание.

И подойдя к ее туалетному столику, он положил между драгоценностями дорогое кольцо, купленное им у старого друга, остро нуждавшегося в деньгах.

Если бы он знал, что она уступила его желанию из смутного чувства раскаяния за те разочарования, какие она так часто ему доставляла, возможно он повременил со своим щедрым подарком.

— Я ожидаю мою молоденькую кузину; она проведет здесь зиму и завершит свое образование.

Это были первые слова, услышанные им, когда час спустя он вошел в гостиную, где жена его занимала гостей, которые, из-за желания увидеть заново меблированную гостиную мистрис Сильвестер, не побоялись снега и прибыли на званый ужин.

— Надеюсь, что вы с ней подружитесь, — продолжала жена, обращаясь к миловидной девушке, стоявшей рядом с ней.

Желая увидеть, какую подругу жена его

несколько преждевременно приготовила для Поолы, он торопливо подошел ближе и увидел маленькую девушку с каштановыми волосами, робкий взгляд которой и несколько детский ротик составляли поразительный контраст с достоинством, с которым она держала свою маленькую головку и всю свою маленькую особу.

— Мисс Стьюйвесант, позвольте представить вас моему мужу! — произнес мелодичный голос его жены.

Удивившись, что слышит имя, несколько минут тому назад занимавшее главное место в его мыслях, он вежливо поклонился и спросил, не имеет ли удовольствие говорить с дочерью Седдюса Стьюивесанта?

— Если это доставит вам особенное удовольствие, я отвечу да, — сказала маленькая мисс с улыбкой, осветившей все ее лицо. — Вы знакомы с моим отцом?

— Немного найдется банкиров, не имеющих этого удовольствия, — ответил он. — Я особенно счастлив видеть его дочь в моем доме.

Что-то в его тоне и зорких взглядах, которые он бросал на молоденькое личико, отличавшееся необыкновенным очарованием, удивило его жену.

— Мисс Стьюйвесант была в карете с мистрис Фицджеральд, — сказала хозяйка с достоинством, которое умела принимать в нужный момент, — я боюсь, что если бы не это обстоятельство, то мы не имели бы удовольствия видеть ее у нас.

И с тем редким тактом, которым она обладала в совершенстве, как и всем, что касалось светской жизни, она оставила магната Волской улицы разговаривать с дочерью человека, которого знали все нью-йоркские банкиры, и поспешила присоединиться к группе дам, рассуждавших о гончарном искусстве.

Сильвестер последовал за нею глазами; он никогда не видел ее такой возбужденной. Возможно предстоящий приезд Поолы так подействовал на нее? Взволнованный этой мыслью, он обернулся к маленькой мисс, стоявшей возле него. Она смотрела пристально и задумчиво на гравюру Дюбюфа «Блудный сын», украшавшую стену над ее головой. Что-то в ее лице заставило его спросить:

— Это ваша любимая картина?

Она улыбнулась и кивнула своей маленькой нежной головкой.

— Да, сэр, но я смотрела не столько на картину, сколько на лицо этой черноволосой девушки с

таким задумчивым выражением в глазах. Она не похожа на остальных. Внешне она находится перед нами, но ее сердце и душа в какой-то другой стране или брошенном доме, который напоминает ей музыка, звучащая возле нее. У этой девушки душа выше окружающих; а лицо для меня необыкновенно патетично. В тайной глубине своего существа она сохраняет воспоминание или сожаление, отчуждающее ее от света и делающее некоторые минуты в ее жизни почти священными.

— Вы смотрите в самую глубь, — сказал Сильвестер, глядя на девушку с интересом. — Вы, может быть, видите более, чем живописец намеревался изобразить.

— Нет-нет, может быть, более, чем выражает гравюра, но не более намерения художника. Я видела оригинал, здесь на выставке, если вы помните. Я была тогда ребенком, но никогда не забывала лица этой девушки. Оно было для меня выразительнее всех остальных, может быть, потому, что я так уважаю сдержанность в тех, кто хранит в сердце или великое горе, или великую надежду.

Взгляд, обращенный к ней, чрезвычайно смягчился.

— Вы верите великим надеждам? — сказал он.

Маленькая мисс как будто выросла, а лицо ее было почти прекрасно.

— Что же за жизнь была бы без них? — ответила она.

— Это правда, — сказал Сильвестер и, вступив с ней в разговор, удивился, как такая молоденькая девушка могла быть так необыкновенно сведуща и так умела себя держать. «Хорошеньких девушек полно, думал он, но я должен буду изменить мое мнение о них, если встречу еще несколько таких умных и сердечных как эта»

Лицо его сделалось так светло и голос так весел, что со всех сторон комнаты дамы собрались послушать, что же молчаливая мисс Стьюйвесант сказала серьезному хозяину дома, что вызвало у него такой веселы смех и радостную улыбку.

— Прием, хоть и небольшой, получился самым приятным за весь сезон, — объявила мистрис Сильвестер, когда уехал последний экипаж и она с мужем стояла в ярко освещенной библиотеке, рассматривая новый редкой и старинной работы шкап, поставленный в этот день на почетном месте, под портретом хозяйки.

— Ты была, как всегда на высоте, Уона, — заметил ей муж.

— Это был мой триумф, первый раз в нашем доме была Стьюйвесант, — прошептала она.

— Что! — воскликнул он, обернувшись к ней с раздражением, он был горд и не признавал никого выше себя в общественном отношении. — Разве ты считаешь себя выскочкой, если радуешься присутствию в твоем доме кого бы то ни было?

— Мне показалось, — ответила она, несколько обидевшись, — что ты сам выказал необыкновенное удовольствие, когда она была представлена тебе.

— Это может быть; я был рад видеть ее здесь, потому что ее отец один из самых влиятельных директоров в банке, в котором я скоро надеюсь стать президентом.

Он думал этим известием доставить жене особенное удовольствие, и действительно, оно загладило маленькую размолвку, возникшую в начале разговора. После торопливых расспросов, взаимных супружеских поздравлений обрадованная жена оставила мужа гасить свечи, а сама отправилась наверх угощать любопытную Серу свежими сплетнями.

А муж ее постоял несколько минут на том месте, где она оставила его, рассеянно глядя на

великолепную анфиладу, находившуюся перед ним, до дальнего зеркала щегольской гостиной, думая, может быть, с гордостью о том, как скоро достиг он богатства и видного положения и в деловом и в общественном свете. Потом с торопливым движением и вздохом, которого не могли бы, кажется, вызвать его настоящие надежды, он погасил свечи, так что стало темно, и только слабый свет из передней показывал очертания мебели и высокую фигуру хозяина, стоявшего посреди комнаты, прижав руки ко лбу с горестью и отчаянием.

— Да, — шептал он, — человек ничего не может забыть.

Потом твердыми и спокойными шагами поднялся он на винтовую лестницу и, не останавливаясь, не оглядываясь, дошел до самого верхнего этажа, вынул из кармана ключ, отпер дверь, вошел и запер ее за собою. Это его кабинет, или приют, комната, скрытая от глаз, в которую никому не дозволено входить, тайна дома и для слуг, и для любопытной хозяйки. Что он там делает, не знает никто, но в эту ночь, если бы кто-нибудь полюбопытствовал послушать, то не услышал бы ничего, кроме скрипа пера. Он писал мисс Белинде, что в назначаемый им день он приедет

за Поолой.

XII. Мисс Белинда выдвигает условия

Мисс Белинду несколько удивило предложение Сильвестра взять Поолу к себе. Она не ожидала такого результата от своих усилий; она надеялась только, что Поолу, может быть, поместят года на два в какой-нибудь хороший пансион. Она даже не совсем была довольна оборотом дела. По всему, что она слышала, ее племянница Уона была женщина легкомысленная, чтобы не сказать более, а у Поолы душа была слишком возвышенна и ее не следовало подвергать вредному влиянию пустого общества.

— Мы должны подумать дважды, — сказала она с горечью мисс Эбби, которая, напротив, была полна самых ребяческих надежд относительно результата, который внутренне приписывала своей искусной беседе с Сильвестером.

Однако, несмотря на свои сомнения, мисс Белинда начала делать необходимые приготовления. А для Поолы мысль увидеть большой город с дорогим другом, образ которого с раннего детства соединялся в ее душе со всеми понятиями о благородстве и великодушии, была не только радостной, но и вдохновительной. Конечно, она

любила старушек, жертвовавших своими удобствами для се счастья. Но была затронута струна, которая лежит глубже признательности, и как ни был дорог ей милый старый дом, она не могла устоять от очарования слов, произнесенных глубоким выразительным голосом: «Дитя мое!», и ни одно место, даже самая волшебная страна, не казалось так привлекательно ее фантазии, как тот неизвестный дом, где вместе с кузиной Уоной она будет придумывать, как вызвать улыбку на грустных устах его хозяина.

Когда в назначенный день Сильвестер явился во второй раз в гротвельский коттедж, он нашел Поолу в восторге, мисс Эбби в радостных слезах, а мисс Белинду безмолвной и строгой.

Приписав это весьма естественному сожалению от разлуки с Поолой, он стал готовиться к отъезду, нисколько не подозревая ее настоящего душевного настроения, и это продолжалось до тех пор, пока она не сказала ему вечером после раннего чая, предварительно выслав Поолу из комнаты:

— Я желаю поговорить с вами, сэр, прежде чем вы увезете от меня предмет моих попечений и забот.

Он повернулся к ней с внезапным беспокой-

ством и встретил ее твердый взгляд.

— Правила нашей жизни были очень просты, — продолжала она таким тоном, который принимала в те минуты, когда не была расположена ни к каким уступкам, — выполнять домашние обязанности, любить Бога и приносить пользу нашим ближним. Поола была воспитана в уважении к этим правилам простоты и чести. Что будет с этой невинной душой в вашем веселом городе с его пустыми удовольствиями и снисходительным взглядом на твердые устои жизни, мистер Сильвестер?

— Город — это громадный котел, в котором смешаны и добро, и зло, — ответил он твердо, но с каким-то затаенным волнением в голосе, которое не укрылось от проницательной старушки. Поола увидит, как больше дурного, так и добродетелей, чем если бы осталась в этом городке одна с природой, которую она так любит. Древо познания приносит два плода, мисс Белинда; разве это заставит вас не допускать к его ветвям эту девочку?

— Нет, сэр; я не так слабоумна, чтобы держать девочку на привязи, но я и не так неосторожна, чтобы пустить ее в неведомое море без кормчего. Ваша жена, — она замолчала и пристально по-

смотрела на него, Ваша жена, Уона моя родная племянница, — продолжала она, понизив голос, — и я считаю себя вправе говорить свободно о ней. Можно ли ей доверить присматривать за молодой девушкой, вступающей в новую жизнь? Я слышала, что она слишком увлечена светскими развлечениями.

Сильвестер покраснел, но, чувствуя, что от этой женщины правду скрыть трудно, ответил чистосердечно:

— Она такая же, какой была до замужества. Если она слишком любит свет, ее можно извинить, с самого рождения свет усыпал розами ее путь.

— Гм! — произнесла энергичная старуха.

Потом, опять сурово глядя в огонь, она продолжала:

— Еще один вопрос, мистер Сильвестер. Из искреннего ли участия к Пооле моя племянница соглашается взять ее к себе на неопределенное время? Я знаю, что это вопрос щекотливый, но теперь не время выбирать слова.

— Мисс Белинда, — ответил он, и голос его был тверд, хотя пальцы, лежавшие на ручке кресла, слегка дрожали, — я постараюсь забыть на минуту, что она моя жена, и откровенно признаюсь вам, что такой побудительной причины, какая

заслужила бы ваше одобрение, нельзя ожидать от женщины, никогда вполне не сознававшей торжественную ответственность, налагаемую жизнью. Я не сомневаюсь, что она будет добра к Пооле, даже очень может быть, что она примет искреннее участие в ее жизни, но, чтобы она могла занять ваше место наставницы, этого я не ожидаю от нее и не считаю себя вправе подавать такую надежду вам.

Взгляд, брошенный на него мисс Белиндой, был далеко не добрым.

— А между тем, — сказала она, — вы увозите от меня мою любимицу, чтобы подвергнуть ее влиянию, которое наверняка не будет полезным для нее. Мистер Сильвестер, вы видели всю эту городскую светскую жизнь без прикрас, берете ли вы на себя смелость взять ту Поолу, которую вы видели, из атмосферы чистоты и невинности, в которой она выросла, и отправить ее в мир вседозволенности и суеты? Понимаете ли, вы все возможные риски и последствия этого поступка?

Как будто электрический удар сотряс его изнутри.

Сильвестер торопливо встал и отошел к окну. Это было его любимое прибежище в минуты недоумения или сомнения.

— Мисс Белинда, — начал он и остановился, глядя на горы, в которых прошло все его детство, — я понимаю ваши чувства, заставляющие вас говорить подобным образом, и уважаю их, но… — тут его язык опять онемел, то убеждающее красноречие, за которое его так ценили друзья и партнеры по бизнесу вдруг куда-то исчезло. Судьба Поолы также не безразлична и мне. Вы знаете, что мы потеряли дочь, и я надеялся, тут он отошел от окна и приблизился к мисс Белинде, — предоставить Пооле не только роскошный дом и образование, соответствующее ее выдающимся способностям, но и стать для нее семьей. А теперь… Он не закончил фразы и начал ходить по комнате.

Глаза мисс Белинды, светло-серого цвета, совсем некрасивые, но чрезвычайно выразительные, обратились от огня, горевшего в камине, на его лицо, и слезы искренней признательности навернулись на них.

— Я никогда не думала, — сказала она, чтобы у вас такие серьезные намерения. Иначе я сразу же выразила бы мои опасения. Чувство, о котором вы говорите, я легко могу понять. Однако…

Он прекратил свою торопливую прогулку по комнате и заговорил:

— Мисс Белинда, — сказал он, — я уверен, что моральные качества Поолы не могут пострадать в какой бы то ни было атмосфере. Она не дитя, мисс Белинда, хотя мы называем ее так. Правила, внушенные вами, не так слабы, чтобы разлетаться от первого дуновения ветра.

Он замолчал, как бы взвешивая все еще раз, потом крепко сжал губы, и последние признаки нерешимости исчезли с его лица. Сев возле мисс Белинды, он прямо взглянул ей в глаза, и в первый раз она поняла, какой властностью обладает этот человек.

— Мисс Белинда, — сказал он, — я даю вам слово, что вы по-прежнему будете принимать непосредственное участие в дальнейшей судьбе Поолы. Она поедет со мной в город и станет для нас с женой любимой дочерью. Но я настаиваю на том, чтобы она была откровенна с вами обо всем, что касается ее жизни в моем доме, и в тот момент, когда вы увидите перемену в ее чистой и прямой душе, вы можете потребовать ее немедленного возвращения, и, если бы даже это вырвало сердце из моей груди, я отправлю ее к вам без всяких расспросов и уговоров, даю вам слово джентльмена и христианина. Довольно этого для вас?

— Вполне, сэр. Никто не может требовать большего, — ответила мисс Белинда нетвердым голосом.

— Я прошу вас, чтобы вы приказали Пооле не скрывать от вас ничего, происходящего с ней, пока я буду стараться занять место отца в ее сердце.

— С таким серьезным человеком, как вы, — сказала она, — я думаю, что могу отпустить мою любимицу в любое общество, даже в то, которое так боготворит Уона. Человек, умеющий так владеть собой будет надежным во всем.

Он молча поклонился ей.

Прошел час. Огонь ярко горел в камине, освещая чучела птиц и старинные портреты, которыми были украшены стены, а более всего наклоненную голову Поолы, сидевшей на скамеечке у камина и смотревшей то на погасавшее, то на вспыхивавшее пламя.

Она уложила свой маленький чемодан, простилась со всеми друзьями и теперь сидела и думала о новой жизни, открывавшейся перед ней. Мысли были приятные, как показывала улыбка, мелькавшая на ее губах.

Сильвестер наблюдал за Поолой и сердце его замирало, так он боялся не оправдать надежд

девушки, которые она по всей видимости возлагала на свою новую жизнь. «Молодые крылышки думают распахнуться на свободе, — размышлял он, — между тем как они попадут в позолоченную клетку».

Он был так молчалив и грустен, что Поола вдруг встала и села возле него.

— Вы, кажется, устали, — прошептала она с участием, придвигая к нему свой стул.

Много лет уже не слыхал он такого теплого сочувствия ни от кого.

— Я заработался последние несколько месяцев. Скоро я приду в себя. А вы, о чем думали, Поола? — спросил он.

— Я думала о том, что ждет меня в громадном мире, который вы называете городом. Я увижу прелестные лица и благородные формы. Я буду слушать музыку, отголосок которой доходил до меня в рыдании реки и вздохах сосен, но звуки которой во всей ее красоте и силе я никогда не слышала даже во сне. Я увижу знаменитых мужчин и замечательных женщин, увижу жизнь во всей ее полноте, как видела природу во всем ее могуществе, и сердце мое успокоится наконец.

Сильвестер глубоко вздохнул, и глаза его загорелись ярким блеском.

— Вы ожидаете слишком многого, — сказал он, — а не думали вы о том, что жизнь в большом городе, с ее суетой и постоянным соперничеством, может быть часто мелочна и непредсказуема, несмотря на все свои прекрасные стороны.

— Всякая жизнь имеет свою обратную сторону, — произнесла Поола с лукавой улыбкой. — Орел, рассекающий грозовые тучи, должен иногда останавливаться, чтобы почистить свои крылья. Мне было бы жаль выкинуть из жизни мелочи. Даже мы с вами сейчас несмотря на этот чудный закат должны накрывать стол к ужину.

— Но светские обычаи, Поола, — возразил Сильвестер, скрывая удивление, вызванное в нем зрелостью ума, выказанного этой простой дочерью природы. Светские обычаи и правила — это неумолимая сила, управляющая душой женщин, которые неожиданное оказываются пленницами моды, думали ли вы о ней и о требованиях, предъявляемых ею? — Да, иногда, — ответила она с той же лукавой улыбкой, — когда я надеваю шляпку, сделанную тетушкой Эбби по фасону бабушкиной. Мода — это упрямая мачеха, которой, мне кажется, не так трудно повиноваться, как сопротивляться. Не думаю, чтобы я ссорилась с модой, если она обещает мне не накладывать рук

на мою душу.

— Но если она потребует от вас всего, тогда что?

— Я вспомню, что нахожусь в стране демократических принципов, — засмеялась она, — и попрошу избавить меня от исполнения требований самовластия.

— Вы научились этому от мисс Белинды, — сказал Сильвестер, — она также не любит никаких деспотических мер.

Потом с серьезным видом он наклонился к молодой девушке и спросил:

— Знаете ли вы, что вы очень хороши собой, Поола?

Она покраснела, посмотрела на него с удивлением и потупила голову.

— Мне говорили, что я похожа на моего отца, — сказала она, — и я знаю, что этим мне хотели оказать большую любезность.

Дитя мое, — продолжал он с кроткой настойчивостью. — Господь дал вам великий и чудный дар, сокровище, ценность которого вы сами не знаете. Я говорю это вам, во-первых, потому, что ценю вашу красоту как нечто священное и чистое, а во-вторых, потому что вы едете туда, где услышите льстивые слова, которые иногда будут

оскорблять ваш слух, если не станете носить в душе какой-нибудь талисман, чтобы противодействовать им.

— Я понимаю, — сказала она, — что вы хотите сказать. — Я буду помнить, что самая привлекательная красота не значит ничего без чистой души и доброго сердца.

— И вы будете также помнить, — продолжал он, — что я благословил сегодня вашу невинную головку не потому, что она окружена розами свежей и прелестной красоты, но оттого, что вижу свет чистой души и доброго сердца в ваших глазах.

С нежным, но торжественным видом положил он свою руку на ее шелковистые кудри.

Она опустила голову на грудь.

— Я никогда этого не забуду, — сказала она, и огонь камина мягко осветил слезы, дрожавшие на ее ресницах.

XIII. Портрет мистрис Сильвестер

Мистрис Сильвестер проводила вечер дома. Это было так необычайно для этой светской дамы, что она никак не могла удержаться от дремоты в большом кресле, в которое она уселась. Она изо всех сил старалась не заснуть до приезда мужа и Поолы. Она играла со своей птицей до тех пор, пока эта балованная любимица не спрятала под крылышко свою головку и заснула, потом пересмотрела свои наряды и приготовила те, что предназначались Пооле, спела несколько арий из новой оперы и разрезала последнюю книжку журнала.

Но ничего не помогало, тяжелые веки медленно опускались, когда раздался звонок и вошел Бёртрем Мандевиль, или Бёртрем Сильвестер оставив музыкальную профессию, он опять взял свою фамилию.

Она была рада, ему, хотя он и не разделял ее чувства. Он не любил жены дяди, однако согласился остаться и помочь ей скоротать вечер до возвращения мистера Сильвестера.

— Он привезет с собой хорошенькую девушку, — заметила она, — мою кузину из Гротвеля.

Мне хотелось бы, чтобы вы познакомились с ней.

Минут десять мистрис Сильвестер наполняла комнату неумолкаемой болтовней о Гротвеле, черноволосых красавицах, последних известиях из Лондона и положении Медисонского банка.

Но последний предмет принял форму вопроса, Бёртрем вынужден был отвечать, но потом хозяйка опять удовольствовалась своей собственной болтовней и, наконец, удивила своего собеседника замечанием:

— Если бы Эдвард не имел такой замечательно красивой наружности, я чувствовала бы себя не на своем месте в этих великолепных комнатах. Ничего не может быть неприятнее, как видеть в изящном доме, украшенном дорогими произведениями искусства, безобразную и пошлую хозяйку или плешивого и неуклюжего хозяина. Даже если бы Эдвард находился в тронном зале дворца, он заставил бы других найти, что это только красивая декорация для его лица и фигуры.

— Это было так свойственно любящей жене, и Бёртрем слушал бы ее с удовольствием, если бы она ежеминутно не любовалась на себя в зеркало.

Бёртрем сохранял невозмутимое бесстрастие,

хотя восхищался своим дядей не менее ее, и разговор постепенно ослабевал, и веки хозяйки начали выказывать признаки дремоты, как вдруг послышался звук ключа в замке двери с улицы, и через минуту голос Сильвестера послышался в передней, он говорил веселым тоном, заставившим его жену широко раскрыть от удивления глаза:

— Добро пожаловать, милая моя.

— Приехал, — прошептала мистрис Сильвестер с облегчением.

— Да, мы приехали, — послышалось в дверях, и Сильвестер с гордым видом, представил им молодую девушку, простое манто и шляпка которой не помешали мистрис Сильвестер приметить ее необыкновенную красоту.

— Поола, это ваша кузина, Уона… А Бёртрем, рад видеть тебя, — это мой единственный племянник, мистер Сильвестер.

Девушка, ослепленная блеском множества свечей, оттенявших великолепие, какого она не видела никогда, покраснела от замешательства, однако сумела очень грациозно поклониться изящной хозяйке и красивому молодому человеку, а Уона взяла дрожащие руки своей молоденькой кузины и поцеловала ее в щеку.

— Я не люблю этих ласк, как тебе известно, —

впоследствии объясняла она мужу, — но мне понравилось, как просто, но в то же время с каким достоинством она протянула мне руку.

Удивленный муж вынужден был признать, что несмотря на десять лет брака, его жена не переставала его удивлять. Были такие изгибы и повороты, в которые даже он проникнуть не мог.

— Вы ослеплены, — сказала хозяйка, довольно ласково глядя на девушку, — внезапным светом такого множества газовых рожков.

— Не думаю, — ответила Поола, с чистосердечным восторгом осматривая великолепную комнату и приветливые лица присутствующих, — внезапный блеск огня я перенести могу, но я приехала из маленького домика на горе, а великолепие природы не может подготовить к восприятию великолепия искусства.

Мистрис Сильвестер улыбнулась и искоса взглянула на Бёртрема.

— Я вижу, что вы любуетесь нашими новыми гардинами, — заметила она с явным снисхождением к наивности Поолы, что вызвало вздох облегчения у ее мужа.

Но в эту минуту с Поолой произошла перемена; простая провинциальная девушка с внезапной грацией и достоинством, которые были так же

естественны, как и очаровательны, отвела глаза от портрета своей кузины и спокойно отвечала:

— Я восхищаюсь всем прекрасным; и это вполне естественно, ведь я урожденная Волтон.

Мистрис Сильвестер также была урожденная Волтон и улыбнулась этому дерзкому высказыванию; но ее муж, заметивший внезапное преображение в Пооле, сказал что-то об ее аппетите, и этот прозаический намек заставил дам отправиться наверх, и между мужчинами произошел короткий и торопливый разговор.

— Я принес вам из конторы запечатанный конверт, — сказал Бёртрем, который, по совету дяди, уже начал заниматься делами, заняв место клерка в конторе богатого спекулянта.

— Как я и ожидал, — сказал дядя, торопливо распечатывая конверт, — сегодня было совещание директоров Медисонского банка, и я выбран президентом. Бёртрем, мы знаем, что это значит, улыбнулся он, протягивая руку с дружелюбной горячностью.

— Надеюсь, — ответил Бёртрем. — Еще большим богатством и почестями для вас, хотя, кажется, у вас есть достаточно уже и того и другого, и началом новой жизни для меня, для которого богатство и почести означают путь к счастью.

Улыбка, исполненная надежды, такая улыбка, какую Бёртрем уже несколько лет не видал на лице дяди, ответила ему.

— Бёртрем, — сказал Сильвестер, — после нашего разговора, две недели тому назад, случилось нечто такое, что несколько изменяет мнение, высказанное мною тогда. Если твое терпение равняется твоей энергии, мне кажется, я могу искренно пожелать успеха твоему серьезному предприятию. Женщины не все легкомысленны и сумасбродны; в свете еще остались бриллианты чистой воды.

— Благодарю Бога за ваше понимание, — ответил племянник, улыбаясь, и если эта прелестная девушка, которую вы сейчас привезли, явилась причиной этого, так я и за нее поблагодарю Бога.

Дядя поклонился с серьезной торжественностью, но так как дамы вернулись в эту минуту, ничего не ответил.

После ужина Сильвестер настоял, чтобы племянник его остался, и они оба опять ушли поговорить.

— Если ты решил купить акции, о которых я говорил, — тогда приготовь деньги — сказал дядя. Я хочу представить тебя завтра мистеру Стьюйвесанту, и мне хотелось бы упомянуть, что

ты будущий акционер банка.

— Мистеру Стьюйвесанту! — воскликнул Бёртрем, оставив без внимания остальную фразу.

— Да, — ответил дядя с улыбкой, — Седдюс Стьюйвесант самый крупный акционер после меня в Медисонском банке, и его протекцией нельзя пренебрегать.

— В самом деле… я не знал… извините меня, я буду очень рад, — пролепетал молодой человек, а деньги у меня все в государственных фондах, и будут предъявлены, когда вам угодно.

— Хорошо, я тебе скажу. А теперь пойдем, — сказал он, сменив деловой тон на обычный, — забудь на полчаса, что ты оставил имя Мандевиля, и сыграй нам Мендельсона, прежде чем твои руки разучатся играть.

— А дамы? — спросил молодой человек, взглянув в гостиную, где мистрис Сильвестер разговаривала с Поолой.

— Я и прошу тебя об этом одолжении, для того чтобы посмотреть, какое это произведет впечатление на мою застенчивую провинциалку.

— Она что никогда не слышала Мендельсона?

— Не слышала так, как сыграешь его ты.

Молодой музыкант уверенно подошел к фортепиано, которое стояло напротив портрета

хозяйки в этой странной комнате, которую из вежливости называли библиотекой. И через минуту одно из самых чудных произведений Мендельсона наполнило восхитительной гармонией эти роскошные комнаты.

Сильвестер сел там, где мог издали видеть лицо Поолы, и, откинувшись на спинку кресла, наблюдал за девушкой. Он не обманулся в ожидании. При первых звуках он увидел, как ее головка повернулась с удивлением, потом трепет пробежал по всему ее телу, на лице, то бледневшем, то красневшем, выразился восторг, а когда мелодия кончилась, она встала, медленно прошла по комнате, протянула обе руки, тяжело дыша, как будто ее не могла выразить словами чувства, переполнявшие ее.

— О, мистер Сильвестер! — вот и все, что она сказала, подойдя к нему.

А Бёртрем Мандевиль воодушевленный высокой оценкой своей игры, заиграл боевую старинную песнь, от которой его собственное сердце наполнялось огнем.

— Это голос громовых туч, когда они идут в бой! — воскликнула Посла. — Мне слышится крик справедливой борьбы в этой высокой гармонии.

— Вы правы, это старинная боевая песнь вре-

мен бердышей и копий, — сказал Бёртрем со своего места у фортепиано.

— Мне представлялось, как сверкала сталь, — ответила Поола. — О! Какой мир заключается в этих простых клавишах слоновой кости.

— Скажите лучше, в пальцах, которые управляют ими, — произнес Сильвестер. — Поверьте, вы не часто услышите подобную музыку.

— И я этому даже рада, — просто сказала Поола, и сейчас же объяснила: — Я хочу сказать, что невозможно постоянно переживать подобные эмоции, слушая такую волшебную музыку, по крайней мере, так кажется мне, — наивно прибавила она, взглянув на свою кузину, которая вышла из смежной комнаты.

— Что тебе кажется? — спросила Уона. — О! Игра мистера Мандевиля? Извините, вы, кажется, желаете, чтобы вас теперь называли Сильвестером. Она чудесна, не правда ли? — продолжала она, осторожно скрывая зевоту своего розового ротика за складками воздушного носового платка. Мистер Тёрнер говорит, что урон, который вы нанесли музыкальному миру, променяв концертный зал на банковскую конторку, никогда не будет возмещен, — продолжала она, по-видимому, обращаясь к племяннику, хотя не смотрела

на него, потому что усаживалась в эту минуту в своем любимом кресле.

— Я рад, что заслужил одобрение такого образованного критика, как мистер Тернер, — вежливо ответил Бёртрем. — Признаюсь, мне иногда больно, заметил он дяде, — думать, что я никогда уже не вызову такого восторга, какой иногда замечал на лицах некоторых из моих слушателей.

Он заиграл какой-то торжественный антифон, совершенную противоположность тому, что он играл перед тем.

— Теперь мы в храме! — шепнула Поола, преодолев внезапное любопытство, возбужденное в ней последними словами молодого человека.

— Я хотел кое-что сказать тебе, Уона, — заметил Сильвестер вскоре после этого, когда музыка закончилась и они все сели поболтать около камина. — Я получил известие, что директора Медисонского банка сегодня выбрали меня своим президентом. Я думал, что, может быть, тебе будет приятно узнать это сегодня.

— Конечно, это очень приятное известие. Президент Медисонского банка звучит очень солидно, не правда ли, Поола?

Девушка, в душе которой еще звучали великие и торжественные гармонии Мендельсона и

Шопена, повернулась к своей кузине с веселой улыбкой.

— Это правда, и даже это внушает какое-то особенное уважение, — прибавила она с лукавым взглядом.

— Вы должны также поздравить нашего нового помощника — кассира. — Встань, Бёртрем, и поклонись дамам.

Краснея, его молодой племянник встал.

— Как! Вы будете служить в банке? — спросила мистрис Сильвестер. — Мистер Тёрнер придет еще в большее негодование, он всегда говорит, что банкиры и купцы составляют главный фундамент его церкви, а художники, музыканты, будем надеяться, что он включает и нас, дам — колокольни и минареты. Я боюсь, что, превратившись в фундамент, из колокольни вы совершенно потеряете связь с реальностью.

— Пастор, строящий свою церковь на богатстве, должен ожидать, что она разрушится когда-нибудь, — засмеялся он.

— Если таким образом он повернет ее новой стороной к солнцу, это не сделает вреда, — заметила Поола.

— Зима обещает быть приятной, — сказал Сильвестер, осматриваясь вокруг. — Жизнь, кажется,

никогда не казалась веселее для нас всех: что ты скажешь, Бёртрем, мой милый? — Для меня, конечно, она обещает кое-что еще.

— И для меня, прошептала Поола.

Самодовольствие, с каким мистрис Сильвестер разглаживала перья на своем веере правой рукой, украшенной богатыми перстнями, — она всегда носила веер и зимой, и летом, некоторые говорили, для того чтобы выставлять напоказ свои пальцы в перстнях, — было достаточным ответом за нее.

На минуту все смолкло, вдруг, когда маленькие часы на камине пробили одиннадцать, раздался такой громкий стук, что все вскочили, и блестящий портрет хозяйки упал со стены на шкап, стоявший внизу, а оттуда соскочил, уронив и бронзовые и фарфоровые вещицы, стоявшие на шкапу, почти к тому креслу, на котором сидел его блестящий оригинал.

Все так испугались, что сначала никто ничего не говорил, потом Поола, взглянув на свою кузину, произнесла скорее про себя, чем вслух: «Дай бог, чтобы это не было дурным предзнаменованием!»

А бледные лица мужчин, стоявших друг против друга с каждой стороны упавшего портрета, по-

казывали, что тень такого же суеверия невольно промелькнула и в их голове. Только одна мистрис Сильвестер осталась спокойна.

— Поднимите же, — вскричала она, и посмотрим, не случилось ли с ним чего. Бёртрем и ее муж бросились и подняли портрет. Кто мог понять выражение, промелькнувшее по лицу мужа, когда он заметил, что острое копье бронзового всадника, упавшего со шкапа, проткнуло розовое лицо портрета и навсегда уничтожило эту докучливую улыбку.

— Это, верно, наказание мне за то, что я употребила все деньги, которые ты дал мне на благотворительные дела, на эту изящную бронзовую штучку, — заметила мистрис Сильвестер, наклонившись над опрокинутым всадником с сожалением, которым не удостоила свой собственный испорченный портрет. — А он не так храбр, как я воображала, он потерял в борьбе свое копье.

Поола с удивлением взглянула на свою кузину. Была ли эта шутка только покрывалом для этой светской дамы, чтобы скрыть весьма естественное сожаление о более серьезной потере? Даже муж повернулся к ней с вопросительным недоумением на своем взволнованном лице. Но она

была так спокойна, что похоже и правда нисколько не сожалела о своем испорченном портрете.

— «Она не так тщеславна, как я думала», — рассудила Поола.

Ах! Простодушное дитя лесов и ручейков, это спокойствие происходило от крайней степени тщеславия, а не от отсутствия его. Она сознавала, что десять лет прошло после того, как этот портрет написан, и что, рассматривая его, начали поговаривать:

— Цвет лица мистрис Сильвестер еще не совсем испортился.

Бёртрем скоро ушел, дружелюбно пожав руку дяде и с интересом бросив взгляд на приезжую гостью, на симпатичную и пылкую душу которой произвела глубокое впечатление его прежняя профессия. Мистрис Сильвестер тоже пошла наверх в свою спальню. Сильвестер остановил Поолу.

— Это простое недоразумение, — сказал он, указывая на портрет, теперь стоявший лицом к стене, — надеюсь оно не нарушит вашего первого сна в моем доме, Поола, дитя мое?

— Нет, если вы скажете, что кузина Уона не свяжет это с моим приездом.

— Не думаю, она не суеверна, и притом, кажет-

ся, не очень сожалеет об этом несчастии.

— Тогда и я забуду о нем и буду помнить только музыку.

— Она соответствовала вашим ожиданиям?

— Более чем.

— Когда-нибудь я расскажу вам о музыканте и о милой девушке, которую он любит. — Он любит… — сказала она и остановилась, покраснев.

Она еще ни с кем не говорила о любви.

— Да, он любит, — ответил, улыбаясь, Сильвестер.

— Мне так и казалось, что в его музыке есть тайный смысл, значение которого я не совсем понимала. Спокойной ночи, дядя, — он просил ее называть его так, хотя, собственно, она была его кузина, большое вам спасибо за все.

Но он опять остановил ее.

— Как вы думаете, вы будете счастливы здесь? — спросил он. — Вы любите роскошь? Она еще недостаточно хорошо его знала, чтобы заметить сожаление, скрывавшееся под ласковым тоном, и ответила, не подозревая ничего:

— Я прежде роскоши не знала, но боюсь, что я ее полюблю. Сначала я была ослеплена, но теперь мне кажется, как будто я приехала в тот дом, в котором жила всегда. Я буду внимательно изучать

каждое маленькое украшение в ваших комнатах, на это потребуется не меньше недели, — закончила она с улыбкой.

Но он оставался серьезным.

— Я предпочел бы, чтобы вы менее интересовались этим, — сказал он, но тотчас пожалел о кажущемся упреке, потому что глаза Поолы наполнились слезами, а голос ее дрожал, когда она ответила:

— Неужели вы думаете, что красота, которую я видела, заставила меня забыть о доброте, которая привела меня сюда? Я люблю красивые и дорогие вещи, блеск колорита и гармонию формы, но более всего этого я люблю бескорыстную душу без пятна на чистоте ее.

Она хотела сказать то, что показало бы, как она ценит его доброту и всеобщее уважение, которыми он пользовался, но никак не была готова увидеть мрачную тень на его лице.

Он, впрочем, скоро оправился и, с родительской нежностью взяв ее за руку, сказал: — Оставайтесь такой всегда, дитя мое.

Он стоял и смотрел, как она поднималась на лестницу, время от времени оборачивая к нему свое очаровательное личико с нежной улыбкой, которая утешала его и восхищала.

Это было началом его счастливых дней.

Книга вторая
Жизнь и смерть

XIV. Мисс Белинда должна решить вопрос

Мисс Белинда сидела в своей спальне у камина в один бурный январский вечер в глубокой задумчивости. Прошел год после того, как с тяжелым сердцем со слезами на глазах она простилась со своей любимицей и отпустила ее с другом в неведомую жизнь. А теперь от этого друга было получено письмо, в котором он просил позволения мисс Белинды и ее сестры взять Поолу в дочери.

Да, через год мистрис Сильвестер, которая никогда бы не решилась взять к себе ребенка, требующего попечения и забот, нашла, что совсем другое, когда дело идет о хорошенькой девушке, уже взрослой, красота которой достаточно обозначилась, чтобы делать честь семье, и в то же время подчеркивать ее собственные многочисленные прелести.

Таким образом, письмо, приведшее в такое волнение суровую и твердую душу мисс Белинды, было написано и отправлено. Действительно, это был предмет для самых глубоких размышлений.

Согласиться на эту важную просьбу значило отказаться от всякого контроля над милой девушкой, привязанность которой составляла единственное утешение в жизни, исполненной обманутых ожиданий, а отказать предложению, сделанному с очевидной любовью, значило возбудить сожаление в сердце, которое ей не хотелось уязвить. Вопрос о выгодах ни на минуту не пришел в голову мисс Белинде. Довольно того, что Поола увидела свет и усовершенствовала свои познания, а на богатство мисс Белинда смотрела с недоверием и скорее считала его препятствием к великой цели жизни.

Вдруг с энергией, отличавшей все ее движения, она встала и, взглянув на сестру, спавшую на тяжелой старинной кровати, подошла к бюро и вынула небольшую шкатулку, которую отперла на столе. Она была наполнена письмами Поолы, которые она писала ей каждую неделю. Некоторые были написаны год тому назад, но она все прочла внимательно, пока часы стучали на камине, а ветер выл в трубе. Некоторые места она отмечала, и когда прочла все письма, опять взяла их и прочла снова эти места. Все они относились к главному вопросу, и поэтому я представлю их моим читателям.

«Ах, тетушка, я подружилась с милой девушкой, мисс Стьюйвесант, дочерью одного из директоров банка мистера Сильвестера. Я встретилась с ней довольно странным образом. Уона пожелала, чтобы я ездила верхом. Сама она слишком массивна для верховой езды, но говорит, хорошо смотреть, когда от дверей дома отъезжает амазонка с грумом; потом это будет полезно для моего здоровья. Мистер Сильвестер не отказывает ей ни в чем и обещал лошадей и грума, а меня отправил учиться в самый лучший манеж. Там я встретилась с мисс Стьюйвесант. Это маленькая, интересной наружности девушка, главная красота которой состоит в очаровательном выражении лица. С первой минуты нашей встречи она произвела на меня огромное впечатление. Ее голубые глаза смотрели с каким-то умоляющим видом, алые и нежные губы почти никогда не улыбались. В амазонке она казалась ребенком, но в обыкновенном платье удивляла своим сдержанным и женственным видом и гордой посадкой своей головки. Я садилась на лошадь, когда глаза мои встретились с глазами Мисс Стьюйвесант, и я никогда не забуду приятного удивления, отразившего на ее лице. Узнала ли она во мне друга, каким я надеюсь для нее стать? После мы были представлены друг дру-

гу мистером Сильвестером, который провожал меня в тот день. Он сказал ей: «Это Поола» таким тоном, что я догадалась, что он уже прежде говорил с ней обо мне, и действительно, она после объяснила мне, что была предупреждена о моем приезде. В этом первой встрече не произошло никаких откровений, которые вы часто называли ребяческими; с мисс Стьюйвесант трудно быть фамильярной, и только после нескольких встреч мы показали друг другу нашу взаимную симпатию.

Кузина Уона, с которой я, конечно, говорила о мисс Стьюйвесант, желала, чтобы я сошлась с ней поближе, но я знала, что мне нет никакой надобности стараться сделать это, наша дружба должна окрепнуть сама по себе без всяких усилий с моей стороны. Так оно и вышло. Мы теперь с мисс Стьюйвесант хорошие друзья, и я чувствую, что источник новой радости наполняет мое сердце.

Почему бронзовая фигура Роскоши, украшающая площадку, внушает мне какой-то страх, и мной часто овладевает какой-то трепет, когда я прохожу мимо нее? Я один раз даже оглянулась с испугом, точно кто-то дернул меня за рукав. Это глупость, и я извиняюсь, что упомянула об этом».

«Кузина Уона решила, что я никогда не должна носить цветных платьев. — «Только светло-серое, черное и матовое белое, то что может только выставить с выгодой цвет твоих волос и лица; а голубое или розовое все испортит». Я должна верить ей, потому что никто так, как она, не изучил важный вопрос о нарядах. Она позволяет мне только прибавлять к моему наряду золотые украшения, подаренные мне мистером Сильвестером. Но я думаю более о людях, которых увижу, чем о моем костюме, хотя люблю красивое платье, как фиалка любит свой яркий лиловый цвет».

«Я слышала знаменитого проповедника, и что я скажу? Сначала ничто, кажется, не могло бы разделить моей радости и моего удовольствия. Молодое деревцо, качаемое небесными ветрами, хранит безмолвие, как мне кажется. Но, тетушка, если мое ничтожество заставляет меня трепетать, то оно также заставляет меня чувствовать. Какие врата мысли открыл он мне! Мне кажется, будто мне показали путь, по которому ходят ангелы. Возможно ли, чтоб эти слова произносились каждую неделю в моей жизни, а я не понимала их? Это как будто океан открылся непривычным глазам. Не новые предметы открылись мне, а как будто старые сделались необыкновенно красно-

речивыми. С каким-то торжественным чувством видишь свои смиренные мысли подхваченными воображением великого разума и унесенными в области, о существовании которых и не подозревали. Я испытывала такую радость, что не могла не спросить мистера Сильвестера, не чувствует ли он, точно весь мир переменился с тех пор, как мы вошли в эти священные двери. Он не ответил мне радостным «да», как я надеялась, и хотя улыбка его была очень ласкова, я не могла не спросить себя с удивлением, какое покрывало иногда спускается между нами».

«Ах, тетушка, как мое сердце стремится иногда к мистеру Сильвестеру! Когда я вижу его сидящим с мрачным лицом среди того, что должно бы радовать и веселить его, я спрашиваю себя, вознаграждает ли приобретенное богатство все эти заботы и хлопоты. Но я замечаю, что он теперь веселее, чем, когда я только что приехала. Уона говорит, что он лишается того меланхоличного вида, который придавал ему такое изящество, но мне кажется, что мы могли бы перенести потерю такого сомнительного изящества ради улыбок, которыми он теперь время от времени одаривает нас».

«Точно будто чья-то рука схватила меня за

горло. Кузина Уона говорила сегодня с мистером Сильвестером таким тоном, что сердце мое замерло. А между тем она сказала только: «Делайте как знаете, мистер Сильвестер!» Но как она сказала это! Неужели в языке этих томных женщин скрывается яд? Я всегда думала, что она, по своему беспечному характеру, не может ни чувствовать гнева, ни обнаруживать его, но прыжок змеи тем смертельнее, чем дольше она нежилась на солнце. О! Извините меня, что я делаю такие страшные намеки. Но если бы вы видели и слышали вздох мистера Сильвестера, когда он повернулся и вышел из комнаты!»

«Мистер Бёртрем Сильвестер пробудил мое глубокое участие. Его дядя рассказал мне его историю, которую я не считаю себя вправе повторить, но она возбудила во мне странные мысли и ощущения. Он любит какую-то неизвестную для нас особу, и это окружает его в моих глазах каким-то ореолом, который вы, может быть, найдете фантастическим, но перед которым я считаю себя обязанной благоговеть. Он не знает, что мне известна его история. А я желала бы, чтоб он знал и позволил мне высказать слова, готовые сорваться с моих губ, когда я его вижу и слышу его игру».

«Есть минуты, когда мне хочется вернуться в Гротвель. Это когда кузина Уона возвращается из лавок с дюжиной свертков, или, когда у нее побывает мистрис Фицджеральд или другие такие же светские знакомые. Атмосфера дома после этого становится на несколько часов слишком тяжелою для дыханья. Я должна уйти и освежить голову прогулкой».

«На то место, где висел портрет кузины Уоны, повесили картину Мейсанье; и хотя я не думала, чтобы мистер Сильвестер особенно любил французскую живопись, он кажется очень доволен. Не могу понять, как кузина относится так спокойно к несчастному приключению со своим портретом. Мне кажется, сердце мое разрывалось бы, если бы я видела, что мой муж с удовольствием смотрит на какую бы то ни было чудесную картину, которая заменила бы мой портрет, особенно если бы он был написан, как ее, в то время, как я была невестой. Я иногда спрашиваю себя, так ли священны эти дни в воспоминаниях мужа и жены, как я воображала».

«Отчего кузина Уона никогда не говорит о Гротвеле, и отчего, если я упомяну о нем, она опускает глаза, а по лицу мистера Сильвестера пробегает тень?»

«Мне кажется, судя, по вчерашним словам, мистера Сильвестера, что он, должно быть, испытал какую-нибудь ужасную неприятность в своей жизни. Мы ходили по палатам больницы мисс Стьюйвесант, мистер Сильвестер и я, — когда кто-то возле нас произнес это известное выражение: «О! Заживет, только шрам останется навсегда»... — «Это обыкновенная поговорка, — заметил мистер Сильвестер, — но как она справедлива, и, понять ее может только тот, кто носит этот шрам».

«Может быть, это одно воображение или результат усиливающейся привязанности с моей стороны, но мне кажется, что мисс Стьюйвесант становится милее и любезнее при каждом новом моей встрече с ней. Она кажется мне похожей на храм, где горит священная лампада. Даже ее молчание красноречиво, а еще она никогда не бывает рассеянна, и всегда весела. Но это веселость без блеска, это тихий свет, который восхищает вас, но никогда не изумляет. Я встречаю много милых девушек в обществе, но ни одна не сравнится с ней. Она для меня белая лилия, освещаемая лунным сиянием».

«В доме есть тайна, как Уона называет комнату наверху дома, куда мистер Сильвестер удаляется,

когда желает быть один. И действительно, это походит на комнату Синей Бороды в том отношении, что мистер Сильвестер запирает ее на ключ и не позволяет никому входить туда, даже свой жене. Слуги уверяют, что никто, кроме него самого, не переступал за порог этой комнаты, но я этому не верю. Уона там не была, но, наверное, есть же какой-нибудь доверенный человек, который смотрит за мебелью. Я как и все женщины, не могу сдержаться от любопытства к месту, так старательно оберегаемому; однако что увидали бы мы, если бы двери отворились? Кабинет, наполненный книгами, которые он не хочет перекладывать с места на место, или роскошную комнату, оборудованную всем необходимым для отдыха и спокойствия, когда он приезжает домой утомленный делами?»

«До сегодняшнего дня я никогда не видела мистера Сильвестера рассерженным. В какой-то забывчивости он уехал из дома, не заперев дверь своей тайной комнаты, и, хотя вернулся немедленно, хватившись ключа в кармане, он едва успел помешать кузине Уоне войти в ту комнату, которая до сих пор всегда казалась священной для всех. Я не была при том и, разумеется, не слышала, что было сказано, но видела мистера

Сильвестера, когда он выходил, и этого было достаточно, чтобы показать мне, как он недоволен. Она уверяет, что он оттащил ее от двери, как будто там была чума… — «Я не ожидаю найти там пять красавиц жен, повешенных за шею, — сказала она с принужденным смехом, — но я все-таки увижу эту комнату, хотя бы только для того, чтобы установить мои права как хозяйки дома».

«Теперь мне как-то не хочется увидеть эту комнату».

«Меня особенно поражает в мисс Стьюйвесант то, что как ни приятно ей, по-видимому, встречаться со мной, она никогда не приезжает ко мне в дом мистера Сильвестера. Меня давно это удивляло, но я ничего не говорила. Однако, получив от нее второе приглашение навестить ее, я упомянула об этом так деликатно, как могла, и очень смутилась, заметив, как серьезно приняла она мой упрек. «Я не могу объяснить, — прошептала она с замешательством, — но дом мистера Сильвестера закрыт для меня. Вы не должны приглашать меня к себе или ожидать, что я буду бывать на приемах мистера Сильвестера. Я не могу. Достаточно ли будет этих слов для моего нежнейшего друга?» Я не знала, что отвечать, но осмелилась спросить, не удерживает ли ее

какое-нибудь обстоятельство, которое делало бы для меня неловким искать ее общества и пользоваться удовольствиями, которые она постоянно предлагает мне. Она ответила мне отрицательно с таким веселым видом, что я совершенно успокоилась. Таким образом, дело было решено. Наша дружба избавлена от этикета, и я пользуюсь обществом мисс Стьюйвесант, когда хочу. Завтра мы поедем первый раз в парк, лошади куплены и, к удовольствию кузины Уоны, нанят грум».

«Мне намедни сказали нечто столь неприятное, что я не стала бы об этом упоминать, если бы вы не приказали мне сообщать вам все, что по какой бы то ни было причине произведет на меня впечатление в моем новом доме. Сера, горничная Уоны, большая сплетница, сказала мне прежде чем я успела ее остановить, что мистрис Сильвестер после смерти маленькой Джерелдины сказала модистке, что, если она сошьет ей траурное платье, которое будет ей не к лицу, то она вовсе не будет носить траура! Тетушка, можете ли вы удивляться, что мистер Сильвестер принимает страшно мрачный вид, когда говорят о его дочери? Он любил ее, а мать занималась платьем, между тем как его осиротелое сердце разрывалось! Признаюсь, теперь, я не могу чувствовать

прежнего снисхождения к причудам модной красавицы. Ее гладкое белое лицо заставляет меня дрожать, оно, вероятно, никогда не краснело от восторга от невинных улыбок ее ребенка».

«Мистер Сильвестер очень вежлив к кузине Уоне и исполняет ее желания во всем. Но будь я на ее месте, мое сердце разорвалось бы именно от этой вежливости. Но она требует формальности даже от прислуги. Я никогда не видала, чтобы она целовала мужа или даже клала руку на его плечо. Но я заметила, что он ухаживает за ней в те минуты, когда сам бледен от усталости, а она томно нежится перед камином в своем будуаре».

«Какой благородный человек мистер Сильвестер! Мистер Тёрнер говорил о нем намедни и уверял, что никто из его прихожан не делает для бедных столько добра. «Он особенно интересуется молодыми людьми, — прибавил пастор, — и всегда оставит свои собственные дела, чтобы помочь или дать им добрый совет». Я знала, что мистер Сильвестер добр, но энтузиазм мистера Тёрнера что-то необыкновенное. Он, очевидно, восхищается мистером Сильвестером столько же, как и все другие любят его. И он не один. Почти каждый день я слышу какие-нибудь лестные замечания о характере или способностях мое-

го благодетеля. Даже мистер Стьюйвесант, так редко обращающий внимание на нас девушек, раз прервал разговор Сисилии со мной, чтобы спросить, здоров ли мистер Сильвестер. «Мне он показался сегодня бледен, заметил он своим сухим, но довольно дружелюбным тоном, а потом прибавил: Он не должен заболеть, он слишком для нас драгоценен». Это много значит со стороны мистера Стьюйвесанта, и это доставило очевидное удовольствие мистеру Сильвестеру, когда я передала ему вечером. «Мне приятнее заслужить похвалу от этого человека, чем от кого бы то ни было, — он, это человек сурового старинного рода, и заслужить его похвалу делает всякому честь». Я не сказала ему, что слышала также, как мистер Стьюйвесант заметил однажды в разговоре со своими другом, что Эдвард Сильвестер единственный спекулянт, к которому он чувствует безусловное доверие. Мне всегда как-то неприятно слышать, когда мистера Сильвестера называют спекулянтом. Притом, с тех пор как он начал работу с регулярными операциями».

«Мистер Сильвестер вернулся сегодня домой с ужасным выражением на лице. Мы стояли тогда в передней, и он прошел мимо нас, даже не кивнув головой, как будто не видал. Даже Уона изуми-

лась и посмотрела ему вслед с беспокойством, какого я никогда не замечала в ней прежде, а я почувствовала то самое неприятное чувство, которое испытываю иногда, когда он вдруг подходит ко мне по выходе из своей таинственной комнаты наверху или остановится среди самого веселого разговора, чтобы задать мне вопрос, совершенно не подходящий к делу и по большей части грустный. «У него сегодня была какая-то тяжелая потеря», — сказала его жена, глядя на красивые комнаты с таким взглядом, какой только может бросить мать на лицо больного ребенка. Но я была уверена, что она не поняла его огорчения, и хотела было бежать за ним, как вдруг он остановился возле статуи Роскоши, стоящей на лестнице, посмотрел на нее необыкновенно пристально и вдруг с гневом поднял руку, как будто хотел сбросить ее. Уона с ужасом схватила его за рукав, но он прошел мимо, и потом мы услышали, как он запер дверь своей комнаты. Придет ли он обедать? Она думала, что нет, а я думать не смела. Все-таки я почувствовала большое облегчение, когда увидела, что он вошел в столовую с тем бесстрастным выражением, которое он принимает иногда, когда Уона начнет свою светскую болтовню. «Это ничего», — прочитала я

в глазах Уоны, когда он, вежливо сославшись на усталость, вдруг вышел из-за стола до десерта. Я не слышала, о чем она спросила его; но ответ его ясно дошел до моих ушей из библиотеки, куда они оба ушли.

«В этом ничего нет интересного для тебя, Уона. Благодарение Богу, что ты не всегда знаешь, какой ценой покупается роскошь, которую ты так любишь». А она и не вздумала вскрикнуть: «О, никогда не плати такую цену за мои радости! Я скорее согласна питаться черствым хлебом и жить на чердаке». Нет, она промолчала, а когда через несколько минут я пришла к ней в библиотеку, я нашла ее обычно бесстрастной, с ледяной улыбкой, обдающей холодом мое сердце, так что я не имела сил заговорить. Но тяжелее всего было слышать, как мистер Сильвестер вернулся домой в одиннадцать часов — и ушел наверх, не пожелав мне по обыкновению спокойной ночи. Для меня это было такое большое горе, что я не могла оставаться спокойной и сошла вниз в надежде, что он вспомнит обо мне и придет. Но вместо этого, как только он увидел меня, тотчас протянул руку, как будто хотел оттолкнуть меня, и скрылся в своей таинственной комнате. Уоны не было дома, она уехала куда-то в гости да, в этот самый

вечер она уехала в гости, — и я воспользовалась поздним временем и ушла в свою комнату, где долго не могла заснуть, все представляя себе, как он поднял руку на бронзовую статую. С тех пор эта статуя имеет для меня еще более страшное значение».

Следующая выписка была последняя, прочтенная мисс Белиндой.

«Мистер Сильвестер, кажется, оправился от своего беспокойства. Он уже не избегает меня с тем мрачным и грустным выражением, которое так долго волновало и удивляло меня, но сидит и слушает мой разговор, как будто он может сколько-нибудь утешить этого замечательного и даровитого человека. Уона не примечает перемены, она занята приготовлениями к поездке в Вашингтон, которую ей обещал мистер Сильвестер».

Мисс Белинда спокойно сложила письма и опять заперла их в маленькую шкатулку, потом легла спать. Но утром она отправила к мистеру Сильвестеру следующее письмо:

«Любезный мистер Сильвестер, пока Поола может остаться у вас, но я еще не могу сказать, хорошо ли будет для нее стать вашей приемной дочерью. Надеюсь, что вы поймете причину,

побуждающую меня к этому решению, остаюсь с уважением ваша

Белинда Анна Волтон».

XV. Приключение и нечто более

Прогулка в парке привлекает множество людей. Гладкая дорога занята проезжающими экипажами, развевающимися лентами, перьями, молодыми и старыми, красивыми и безобразными, грустными и веселыми лицами, которые тянутся перед вами длинной и блестящей процессией.

Поола и ее приятельница мисс Стьюйвесант отправились в свежее прекрасное апрельское утро, любовались природой и радовались, что они почти одни. Было рано, и гуляющие еще не появлялись, только смех играющих детей доносился до их слуха в этой лучезарной атмосфере.

— Мы похожи на двух птичек, вырвавшихся из клетки в свою природную среду, — сказала весело мисс Стьюйвесант.

— Мы два странника, бросивших уютный камелек, чтобы осмотреть неведомые области, — ответил звучный голос Поолы.

— Мне кажется, что я могла бы взлететь вон на то маленькое облачко, — продолжала Сисилия, желала бы я знать, как понравилось бы Денди воздушное путешествие.

— Судя по тому, как он надменно держит голову, я сказала бы, что он вполне доволен своим положением. Но, может быть, он гордится той, которую везет.

— Вы хотите соперничать с мистером Вильемсом, Поола?

Мистер Вильемс — белокурый с кроткими глазами джентльмен, пристрастие которого к комплиментам было в настоящую минуту предметом разговоров в светских кругах.

— Только в отношении моего восторга к очаровательной девице, которую я вижу сегодня. Но кто это?

Мисс Стьюйвесант подняла глаза.

— А! Это тот, в кого вам не представляется опасность влюбиться.

Поола покраснела. Подъезжавший к ним верхом господин отличался длинными бакенбардами каштанового цвета.

— Его зовут…

Но она не успела закончить, потому что всадник, бросив взгляд изумленного восторга на Поолу, поклонился мисс Стьюйвесант и остановил свою лошадь.

— О, кого я вижу, мисс Стьюйвесант! — вскричал он звучным и приятным голосом, который

тотчас располагал в его пользу.

Сисилия отвечала ему подобной же любезностью, они обменялись несколькими приятными словами, в которых приняла участие и Поола,

— Мистер Энсайн приятный собеседник, — заметила мисс Стьюйвесант, расставшись с ним, — в комнате всегда становится веселее, когда он войдет. Это единственный человек, который, получив большое состояние, чувствует ответственность своего положения.

Они проехали дальше и там, где пешеходная дорожка скрещивается с дорогой верховых, они чуть было не наехали на ребенка.

— Ах, боже мой! — закричала Поола, соскочив с лошади, — я предпочла бы убить себя.

Подъехал грум, и она тревожно наклонилась над ребенком.

Это был мальчик лет семи или восьми, хромой, как показывал маленький костыль, упавший возле него, он ушиб руку и стонал от боли, но ушиб, по-видимому, был не опасен.

— Вы один? — вскричала Поола, приподняв его головку и торопливо осматриваясь вокруг.

Мальчик приподнял свои тяжелые веки, посмотрел ей в лицо прелестными голубыми глазами и, указывая на тропинку, сказал:

— Папа там, в тоннеле, разговаривает с кем-то. Скажите ему, что я ушибся.

Поола тихо поставила его на ноги и вывела на пустую тропинку, где опять посадила его.

— Я пойду поищу его отца, — сказала Поола Сисилии, — и сейчас вернусь.

Подождите, вы пойдете не одна, — повелительно воскликнула маленькая амазонка, в свою очередь соскочив на землю. — Где, он говорит, его отец?

— В тоннеле; должно быть, он так называет длинный проход под мостом.

Подобрав подол своей амазонки, они спешили к мосту, но вдруг обе остановились. К ним подходила женщина, которую достаточно было увидеть один раз, чтобы не забыть ее на всю жизнь. Она была закутана в длинный и оборванный плащ, а ее черные глаза устремились на бедненького ушибленного мальчика с такой лихорадочной ненавистью, что две невинные девушки, торопившиеся помочь бедному ребенку, остолбенели от испуга.

— Очень он ушибся? — спросила женщина, делая безуспешное усилие скрыть свое злое любопытство. — Как вы думаете, он умрет?

— Кто вы? — спросила Сисилия, посторонив-

шись и устремив глаза на жестокую физиономию этой женщины и на руку необыкновенной белизны, которою она указывала на ребенка.

— Вы его мать? — спросила Поола, бледнея при этой мысли.

— Его мать! — вскрикнула женщина, завернувшись в свой длинный плащ и захохотав с дьявольским сарказмом. — Я похожа на его мать? Его глаза похожи на мои, не правда ли, а его бедное искривленное тело разве могло заимствовать свою жизнь от меня? Его мать! О небеса!

Никогда не слышали девушки ничего подобного.

Схватив Сисилию за руку. Поола закричала груму: «Берегите этого ребенка как вашу собственную жизнь!», а потом обратилась к ведьме, стоявшей перед ними, со всей силой своего энергичного характера и воскликнула:

— Если вы не его мать, отойдите и пропустите нас, мы ищем помощи.

На минуту женщина остановилась, как бы пораженная этой девственной красотой и этим негодованием, потом захохотала и вскрикнула пронзительно:

— Когда вернетесь домой, посмотритесь в зеркало, а потом скажите себе: «Когда-то и та

женщина, которую мы встретили в парке, была так же хороша».

С внезапным трепетом, как будто оборванный плащ этого развращенного существа опустился на ее собственные безукоризненные плечи, Поола крепче сжала руку Сисилии и побежала с ней к ступеням, ведущим в тот проход, о котором говорил им мальчик.

Там было только два человека, когда они вошли, низенький толстый мужчина и другой, стройнее и изящнее. Они разговаривали, и последний, ударив правой рукой о ладонь левой, сказал голосом хотя тихим, но с необыкновенной выразительностью раздавшимся в пустом своде:

— Говорю вам, что я захватил в свои руки одного богатого человека в этом городе, и, если вы только подождете, вы будете вознаграждены. Я не знаю, как его зовут, и в лицо его не знаю, но знаю, что он сделал, и этого он не купит от меня и за тысячу долларов.

— Но если вы не знаете его имени и наружности, каким же образом вы отыщете его? — Предоставьте это мне; как только я встречусь с ним и услышу его голос, один богач обеднеет, а один бедняга разбогатеет.

Эти фразы и очевидный интерес, с каким их

слушали, на минуту остановили девушек, но теперь они не думали ни о чем другом, как о бедном мальчике, ожидавшем своего отца, и Поола сказала:

— Кто из вас отец хромого мальчика?..

Тотчас, прежде чем она успела закончить фразу, тот, который был повыше ростом и разглагольствовал, обернулся и приложил руку к сердцу с невольным движением.

— Он ушибся? — проговорил он, но тоном совсем не похожим на тот, которым женщина сказала эти же самые слова несколько минут назад.

Потом, видя, что он говорит с дамами, одна из которых необыкновенной красоты, снял шляпу с непринужденным движением, которое вместе с тем, что девушки слышали, обнаруживало в нем самого опасного из негодяев, человека образованного.

— Боюсь, что да, сэр, — отвечала Поола. — Он переходил через дорогу, и лошадь, быстро ехавшая, ударила его.

Она не имела мужества сказать, что это была ее лошадь, при виде бледности и испуга, овладевшего отцом при этих словах.

— Где он? — вскричал он. — Где мой бедный

мальчик?

Он бросился к ступеням, держа шляпу в руке, его длинные нечесаные волосы развевались, и весь вид выражал величайший испуг.

— У дороги, — закричала Поола, видя, что ей невозможно догнать его.

— Очень он ушибся? — спросил голос возле них.

Они обернулись; это говорил низенький толстый человек, имевший со своим товарищем вышеприведенный разговор.

— Мы надеемся, что не очень, — ответила Сисилия, — он получил удар в руку и очень страдает, но мы думаем, что опасного нет ничего.

Они поспешили выйти из прохода и нашли отца, сидящего на траве. Он держал мальчика на руках. Взгляд на лицо этого человека, тронул их в эту минуту. Как ни был он дурен — он все-таки нежно любит своего сына, и любовь, как бы она ни выражалась, в каком бы виде ни являлась, вещь священная и прекрасная и облагораживает всякое существо, испытывающее ее.

— Сильный был ушиб, папа, — сорвалось с бледных губ ребенка, когда дрожащая рука отца ощупывала его руку.

— Но мальчик выдержит.

Очевидно, отец называл его обыкновенно «мальчиком».

— Кости не сломаны, — сказал отец…

Он не закончил, потому что рука в изящной перчатке дотронулась до его рукава, и голос воскликнул:

— Деньги не могут искупить мою вину, но, пожалуйста, примите. И Поола сунула ему в руку кошелек. Он жадно схватил его, но, когда она попросила его сказать, где он живет, чтобы они могли узнать о здоровье мальчика, он покачал головой.

— Жилище летучих мышей и шакалов не для дам, — сказал он.

Потом, взглянув на ее жалобное личико, наклонившееся над мальчиком, он, может быть, вспомнил то время, когда имел право стоять рядом с прелестными женщинами, и, почтительно понизив голос, спросил имя Поолы. Она сказала, и он, по-видимому, запомнил его, потом, когда обе девушки стали садиться на лошадей, он встал и унес мальчика на руках. Когда они исчезли на повороте тропинки, они приметили высокую, мрачную фигуру, поднявшуюся с отдаленной скамейки; она посмотрела ему вслед с насмешкой на лице и плотнее закуталась в длинный чер-

ный плащ. Это была та самая женщина, которая недавно так испугала их.

XVI. Дамоклов меч

Мистрис Сильвестер, лежавшая на бледно-голубой кушетке в лучах апрельского солнца, представляла хороший сюжет для живописца. Не потому, чтобы ее наружность внушала вдохновение, хотя отличалась безупречной грацией, но потому, что каждое движение ее массивных и стройных членов, каждое поднятие белых век представляло такое воплощение роскошного спокойствия, что можно было бы почти вообразить, будто смотришь на султаншу какого-нибудь восточного двора или, употребляя более поэтическое сравнение, на распустившийся египетский лотос, плывущий с тихим наслаждением по спокойной воде своего родного источника. Несмотря на то что она была блондинка, в наружности этой любимой дочери фортуны было действительно что-то восточное. Если бы цвет ее лица походил на магнолию, а не напоминал вам описание цвета лица одной из сестер Наполеона, про который говорили, что он казался белым атласом, на который смотрят сквозь розовое стекло, она считалась бы на любом восточном рынке редким образцом черкесской красоты.

Но Сильвестер, возвратившийся домой усталый и утомленный, мало интересовался черкесскими красавицами и восточными одалисками. Он желал дружелюбного приема и тихой трапезы, какой могут угостить зоркие глаза и находчивые руки, когда ими управляет нежно любящее сердце; так думала внимательная Поола, вышедшая из своей комнаты, когда услышала передней его шаги и встретила его возвращающимся с явным неудовольствием от кушетки Уоны.

Увидев Поолу, он тотчас оживился:

— Ну, что вы делали сегодня?

Вдруг тень пробежала по ее лицу.

— Право, не знаю, как вам сказать. Мне хотелось поговорить с Уоной о том, что я видела и слышала, но я думала, что лучше подождать вашего возвращения домой, потому что я не могу рассказывать этого два раза.

— Что это! Вы бледны. Надеюсь, не случилось ничего, что испугало вас! — воскликнул Сильвестер, отводя ее к Уоне, которая соизволила несколько привстать.

— Я не знаю, страх ли это или ужас, — вскричала Поола, дрожа. — Я видела страшную женщину… но прежде мне надо рассказать вам, что я ездила сегодня в парк с мисс Стьюйвесант…

— Да, непременно захотела сама за ней заехать, вместо того чтобы послать за ней грума и отъехать всем от нашего дома, — прошептала мистрис Сильвестер с ленивым огорчением.

Поола улыбнулась и продолжала:

— День был прелестный, и нам было очень весело, но мы имели несчастье наехать на мальчика в том месте, где конная дорога скрещивается с пешеходной, на мальчика хромого, мистер Сильвестер, который не мог посторониться, и на бедного, в оборванной куртке.

Уона пожала своими белыми плечами.

— Очень вы его ушибли? — спросила она с некоторым участием, недостаточным, однако, чтобы помешать ей стричь ногти.

— Не знаю; его ручка была ушиблена, а когда я подошла поднять его, он стонал так, что мое сердце готово было разорваться. Но это еще не самое худшее, что случилось с нами. Когда мы торопились отыскать отца ребенка, мы встретили женщину, закутанную в черный плащ, длинные и грязные складки которого казались символом ее развращенности. От взгляда, который она бросила на мальчика, замерло мое сердце. Этот взгляд был не только злой, а положительно дьявольский. — «Он ушибся?» — спросила она, как

будто радовалась этому, и, очевидно, желала услышать, что он умрет, а когда я спросила, не мать ли она его, она захохотала. «Его мать! О да, мы похожи с ним!» — воскликнула она, указывая с насмешливым движением, на которое страшно было смотреть, сначала на его глаза, голубые и прелестные, а потом на свои черные и злые. Я никогда не видела ничего до такой степени ужасного. Злость к маленькому хромому ребенку — что может быть отвратительнее!

Сильвестер и жена его переглянулись, потом он спросил:

— Она пошла за вами, Поола?

— Нет, сказав мне, что я… нет! Я не могу повторить, что она сказала, — воскликнула девушка, задрожав. Когда я приехала домой, — продолжала она задумчиво, — я несколько раз смотрелась в зеркало, но никак не могла поверить, чтобы она сказала правду. Между нами нет никакого сходства и никогда не могло быть, не может быть, чтобы она когда-нибудь в своей жизни видела в зеркале то же самое.

Поола вдруг встала и указала на собственное свое отражение в одном из больших зеркал, которых было так много в будуаре Уоны.

— И она осмелилась сравнивать вас с собой? —

воскликнул Сильвестер, глядя на прелестное видение чистой красоты, открывавшееся его глазам.

— Да, она сказала, что она была когда-то тем, что я теперь. Может быть, это и правда. Я никогда не испытывала горя или обид и не могу измерить их силу провести на человеческом лице такие линии, какие я видела на физиономии этой женщины. Но не будем говорить о ней. Мы нашли отца ребенка. Мистер Сильвестер, — вдруг спросила Поола, — есть в этом городе люди, занимающие почетное положение и пользующиеся высоким уважением, которые, как Дамокл, постоянно ожидают, что на них упадет меч в виде какого-нибудь открытия, которое навсегда погубит их?

Сильвестер вздрогнул.

— Поола! — воскликнул он и тотчас замолчал.

Он не смотрел на свою жену, а то увидел бы, что даже ее белое лицо способно побледнеть, а сонные глаза могут выразительно сверкать в их ленивой глубине.

— Я хочу сказать, — задумчиво продолжала Поола, погруженная в свои воспоминания, — что если справедливо то, что сказал сегодня отец этого ребенка, то кто-то из наших выдающихся

людей находится на краю какого-то постыдного открытия, что за ним следит какой-то голодающий человек и что рано или поздно, он заплатит за молчание этого негодяя или будет посрамлен.

Молчание наполняло комнату, Поола продолжала:

— Я с трепетом думаю, что человек со средствами и пользующийся почетом может находиться в подобном положении, а хуже всего то, что, может быть, мы его знаем, не имея никакого понятия о его несчастье и стыде.

— Мне пора одеваться, — прошептала Уона, опускаясь на изголовье и говоря самым томным голосом, — не можешь ли ты поскорее закончить твой рассказ, Поола?

Но Сильвестер просил, напротив, чтобы она объяснила все подробно.

— Это все, — сказала Поола. — Однако она повторила все, что сказал отец мальчика. Когда она закончила, Сильвестер встал.

— Как выглядел этот человек? — спросил он, отходя к окну.

— Высокий, черноволосый, с черными усами, развевавшимися по ветру, очевидно, разорившийся джентльмен, а обращение, разговор и главное жестикуляция показывали в нем ино-

странца. Но говорил он совершенно чисто и без малейшего акцента.

Лицо Сильвестера, когда он задал следующий вопрос, было довольно весело:

— Другой человек, с которым он говорил, также походил на иностранца?

— Нет, толстый, веселый, возможно слишком вкрадчивый при разговоре с нами, но по всей видимости человек небедный.

Сильвестер взглянул на свои часы и сказал:

— Уона, ты права, тебе пора одеваться к обеду.

Сказав несколько слов сочувствия по поводу странных приключений Поолы, он поспешно ушел в свою комнату.

«Он не спросил меня, что стало с мальчиком, — подумала Поола с удивлением. Я думала, что он предложит мне навестить его. Я объяснила бы ему тогда, что отец ребенка не хотел сказать мне, где живет. Но последнее обстоятельство, очевидно, вытеснило мальчика из его памяти. И конечно, деловому человеку интереснее рассказанный мной факт возможного вымогательства, чем ушибленная рука ребенка».

Она пошла помогать Уоне, которая занялась своим изысканным туалетом.

— Эти люди не называли никого? — вдруг спро-

сила Уона, рассматривая свой затылок в ручное зеркальце.

— Нет, — ответила Поола, прикалывая розу к белокурым волосам, которые она так старательно причесала. — Он сказал, что не знает имени этого человека. Странно, что именно я услышала этот разговор, не правда ли? — спросила она, радуясь, что заинтересовала свою кузину чем-нибудь другим, кроме модной одежды.

— Не знаю… конечно… разумеется, — бессвязно мистрис Сильвестер. — Как ты думаешь, роза или голубое перо, что лучше подойдет к черному? Сегодня я должна быть безупречна, — сказала Уона.

Они все ехали на прием, где ожидали одного знатного иностранца.

На лице Поолы выразилось обманутое ожидание, но она сдержалась и ответила: Я бы выбрала перо.

— Как приятно, что у меня есть своя парикмахерша, и мне не нужно посылать за этой болтливой старухой, которая станет рассказывать, как была одета та и та на последнем балу и как мистрис такая-то платит ей дороже, потому что она так отлично завивает. И, помогая ловкой Пооле заменить розу пером, она забыла расспро-

сить ее подробнее о разговоре незнакомцев.

— Уона, — заметил муж, зайдя к ней по дороге в столовую, где мистрис Сильвестер никогда не обедала, если ехала в гости, она говорила, что это портит цвет ее лица, у меня нет привычки надоедать тебе семейными делами, но давно ли ты видела своего отца? Мистрис Сильвестер отвела глаза от своих брильянтов и спокойно взглянула на мужа.

Лицо его было холодно и сурово, так он смотрел на своих слуг и иногда на свою жену.

— Нет, — сказала она небрежно, — ты знаешь папа похож на ангела, его посещения крайне редки.

Брови Сильвестера нахмурились.

— Когда он был здесь в последний раз? — спросил он с плохо скрываемым раздражением.

— Постой, задумалась она. Когда я потеряла бриллиантовую сережку? А, помню. Накануне Нового года, год тому назад; Я помню это, потому что мне пришлось надеть жемчуг с моим гранатовым платьем. Папа пришел на следующей неделе, после того как ты дал мне деньги на новые серьги. Я имею причины помнить, потому что он не оставил мне ни одного доллара.

— Уона! — воскликнул муж, отступив шаг назад

с удивлением и взглянув на ее уши, где сверкали бриллианты.

— О! — сказала она, подняв свою белоснежную руку к этим блестящим украшениям и слегка покраснев, — я после купила их, но целых два месяца я должна была обходиться без моих любимых бриллиантов.

Она не сказала, что променяла на эти серьги свои драгоценности из приданого, но он понял это и без ее слов.

— И тогда ты видела его в последний раз? — спросил он, не спуская с нее глаз.

— Именно так. Могу я спросить, — продолжала она, когда он пошел к двери, — причину такого необычайного интереса к моему папаше?

— Иногда я вспоминаю, — ответил он, глядя на жену с каким-то состраданием, — что должен помогать тебе нести ответственность за некоторые поступки. Хотя и очень опасаюсь, что в любом случае эта ноша окажется непосильной для тебя.

Она засмеялась.

— Ты выбрал для этого неподходящее время, — сказала она, указывая ему на два платья, чтобы узнать его мнение, какое ей больше идет.

— Время выбирает моя совесть, а не я, — ответил он, оставив без внимания важный вопрос

о наряде.

Жена его покачала головой, и он ушел.

— Я была бы очень довольна Эдвардом, — прошептала мистрис Сильвестер, смотрясь на себя в зеркало, если бы он не носился так со своей незапятнанной совестью.

— Вы печальны, — сказал Сильвестер Пооле, когда они вышли из столовой. — Разве недавние приключения произвели на вас такое впечатление, что вы считаете себя неспособной веселиться на сегодняшнем вечере?

Она улыбнулась.

— Я не люблю видеть вас нахмуренной, — продолжал он, — глядя на вас я и сам стараюсь выглядеть веселее.

— Разве вы желаете, чтобы я улыбалась при первом моем знакомстве с пороком? — спросила она, но таким кротким голос, что он смягчил упреки. — Вам надо вспомнить, что я совсем не знаю света. Я жила в городе примерных добродетелей, где не было ничего дурного. Я никогда не знала порока и теперь вдруг, так сказать, окунулась в него.

Он взял ее за руку и тихо привлек к себе.

— Неужели вам так противен порок, Поола? — спросил он. — Что же вы скажете грешнику,

когда встретитесь с ним, а ведь когда-нибудь это непременно случится.

— Не знаю. Эту проблему мне не доводилось разрешать. Я чувствую, что попала в открытое море без карты и компаса. Сегодня утром жизнь была для меня так радостна, — по лицу ее разлился румянец, но Сильвестер этого не заметил. Я сейчас я чувствую себя так, будто держала в руке чашу с белым вином, а оно вдруг сделалось черным.

— И вы не хотите выпить чашу, на которую пала тень, — прошептал Сильвестер, устремив глаза на лицо Поолы, — неизбежная тень громадной массы человеческих слабостей и горестей, копившихся с самого основания мира?

— Нет, нет, я выпью. Я должна, но увы и ах! Моя исчезнувшая вера! В это утро вино моей жизни было чистое и белое, теперь оно черно и грязно. Как и когда оно очистится? Сильвестер со вздохом отпустил ее руку и отошел к камину.

— Поола, — сказал он после тягостного молчания, — это время обязательно настанет. Завеса храма должна разорваться в жизни каждого. Порок слишком близок к нам, и мы не можем долго ходить по цветам, не разбудив змей, скрывающихся под ними. Люди должны смотреть и

в глубину земную, не только на одно звездное небо.

— Да, да.

— Есть некоторые, — сказал он медленно, — и вы знаете их, идущие по жизненному пути с зажмуренными глазами. Вздохи и стоны земные ничего не значат для них. Они не замечают ничего вокруг, только бы им было спокойно и хорошо. Но вы же не хотите принадлежать к числу этих людей, Поола? С вашей великой душой и мужественным сердцем, вы не захотите сидеть в цветочном лабиринте, в то время как весь мир будет стремиться к погибели, а вы будете в силах помочь ему избежать этого?

— Да! Да!

— Не могу сказать вам, просто не смею, — продолжал он искренним умоляющим голосом, — какое зло лежит в самом слове жизнь! И в нашем доме, и вне дома, и в нашей частной и публичной жизни — везде и всем правит насмешливый демон. Вы не можете сделать шага, не столкнувшись с ним. То, что говорил сегодня отец мальчика о каком-то несчастном богаче, можно сказать о многих. Легче поставить черные пятна, чем избавиться от них. Всегда и везде нужно носить на себе белый щит благородной цели или

самоотверженной любви, чтобы не попасть под ядовитое дерево, распростершее свои ветви над всем человечеством. Я это испытал, моя дорогая, и знаю, что говорю. Ваша белая одежда безукоризненна, но…

— О! В этом-то и беда, — перебила она, — туда-то кинжал и вонзился. Эта женщина говорила, что прежде была такая же, как я. Неужели искушение, страдание, обиды и несчастье могут сделать меня такой, как она!

— Поола! — сказал он повелительным голосом. — Вы придаете слишком много значения восклицаниям безумной женщины. Появление любой молодой и красивой женщины вызвало бы у нее такую реакцию. Если она еще помнит свою молодость, это значит, что она еще не совсем погрязла в пороке. Вы должны понимать, что это ваше свежее и юное личико и невинные глаза заставили ее вспомнить о днях ее невинности, и кто знает, что может последовать за этим воспоминанием.

— О, мистер Сильвестер, неужели это может быть…

— Может. Ничто так не волнует преступников, как взгляд на совершенную невинность.

Поола взяла его за руку.

— О, как вы добры, как внимательны; вы так утешили меня. Я так вас благодарю.

Он отнял свою руку с таким выражением лица, которого Поола раньше не замечала.

— Я рад, что утешил вас, Поола, мне остается сказать еще кое-что. Большие проступки возбуждают и большие страдания. Две большие страшные силы, порок и возмездие, всегда идут рука об руку и вместе опускаются в страшную бездонную глубину. Когда вы повернетесь спиной к человеку, совершившему преступление, еще одна дверь закроется в его изболевшейся душе.

Слезы капали из глаз Поолы. Он пристально смотрел на нее и начал гладить ее волосы с родительской нежностью.

— Не думайте, — сказал он, — что я хотел бы хоть на толику уменьшить ваше отвращение к пороку. Ваши глаза не должны терять своего внутреннего блеска, глядя сострадательно на ближних. Только помните, что Само Божество решилось искупить наши грехи, и мысль о вашем столкновении с нечестивой частью человечества будет не так мучительна для вас. А теперь, милая моя, на сегодня достаточно серьезных разговоров! Вы знаете, что мы едем на прием и нам пора одеваться. Сказать вам секрет? — спросил он

веселым таинственным тоном, видя, что глаза Поолы все еще наполнены слезами.

Она подняла на него глаза, внезапно заинтересовавшись.

— Я, Поола, терпеть не могу публичных собраний, и сегодня мне будет весело только в таком случае, если я увижу, что веселитесь вы. У жизни есть и мрачные, и веселые моменты. Вы сегодня должны покорить всех самой прекрасной и блистательной вашей улыбкой.

— Вы увидите ее, — сказала Поола. — Когда нам подарят ларец с сокровищами, мы не станем открывать его при всех, а спрячем его подальше и откроем в тиши ночной, когда останемся одни.

Он улыбнулся, а она пошла к двери.

— А с собой мы всегда носим воспоминание о нашем спрятанном сокровище, — прибавила она, улыбаясь и оглядываясь на него, когда поднималась на лестницу.

XVII. Весело и серьезно

— Кто это разговаривает с мисс Стьюйвесант? — спросил Сильвестер, подходя к жене во время затишья, которое иногда случается на больших вечеринках.

Мистрис Сильвестер последовала за направлением его взгляда и ответила:

— Это мистер Энсайн, один из самых завидных женихов. Он, по-видимому, знает, за кем ухаживать.

— Я спросил, потому что он сейчас просил меня представить его Пооле.

— Неужели! Представь же его, для нее это была бы прекрасная партия. Не говоря о его богатстве, он принадлежит к высшему кругу, и его рыжие бакенбарды очень красиво бы смотрелись около черных волос Поолы.

Сильвестер нахмурился, потом вздохнул, но Поола видела, что через несколько минут он подошел к Энсайну. Ее бледные щеки вспыхнули, и после формального представления молодой человек весело спросил:

— Остались ли вы довольны вашей прогулкой?

— О, ответила она очень тихо, — не вспоми-

найте об этой прогулке здесь. С нами произошло нечто неприятное, после того как мы расстались с вами.

— И возле вас не было защитника? Если бы я знал! Случилось что-то серьезное? — спросил он другим тоном, видя, как печально ее лицо.

— Спросите мисс Стьюйвесант, — ответила Поола. — Я сегодня не хочу говорить об этом. Музыка увлекает все мои мысли.

Он подал ей руку, и они пошли танцевать.

Между тем двое мужчин говорили в углу:

— Сильвестер хорошо держится сегодня.

— Как всегда. С такой внешностью человеку стоит только войти в комнату, чтобы дать почувствовать свою значимость. Кроме того, он еще и прекрасный оратор. Вы слышали, как он говорит?

— Нет.

— Вы многое потеряли. У него очень приятный и звучный голос. Словом, Сильвестер человек замечательный во всех отношениях.

— Мне и самому так кажется.

— И такой удачливый! Отдайте, не раздумывая, ему свои деньги и разбогатеете непременно. Жаль, что он оставил дела в Волской улице, теперь там все похожи на стадо баранов, поте-

рявших своего вожака.

— Разве Сильвестер оставил Волскую улицу?

— Закончил последнее предприятие две недели тому назад, перед тем как его выбрали президентом Медисонского банка. Оно лучше, знаете. Медисонский банк учреждение солидное, а Сильвестер честолюбив.

— Я с Сильвестером не знаком. Большая у него семья?

— Жена- вот эта красавица, которая говорит с Дитманом, и, кажется, племянница, вон там.

— Вижу, очень хорошенькая. Как вы думаете, сколько стоит наряд мистрис Сильвестер?

— Тысяч десять, не меньше; одно брильянтовое перо в волосах стоит тысяч пять.

— Так, так. Они живут в великолепном доме, я полагаю?

— В настоящем дворце, на углу Пятой Аллеи и ***.

— Его собственном?

— Должно быть.

— Есть и экипаж?

— Разумеется. А еще яхта и ложа в опере.

— А жалованье какое он получает?

— Тысяч пять, а может быть, и десять.

— Вероятно, имеет много акций банка?

— Достаточно, чтобы влиять на дела.

— Они, кажется, стоят ниже номинальной цены?

— Когда-то да, теперь, однако, поднимаются.

— И он больше не занимается спекуляциями?

— Насколько мне известно, нет. Он сколотил состояние и теперь хочет жить в свое удовольствие.

— Доверяете ли вы моему мнению, Стедлер?

— Более, чем к чьему бы то ни было.

— Помяните же мое слово. Через два месяца мистер Сильвестер сдаст внаем свой дом и уедет на юг поправить свое здоровье, или же при хорошем стечении обстоятельств — его хорошенькая племянница выйдет замуж за какого-нибудь богача, который даст взаймы Сильвестеру сто или двести тысяч долларов и таким образом поправит его финансовое положение.

— Вы знаете что-нибудь?

— У меня есть рудники в Колорадо, и я всегда держу руку на пульсе.

Они ушли, не заметив бледную, низенькую девушку, рассеянно кивавшую головой на замечания юноши, стоявшего возле нее, не заметили, с каким волнением она вдруг встала, когда они отошли, и отделалась от своего собеседника под

каким-то предлогом. Эта девушка была мисс Стьюйвесант.

Она быстро оглянулась вокруг и увидела недалеко от себя высокую фигуру мистера Сильвестера, а именно с ним она и желала переговорить немедленно. Но при первом своем движении в его сторону она заметила другое лицо и вдруг задрожала от волнения и попыталась найти укромное местечко, чтобы остаться незамеченной. Но через минуту глаза ее опять устремились на лицо, так взволновавшее ее, и, видя, что оно наклонилось к ней, она уронила букет лилий, который держала в руке. Прежде чем она успела опомниться, обладатель лица исчез, а с ним вместе и ее нерешимость, и испуг. Торопливо подошла она к Сильвестеру.

— Дайте мне вашу руку на минуту, — сказала она с умоляющим и выразительным взглядом.

— Мисс Стьюйвесант! Как я рад видеть вас.

Ей показалось, что он никогда не смотрел так весело, и никогда его улыбка не казалась ей приятнее.

— Непродолжительный разговор с никчемной девочкой не очень вам повредит? — спросила она, взглянув на группу мужчин, отступивших при ее приближении.

— Вы, напротив, освободили меня от скуки слушать деловые разговоры на балу.

Она отвела его к жардиньерке, наполненной тропическими растениями.

— Я хочу сказать вам кое-что, — сказала она поспешно, но робко, прошу извинить меня, если я поступаю нехорошо, но папа так уважает вас... Мистер Сильвестер, знаете ли вы человека, которого зовут Стедлер?

Удивленный таким вопросом, Сильвестер ответил:

— Да, если вы говорите о том, кто сейчас вошел в столовую.

— А того, кто шел с ним, вы знаете? — продолжала Сисилия, — такого дородного, напыщенного мужчину в золотых очках?

— Нет.

В его тоне слышалось беспокойство, поразившее ее.

— Он приезжий и говорит, что не знает вас, но, судя по его вопросам, очень интересуется вашими делами. Он говорил о рудниках в Колорадо. Я сидела за занавесью и слышала, что он говорил.

Сильвестер побледнел и внимательно посмотрел на Сисилию.

— Могу я спросить, — сказал он через мину-

ту, — а что именно он сказал?

— Мне трудно повторить дословно. Он спрашивал о ваших домашних делах, о вашем доме и доходе, прошептала Сисилия, краснея, а потом сказал, как мне показалось, радостным тоном, что через два месяца вы поедете на юг для того, чтобы поправить ваше здоровье… недостаточно ли этого для вас, мистер Сильвестер?

Он бросил на нее взгляд, хотел что-то сказать, потом повернулся и начал машинально ощипывать цветы в жардиньерке.

— Я, конечно, не могу понять смысла всех его слов. Но усмешки и взгляды, сопровождавшие такой разговор, говорили сами за себя. Мне показалось, что я должна предупредить вас в коварстве этого человека, хотя бы только потому, что папа так высоко ценит вас.

Сильвестер поклонился и посмотрел на дверь, за которой исчезли те два человека, и сделал движение, как будто хотел за ними идти. Но передумал, подвел мисс Стьюйвесант к стулу и сказал:

— Вы очень добры, но прошу вас не говорить об этом Пооле.

Она поклонилась, и улыбка пробежала по ее лицу.

— Я не люблю болтать, мистер Сильвестер, а иначе я пересказала бы это не вам, а моему отцу.

Он с поклоном пожал ее руку, прежде чем передал на попечение юноше, вернувшемуся к ней.

Скоро к Сисилии подошла Поола под руку с Энсайном и вскричала:

— Не правда ли, какой восхитительный вечер?

— Вам так весело?

— Да.

Разговор их скоро был прерван Сильвестером, который вернулся из столовой с озабоченным видом. Подойдя к девушкам, он извинился, сказал, что деловой друг ждет его в передней, оставил их и исчез в толпе.

— Я не люблю, когда деловые друзья мешают удовольствиям, — вскричала Поола, глядя вслед Сильвестеру тревожными глазами. — Вы заметили, как он взволнован, Сисилия? А полчаса тому назад он был так весел.

— Мы не знаем всей важности его дел, Поола, — уклончиво ответила приятельница.

— Дела похожи на невралгию, когда менее всего ожидаешь, вдруг схватит боль. Рассказывали вы мистеру Энсайну о нашем приключении?

— Нет, но я рассказала мистеру Сильвестеру, и он сказал мне такие добрые и хорошие слова. Я

никогда не забуду их.

— А я рассказала папаше; но он нахмурился и сделал замечание об упадке нравственности и о том, как многие мошенники приобретают богатство не брезгуя ничем. — Ваш папа бывает иногда жесток, Сисилия.

Мисс Стьюйвесант вспыхнула и стала смотреть на толпу, пестревшую перед ее глазами.

— Он создан из гранита, Поола. Он и жесток, и прочен, его можно резать, но не плавить. Из такого материала делают монументы нескончаемой красоты и прочности. Вы должны быть справедливы к моему отцу.

— Я отдаю ему должное, но мне иногда кажется, что эта гранитная колонна упадет и раздавит меня.

— Вас, Поола?

Прежде чем она успела ответить, Сильвестер вернулся. Его лицо было еще бледно, и приобрело выражение суровости, еще более испугавшее Поолу, чем прежняя вынужденная веселость. Взяв Поолу за руку, он отвел ее в сторону.

— Я должен оставить вас, — сказал он, — по одному важному делу. Бёртрем проводит вас и Уону домой. Мой поспешный отъезд не должен испортить вашего удовольствия от праздника.

— Я предпочла бы уехать с вами домой сейчас. Я уверена, что и кузина Уона уйдет охотно.

— Я еду не домой, — сказал он.

Поола не смела больше ничего сказать. Но ее удовольствие омрачилось; она не могла видеть равнодушно страдания или беспокойства на этом лице. Простившись с Сисилией и взяв под руку мистера Энсайна, она пошла разыскивать свою кузину.

Она нашла ее среди толпы поклонников, для которой ее бриллианты, если не улыбки, составляли предмет интереса. Уона говорила какую-то длинную и бессвязную речь, и для Поолы, с ее тоской в сердце, она показалась олицетворением самодовольства, на которое ей неприятно было смотреть.

— Мистрис Сильвестер разделяет почести со своим мужем, — заметил Энсайн.

«Но только не заботы и огорчения», — подумала Поола.

Мистрис Сильвестер нелегко было отвлечь от компании, в которой она произвела такое впечатление, но, наконец, она поддалась убеждениям Поолы и согласилась поехать домой с молодым Сильвестером. Прежде всего надо было найти Бёртрема. Мистер Энсайн вызвался отыскать

его. Оставив Поолу с ее кузиной, он отправился искать бывшего Мандевиля и с большим трудом нашел его у окна, рассматривающим белые лилии, которые он держал в руках. Энсайн объяснил ему, в чем дело, и Бёртрем тотчас пошел вместе с ним к дамам.

«Я не знал, что он так красив», — подумал Энсайн, нахмурившись.

Бёртрем не был красив, но Клеренс Энсайн был положительно дурен, а о Бёртреме этого сказать было нельзя.

XVIII. Ночное видение

— Никогда не проводила такого восхитительного вечера, — сказала мистрис Сильвестер, сбрасывая свое богатое белое манто в своем будуаре. — Сера, пришейте завтра две петли к этому доломану, слышите? Я думала, что у меня замерзнут руки. Какой изящный джентльмен граф де Фрассак. Он положительно без ума от тебя, Поола, но ни слова по-английски не понимает… Ах! Этот противный негодяй уронил-таки ложку мне на платье, а клялся, что она не дотронулась до него, но посмотрите прямо на это пятно. Поола, твое мнение о голубых перьях было правильно. Я слышала, как мистрис Джонс шептала за спиной у меня, что голубой цвет всегда делает блондинок блеклыми. Разумеется, мне не было нужно более сильного доказательства в том, что я совершенно затмила ее бледнолицую дочь.

Она замолчала и прислушалась.

— Мне послышались шаги Эдварда. Ужасно досадно, что он так вдруг бросил нас. Я только что хотела представить его графу, конечно, Эдвард не счел бы этого за большую честь, но, когда имеешь красивого мужа… Сера, поправьте эти занавески,

они совсем скривились. Ты пробовала устрицы, Поола? Они были совершенны. Я без церемонии прогоню Лоренцо и найму повара, который умеет готовить из устриц фрикасе.

Тут она опять заговорила о другом и закончила замечанием:

— Уважение, оказываемое жене президента Медисонского банка, очень лестно. Если бы я знала, какую перемену это произведет в обществе, я давно уговорила бы Эдварда бросить спекуляции. Красота и богатство помогают подниматься по общественной лестнице, но только одно солидное положение, какое занял Эдвард теперь, может поднять нас на самую ее вершину. Если я получу мой костюм от Ворта вовремя, я в будущем месяце устрою прием.

Поола, стоя в дверях уже несколько минут пыталась ускользнуть в свою комнату. Она с удивлением смотрела на свою кузину. Она никогда не видела ее такой.

Тот, кто говорит искренне, всегда приобретает некоторое красноречие. Уона была искренна. От необычного волнения ее щеки горели, и даже бриллианты, стоившие десять тысяч долларов, сверкали не так ярко, как ее глаза. Поола подошла к ней.

— Ах, Уона, — сказала она, — если бы вы говорили с таким воодушевлением, когда… Она остановилась, какое право имела она давать уроки своей благодетельнице?

— Когда? — спросила Уона со своей прежней обычной томностью.

Потом, совершенно забыв о любопытстве, побудившем ее задать вопрос, она велела Сере снимать украшения со своей головы.

Поола вздохнула и поспешила в свою комнату. Она не могла решиться упомянуть о своем беспокойстве, об отсутствующем хозяине дома этой лениво улыбающейся и вполне довольной своим положением женщине.

Но сама она не ложилась, а села и стала прислушиваться к шуму шагов. Она не могла спать, пока мистера Сильвестера нет; однако мысли, не позволявшие ей ложиться, относились не только к нему, время от времени на лице ее мелькала улыбка, и Поола погружалась в приятные воспоминания сегодняшнего вечера.

Однако, когда в три часа ночи она услышала знакомые шаги на лестнице, то вскочила с поспешностью, показывавшей ее участие к чувствам ее благодетеля.

«Если он пройдет к Уоне, тогда все хорошо, —

подумала она, — а если отправится наверх, я буду знать, что случилось что-нибудь дурное и он нуждается в утешении».

Он не пошел к Уоне, и встревоженная Поола отворила свою дверь и хотела идти к нему навстречу, но увидела его лицо и отступила назад. Она ничем не могла ему помочь! Уже одно то, что он не заметил ее, доказывало, что он не искал ее сочувствия. Она удалилась и села на край своей постели, опустила на руку лицо, с которого исчезло всякое выражение восторга и осталось только опасение. Вдруг она вскочила, он опять спускался вниз, отворил дверь на улицу и опять вышел из дома в ночную темноту. Что это значило? Она думала было бежать и разбудить Уону, но невольное воспоминание о том, как откроются эти ленивые глаза и тотчас закроются опять, остановило ее на пороге двери; сев опять на краю постели, она ждала и дрожала при каждом звуке, нарушавшем тишину этого огромного дома.

В шесть часов Поола опять встала, он вернулся и на этот раз остановился у дверей Уоны.

XIX. День в банке

Бывают дни, когда нам кажется, будто весь свет улыбается нам. На Бёртрема Сильвестера, отправлявшегося в банк на другой день после бала, радостно было смотреть. Молодость, здоровье, надежда говорили в каждой черте его лица. Его новая жизнь нравилась ему. О Бахе, Бетховене и Шопене честолюбивый помощник кассира Медисонского банка, имея друга в каждом директоре и более чем друга в самом президенте, больше не вспоминал. Кроме того, он обнаружил способность к делам и пользовался доверием кассира, болезненного человека, не раз вынужденного советоваться со своим молодым помощником, часто в делах первой важности. Бёртрем скоро убедился, что он не ошибся относительно своих способностей, когда уверял дядю, что музыка для него скорее удовольствие, чем дело всей его жизни.

Когда он входил в банк, он вдруг услышал возле себя тоненький голосок и, обернувшись, увидел маленькую дочь швейцара. Это был милый, интересный ребенок, и Бёртрем со своим обычным добродушием наклонился поцеловать ее.

— Я люблю вас, — пролепетала она, когда он, подняв ее высоко, опять поставил на ноги, — а другого люблю больше.

— Надеюсь, что другой ценит твое предпочтение, — засмеялся Бёртрем и опять хотел войти в банк, когда кто-то дотронулся до его руки.

Это был швейцар, хороший человек, пользовавшийся доверием в банке и обладавший замечательно огромными глазами.

— Что вам нужно, Гонгуд? — спросил Бёртрем.

Швейцар отступил назад и пролепетал:

— Ничего, сэр, разве я вас остановил? Я иногда такой неловкий.

С большим смущением повернулся он к своей девочке и взял ее на руки.

Бёртрем был уверен, что швейцар дотронулся до его руки, но так как опоздал в это утро и торопился, то не остановился расспросить зачем он это сделал. Поспешив в банк, он помог отворить несгораемый шкап, это была его обязанность, вынул нужные бумаги, как вдруг опять заметил швейцара, стоящего у двери и наблюдающего за ним.

Рассердившись, он спросил, что значит этот странный надзор. Швейцар смутился, покраснел и с очевидным беспокойством устремил глаза

на кассира, который, искал что-то, вынимая оловянные ящички из шкапа. Только когда кассир поставил все на место, швейцар ответил:

— Мне очень жаль, если я разозлил вас, сэр, но как вы думаете, будет ли сегодня мистер Сильвестер?

— Я не знаю, а почему ему не быть, — ответил Бёртрем.

— Я хотел поговорить с ним, — пролепетал швейцар, очевидно, оторопев от удивленного взгляда Бёртрема. — Не могли бы вы сообщить, как только увидите, что у него есть свободная минута? Я не знаю, важное ли это дело, но…

Он остановился и прибавил:

— Могу я надеяться, что вы исполните мою просьбу, сэр?

— Да, я скажу дяде, когда он приедет, что вы желаете говорить с ним. Он, вероятно, сейчас же за вами пришлет.

На лице швейцара выразилось замешательство.

— Извините, сэр, но я не хотел бы этого. Мистер Сильвестер всегда очень занят и, пожалуй, подумает, что я стану надоедать ему о своих делах, как мне случалось иногда. Я прошу вас только позвонить, когда он придет.

Бёртрему эта просьба показалась странной, но, он обещал все выполнить, и швейцар поспешил уйти.

— Странно! — пробормотал Бёртрем, — что могло случиться?

Он осмотрелся вокруг, направляясь к своей конторке.

Но все находились на своих местах и все лица были одинаково бесстрастны.

В это утро было много дел, и Бёртрем совсем забыл о швейцаре. Но ему напомнило о нем чье-то замечание: «Мистер Сильвестер сегодня опоздал», и, подняв глаза на часы от бумаг, которые он просматривал, он увидел, что прошел уже целый час после того времени, в которое обыкновенно приезжал его дядя. Именно в эту минуту он опять увидел огромные глаза Гопгуда, смотревшие на него из полуотворенной двери банка.

«Теряет терпение», — подумал он и почувствовал какое-то неопределенное беспокойство.

Прошло еще полчаса.

— Что могло так задержать мистера Сильвестера? — вскричал Гилок, кассир, торопливо подходя к Бёртрему. — Сегодня совет директоров и они уже собираются. Мистер Сильвестер не имеет привычки заставлять себя ждать.

— Право, я не знаю, — ответил Бёртрем, вспомнив с беспокойством, как внезапно его дядя уехал со вчерашнего бала.

— Не телеграфировать ли?

— Нет, к чему? Фольджер видел его на Бродвее утром.

— Он шел по улице с чемоданчиком в руке, — подтвердил Фольджер. — Он казался очень бледен и не заметил меня, когда я кланялся ему.

— В какое это было время? — спросил Бёртрем.

— Около двенадцати, я шел завтракать.

Около них кто-то закашлялся. Обернувшись, Бёртрем в пятый раз за день встретил глаза Гопгуда. Он вошел незаметно в маленькую дверь, отделявшую внутреннюю перегородку от наружной, и стоял возле разговаривавших, искоса глядя на несгораемый шкап позади них, на лица разговаривавших, и даже клерков, наклонившихся над работой. — Вы звонили, сэр? — спросил он, заметив недовольство на лице Бёртрема.

— Нет.

Швейцар почувствовал выговор, заключавшийся в этом коротком ответе, и тихо поплелся назад. Но Бёртрем остановил его.

— Что с вами сегодня, Гопгуд? Вы что-то знаете о моем дяде?

Швейцар вздрогнул и, по-видимому, испугался.

— Будьте осторожны, — шепнул он.

Потом, бросив проницательный взгляд на Гилока, входившего в эту минуту в комнату директоров, хотел ускользнуть в маленькую дверь, когда она отворилась и вошел Стьюйвесант.

Швейцар отшатнулся почти с ужасом, спрятавшись между этой дверью и дверцей шкапа, но тотчас опомнился и с ужасом посмотрел на спокойное лицо банкира. Стьюйвесант, погруженный в мысли, не заметил внимания, вызванного его появлением, и пошел за Гилоком в комнату директоров.

Швейцар тотчас выпрямился с облегчением и, взглянув на часы, торопливо исчез. Через минуту Бёртрем увидел его в окно; он стоял у двери и смотрел на улицу.

— Происходит что-то нехорошее, — пробормотал Бёртрем. — Он хотел было пойти к Стьюйвесанту и сообщить ему о своем беспокойстве; но вспомнил предостережение Гопгуда и взяв себя в руки, вошел в комнату директоров.

Все сидели вокруг длинного, покрытого зеленой скатертью стола, стоявшего посреди комнаты. Нетерпение было написано на всех лицах. Осо-

бенно Стьюйвесант все посматривал на тяжелые золотые часы, которые держал в руках, с нахмуренным лицом. Пустое место в конце стола неприятно бросилось в глаза Бёртрему.

— У моей жены сегодня гости, — сказал один директор своему соседу.

— А я должен быть в одном месте ровно в пять часов.

— Сильвестер не опаздывал никогда.

— Мы не можем ничего сделать без него.

Гилок был задумчив.

Бёртрем поспешил к шкапу, где обычно висела одежда дяди. Отворив шкап, он увидел фрак, бывший на Сильвестере накануне.

«Что это значит? Дядя был здесь!» — чуть было не вскрикнул он, но успел удержаться и запер шкап. Подойдя к двери, он спросил клерков, точно ли они знают, что мистер Сильвестер не был сегодня в банке. Все ответили отрицательно и с таким удивлением, которое убедило его, что он слишком ясно обнаружил свое волнение.

«Я телеграфирую, хотя Гилок считает это ненужным», — подумал Бёртрем и хотел позвать рассыльного, когда увидал Гопгуда, медленно возвращавшегося с улицы. Он был очень бледен и шел, потупив глаза и качая головой. Бёртрем

пошел к нему.

— Если вы не желаете сообщить его мне, его племяннику, почти сыну, поговорите с мистером Гилоком или с кем-нибудь из директоров, но не скрывайте того, что касается… На что это вы смотрите? — сказал он, — ваше беспокойство заразительно.

Швейцар не спускал глаз с ключей, которые Бёртрем держал в руке.

— Нет, сэр, я так… Не удерживайте меня, мне нечего вам сказать. Я подожду еще десять минут, — пробормотал он про себя, взглянув на часы.

Вдруг он увидел, что директора стали выходить из своей комнаты и опять ускользнул от Бёртрема.

— Надеюсь, что с мистером Сильвестером ничего не случилось, — сказал один директор другому.

— Вчера на балу он казался совсем здоров, — воскликнул другой, — но в нынешнее время…

Вдруг все смолкли. Рассыльный с телеграфа принес телеграмму и спрашивал мистера Бёртрема Сильвестера.

— Я здесь, — сказал Бёртрем, торопливо распечатывая телеграмму.

Вдруг он страшно побледнел.

— Господа, — сказал он, — вы должны извинить моего дядю; с ним случилось ужасное несчастье — мистрис Сильвестер умерла.

Поднялся шум, все торопливо стали уходить из банка, но ничье лицо не выражало такого глубокого изумления, как швейцара Гопгуда. Вытаращив глаза и с дрожащими руками, сел он на нижнюю ступень лестницы и устремил глаза в пустое пространство.

XX. Горечь на дне чаши

На торопливый звонок Бёртрема дверь дома его дяди отворил дворецкий Сэмюэл.

— Что это я слышал? — вскричал молодой человек. — Мистрис Сильвестер умерла?

— Да, сэр, — ответил старый и доверенный слуга с рыданием в голосе.

Она сегодня поехала кататься, лошади сбесились, ее выбросило из коляски, и она умерла на месте.

— А мисс Ферчайлд?

— Она с ней не ездила. Мистрис Сильвестер была одна.

— Ужасно, ужасно! Где дядя? Могу я видеть его?

— Я не знаю, сэр, — ответил дворецкий. — Мистер Сильвестер чувствует себя очень дурно, сэр. Он заперся в своей комнате, и никто не смеет тревожить его.

— Однако я желаю, чтобы он знал, что я здесь. В какой комнате я найду его?

— В маленькой, наверху.

— Пожалуйста, будьте в передней, когда я выйду; может быть, мне придется отдать вам

какие-нибудь приказания.

Старый слуга поклонился, и Бёртрем торопливыми шагами поднялся на лестницу. На первой площадке он остановился. Что такое в доме смерти, а особенно смерти скоропостижной, набрасывает покрывало чего-то сверхъестественного на каждый знакомый предмет? За этой запертой дверью, без сомнения, лежало безжизненное тело женщины, несколько часов тому назад ослеплявшей глаза мужчин и возбуждавшей зависть женщин своей величественной красотой! Такой тишины не было в том месте, где присутствовала она. Как видение мечты, он увидел ее опять во всем ее блеске. Ничье чело не сияло так великолепно под сверкающими бриллиантами; ничьи уста не сжимались с такой самодовольною гордостью, не смягчались такой привлекательной улыбкой, как у той, которая теперь лежала, как мраморная статуя. Точно будто поле, усыпанное цветами, разверзлось под ногами танцующей сирены.

Сердце Бёртрема сжалось. Он прошел мимо бронзовой статуи Роскоши, распростертой в полудремоте на ложе из роз. Отвратительная насмешка! Какое отношение имеет роскошь к смерти? Та, которая сама была олицетворением

роскоши, исчезла из этого дворца! Эта немая бронза будет продолжать улыбаться вечно, между тем как ту, которая была ее прототипом, унесут без улыбки на устах, когда-то выражавших гордость и тропическую томность!

Дойдя до самого верха, Бёртрем постучался в дверь и, назвав себя, спросил, не может ли он сделать что-нибудь здесь или в другом месте, чтобы показать свое желание быть полезным в этом неожиданном горе.

Ответа не было, и он начал думать, что должен уйти, так и не увидав дяди, когда дверь медленно отворилась и Сильвестер вышел. Бёртрем тотчас понял беспокойство старого слуги. Не только лицо Сильвестера показывало следы горя и ужаса, свойственные внезапному и ужасному бедствию, но видны были следы другого непонятного волнения, какое-то дикое выражение, изменившее даже черты, так что его лицо трудно было узнать. — Дядя, что с вами? — невольно сорвалось с губ Бёртрема.

Но внезапное движение Сильвестера показало, что он хотел бы избегнуть зорких взглядов, и Бёртрем поспешно сказал несколько утешительных слов, раздавшихся как-то странно и глухо в этом безмолвном коридоре.

— Не могу ли я сделать что-нибудь для вас? — наконец спросил он.

— Все уж сделано, — ответил ему дядя изменившимся голосом.

Наступило молчание, которого Бёртрем не смел прервать.

— У меня есть помощь во всем, но… Он не мог продолжать, будто его душило что-то. — Бёртрем, — сказал он наконец более естественным голосом, — пойдем со мной.

Он повел его в смежную комнату и запер дверь.

— Сядь, — сказал ему дядя, указывая на стул.

Молодой человек сел, но Сильвестер остался на ногах.

— Ты видел ее? — вдруг спросил он.

В вопросе не было горя. Смерть облекает всех каким-то благоговением.

Бёртрем покачал головой.

— Нет, — ответил он, — я сразу прошел наверх.

— На теле нет никаких следов, только здесь небольшой кровоподтек, — продолжал Сильвестер, спокойно указывая на висок. — Она испугалась, когда лошади понесли, а потом…

Он задрожал и, подойдя к Бёртрему, положил руку на его плечо.

— Бёртрем, у меня нет сына, если я попрошу тебя вместо моего сына сделать для меня одно дело, повиноваться мне и не расспрашивать ни о чем, ты согласишься?

— Как вы можете сомневаться? — ответил молодой человек. — Вы знаете, что вам стоит только приказать мне, и я с радостью буду повиноваться вам.

Рука сильнее надавила на плечо.

— Это, не подходящее время для разговора о делах, Бёртрем, но необходимость закона не признает. Ты можешь оказать мне большую помощь, если немедленно исполнишь мое поручение.

— Можете не сомневаться…

— Вот что. На этой бумажке ты найдешь имя и под ним множество адресов. Я боюсь, что некоторые из этих мест пользуются не очень хорошей репутацией. Я желаю, чтобы ты отыскал человека, имя которого ты видишь здесь, начиная с первого адреса и продолжая до тех пор, пока найдешь его. Он спросит у тебя карточку. Дай ему и начерти на ней при нем круг, вот так. Он поймет этот знак. Тогда скажи ему, что твой хозяин, имени не надо упоминать, требует от него бумаги, переданные ему сегодня утром. Если он выскажет удивление или станет колебаться, скажи ему, что

тебе так приказано. Если он станет уверять, что это разорит нас, скажи ему, что твой хозяин знает так же хорошо положение дел, как и он. Что бы он ни говорил, принеси мне бумаги.

Бёртрем кивнул головой и порывался встать, но рука дяди слишком тяжело лежала на его плече.

— Он низенького роста; физически тебе нечего опасаться его. Чем скорее ты его отыщешь и исполнишь мое поручение, тем мне будет спокойнее.

Спускаясь с лестницы, Бёртрем встретил Поолу. Она стояла в передней и заговорила с ним дрожащим голосом.

— Видели вы его? Говорит ли он что-нибудь? Никто не слышал от него ни слова с тех пор, как, вернувшись домой, он увидел ее.

— Да, он говорил со мной; он дал мне поручение. Я отправляюсь теперь по этому делу.

Поола перевела дух.

— О, если бы у него был сын, дочь, кто-нибудь! — воскликнула она.

Это восклицание после того, что произошло наверху, сильно поразило Бёртрема.

— Он имеет сына во мне, Поола. Любовь столько же, как и обязанность, связывает меня с ним. Я сделаю с удовольствием все, что сделал бы

его сын.

Она бросила на него вопросительный взгляд.

— Он более нуждается в этом, чем кажется, — шепнула она. — Он был очень озабочен еще до этого страшного происшествия. Я боюсь, что стрела, нанесшая эту страшную рану, была отравлена. Я не могу выразиться яснее, — прибавила она торопливо, — но если вы действительно смотрите на него, как на отца, окружите его всеми заботами, каких требует его положение.

В этой просьбе было столько горячности, что Бёртрем невольно наклонил голову.

— У него есть два друга, — сказал он, — и вот вам мое слово, что я никогда его не брошу.

— Мне нет надобности давать обещания, — ответила она. — Он настолько велик и добр, что обойдется и без моей помощи.

«Я не смела сказать ему, — думала она, когда дверь передней затворилась за Бёртремом. — Я не смею сказать никому, но…»

Что означало это — но?

Когда Сильвестер вернулся в шесть часов утра, Поола встала с постели, на которой сидела. Смутное предчувствие какой-то катастрофы преследовало ее, и, хотя она переменила свое бальное платье на домашнее, она и не дума-

ла отдыхать. Утро было холодное, солнце еще не всходило, Поола озябла и начала ходить по комнате, останавливаясь время от времени посмотреть из окна в надежде увидеть признаки рассвета на востоке. Вдруг, когда она смотрела на горизонт, свет мелькнул снизу, из будуара мистрис Сильвестер. Сердце Поолы замерло, из того окна, у которого она стояла, ей легко было видеть все происходившее в будуаре; а происходило там нечто серьезное и важное, это можно было видеть по выражению лица Сильвестера.

Он наклонился к жене, хотя трудно было представить себе, что она решилась расстаться со своим сном, и говорил, по-видимому, очень горячо. Пооле казалось, что он как будто упрашивал ее о чем-то. Но вдруг он отскочил назад и по его лицу пробежал какой-то ужас и отвращение. Он что-то отталкивал от себя, или опровергал слова, или воспоминание, трудно было определить.

Выражение лица мистрис Сильвестер, которая в эту минуту проходила по комнате в своей лазурной блузе, мало могла помочь разъяснить, в чем дело. Всегда бесстрастная, она была теперь еще спокойнее и холоднее обыкновенного, представляясь Пооле чем-то вроде белой и ледяной преграды, от которой должны отскакивать самые

острые стрелы. «О, если бы хоть на одну минуту в этой груди забилось сердце!» — подумала Поола. Как бы в насмешку на это воззвание, надменная фигура, на которую девушка смотрела, выпрямилась, презрение искривило ее губы, а глаза выразили угрозу, показавшую, что под этой белой розой скрывается змея.

Поола не могла дольше смотреть. Последнее обстоятельство показало ей, что она смотрит на сцену, предназначавшуюся только для мужа и жены. Со стыдом отскочила она от окна и бросилась на постель, но видение, представлявшееся глазам, не оставило ее. Она никак не могла устоять от соблазна взглянуть еще раз на Сильвестера и, подойдя к окну, увидала, что он выходит из будуара жены.

— Мистрис Сильвестер слишком устала, а мистер Сильвестер слишком занят, — доложил Сэмюэл, когда, через несколько часов, Поола, возвращалась на верх после одинокого завтрака.

Дверь комнаты Уоны была полуотворена, и Поола услышала следующее восклицание:

— Как! Отказаться от моего роскошного дома, моих лошадей, моего экипажа, друзей, которых я приобрела с таким трудом? Я предпочту умереть!

Поола, чувствуя, что узнала разгадку вчерашней ссоры, хотела бежать в свою комнату, когда услышала голос, ответивший с жестким и горьким выражением:

— Может быть, это было бы лучше. Но так как, вероятно, ты будешь жить еще долго, пусть будет по-твоему. Я не имею мужества…

Дверь захлопнулась.

Через час после этого Сильвестер вышел из дома с чемоданчиком в руках, а мистрис Сильвестер, очень нарядная, поехала за покупками.

Поола шепнула себе: «Я не смела сказать ему, я не смела сказать никому, но…»

Она подумала об этих страшных словах: «Умереть! Может быть, это было бы и лучше!» и потом вспомнила страшный взгляд, с которым несколько часов спустя он отскочил от ужасной ноши, внесенной в его дом, от той, окоченелые черты которой никогда уже не будут выражать насмешливого презрения и для которой утренние стремления к честолюбию и роскоши окончились покоем в четырех досках…

XXI. Отъезд

Сэмюэл получил приказание принять Бёртрема во всякое время дня и ночи, как только он придет. Но прошел вечер, прошла ночь, прежде чем явился Бёртрем. Он прямо прошел в комнату Сильвестера и постучался. Дверь отворилась немедленно.

— Ах, Бёртрем, я ждал тебя всю ночь.

По уставшим лицам обоих можно было видеть, что никто из них не спал.

— С тех пор как я вас оставил, я присел только пару раз и то в омнибусах. Я был вынужден поехать в Бруклин.

— Но ты нашел его?

— Нашел.

Дядя вопросительно посмотрел на его руки, они были пусты.

Лицо Бёртрема было очень мрачно, а говорил он нерешительно.

— Я скорее бы умер, чем обманул ваше ожидание, — прошептал он после минутного молчанья. — Но когда я отыскал его, было уже поздно! Поздно!

Тон, которым была произнесена эта простая

фраза, невозможно передать.

— Он уже распорядился бумагами, и довольно выгодно. Более того, — продолжал Бёртрем. — Он отдал распоряжения по телеграфу и отменить их было нельзя. Я нашел его, на Сорок Второй улице, он как раз готовился к отъезду из города.

— И уехал?

— Да.

Сильвестер медленно отошел к окну. Шел дождь, но он не замечал этого, не поднимал глаз к свинцовому небу.

— Встретил ты еще кого-нибудь из знакомых? — спросил он наконец.

— Никого, кроме мистера Стьюйвесанта.

— Стьюйвесанта!

— Да, сэр, — ответил Бёртрем, потупив голову под изумленным взглядом дяди. — Я выходил из дома на Бродской улице, когда он прошел мимо и увидел меня. Мне сказали, что он имеет привычку гулять по улицам, когда запрут лавки. Он, вероятно, наслаждается тишиной и находит пищу для размышлений в спящем городе.

Тон Бёртрема был угрюм, дядя с любопытством посмотрел на него.

— Из какого дома ты выходил, когда он прошел мимо тебя?

— Из того, где располагается контора Тьюеллер и К°.

— Как думаешь он видел тебя?

— Не знаю. Было темно, но мне показалось, что он взглянул на меня и слегка вздрогнул.

— Я скажу мистеру Стьюйвесанту, что ты искал человека, который был мне нужен, — заметил наконец Сильвестер.

— Нет, — прошептал Бёртрем, он может заподозрить что-то, лучше оставить все как есть.

Сильвестер молчал. Наконец он обернулся и поспешно подошел к племяннику.

— Бёртрем, — сказал он. — Ты оказал мне услугу, за которую я благодарю тебя. Надеюсь, во время твоих поисков, ты понял, почему я предостерегал тебя не вступать на опасный путь спекуляции. Теперь я поручу тебе еще одно дело. Мисс Ферчайлд, — тут голос его задрожал, и он тяжело облокотился на стул, стоявший возле, — ты видел ее, Бёртрем? Очень она расстроена? Не занемогла ли она от потрясения, или с мужеством переносит это ужасное несчастье?

— Она не больна, но, несомненно, страдает. Если бы вы могли повстречаться с ней, я думаю, что это утешило бы ее.

Сильвестер нахмурился и хотел что-то сказать.

Бёртрем ждал какой-нибудь гневной фразы, но вместо этого Сильвестер заметил:

— Мне жаль, что не могу увидеться с ней. Скажи этой бедной девушке, Бёртрем, что я здоров и передаю ей привет и слова поддержки. Если она захочет, чтобы рядом с ней был кто-то из ее друзей, пошли за кем она пожелает. Даю тебе полную волю делать все, что потребуется для ее спокойствия, но пока не закончится все, я не желаю видеть никого, кроме тебя. После похорон я желаю остаться один. Ей надо это объяснить…

— Мне кажется, сэр, что она уже поняла ваши желания. Если я не ошибаюсь, она планирует вернуться к своей тете.

Сильвестер вздрогнул. Но через минуту взял себя в руки и воскликнул:

— Так и должно быть. Позаботься о ней, Бёртрем.

— Я буду заботиться о ней, как о сестре, — отвечал Бёртрем.

Сильвестер взглядом выразил свою признательность. Потом дружески пожал племяннику руку и опять ушел в свою любимую комнату.

А дождь все бил в окна и больше прежнего напоминал шум земли, засыпающей крышку гроба.

Похороны были великолепные. Такого количества пришедших проститься с мистрис Сильвестер не помнили в городе. Такой внезапной и ужасной смерти было достаточно, чтобы привлечь громадную толпу. Между приехавшими изъявить свое уважение усопшей находилась мисс Стьюйвесант.

— Я не могла приезжать к вам веселиться, — шепнула она Пооле, — но в часы горя не могла оставить вас!

Пожатие ее руки и дружелюбный взгляд придали Пооле мужества и сил.

С удовольствием представила она своей молоденькой приятельнице Бёртрема Сильвестера. Она давно планировала это сделать, особенно учитывая то, как мисс Стьюйвесант любила классическую музыку. Тогда она не обратила особенного внимания, но впоследствии вспомнила, с каким румянцем на щеках и с каким застенчивым взглядом девушка приняла его поклон и ответила на его почтительные слова, как ему приятно видеть дочь человека, которого они так уважают.

Сильвестер не выходил из своей комнаты. Друзья, успевшие мельком увидеться с ним, убедились, что несчастье тронуло его более, чем

предполагали те, кто знал его не очень близко. Но он уже практически полностью совладал с собой, был спокоен и имел то непроницаемое выражение лица, которое с тех пор стало его отличительной чертой. По дороге в Гринвуд он говорил мало. Пооле, сидевшей в одной карете с ним, он не сказал ни слова, хотя время от времени смотрел на нее с такой жалостью, от которой вся кровь приливала к ее сердцу, и оно наполнялось страшными предчувствиями. Изгибы человеческой души, в кризисах горя были новы для нее. Она проводила жизнь возле журчащих ручейков и в тихих долинах, и теперь вдруг темные картины жизни явились перед ней, и она не могла сделать и шага, чтобы не споткнуться о скалы, пропасти и пещеры непроницаемого мрака.

Вид могилы устрашил ее. Лежать на таком ложе прелестной и нежной голове, которая часто находила жестким даже пуховое изголовье! Скрыть в этой глубокой черной яме белые формы, такие величественные и роскошные! Мысль о небе утешения не приносила. Красавица, которую она знала, лежала тут безжизненная, неподвижная, суровая и безответная. У нее не было крыльев, которые помогли бы ей встать. Смерть оборвала листья этой белой розы, эта предводительница

моды не поднималась до тех областей, где бедная душа могла бы найти утешение.

Бёртрем видел бледность Поолы и молча предложил ей руку; но есть минуты, когда люди не могут нам помочь, минуты, когда душа стоит одиноко во вселенной, как потерпевший кораблекрушение моряк на узкой скале, окруженной безграничным морем.

Вернувшись домой, Сильвестер ушел с друзьями в свою комнату, а Поола удалилась в свою укладывать свои чемоданы и отвечать на письма, полученные во время ее отсутствия. Знакомые спешили изъявить свои соболезнования, она выбрала несколько писем от людей, которыми дорожила, а в одном письме было предложение от богатого старого маклера, которому она тотчас написала отказ.

— Он думает, что мне некуда деваться, — прошептала она.

Хотя она и правда спрашивала себя, какое место после случившего она может назвать своим домом.

Рано утром настало время для отъезда Поолы. Она стояла на пороге своей комнаты, сложив руки и думая: «Неужели он даст мне уехать, не сказав ни слова?»

— О чем вы думаете, мисс Поола? — закричала Сера, подходя к ней. — Джен говорит, что мистер Сильвестер не ложился всю ночь. Она слышала, как около полуночи он ходил по всем комнатам и даже был в ее комнате! — прошептала Сера с ужасом. Что он делал там, не знает никто, а когда вышел, запер дверь. Ах! Мисс, как вы думаете, он все ее вещи подарит вам?

Поола отступила с ужасом.

— Сера! — произнесла она и не могла больше сказать ни слова.

— Мисс Поола, мистер Бёртрем Сильвестер ждет вас у подъезда, — почтительно доложил Сэмюэл.

— Иду, — прошептала огорченная девушка и с рыданием, которого не могла подавить, окинула последним взглядом хорошенькую комнатку, в которой предавалась радостным мечтам, и медленно спустилась с лестницы.

Вдруг, проходя мимо двери на втором этаже, она услышала тихий голос:

— Поола!

Она остановилась.

Дверь медленно отворилась.

— Поола? Неужели вы думали, что я отпущу вас без благословения, — произнес густой голос, всегда затрагивавший ее сердце.

— Я не знала, — прошептала она, — я желала видеть вас, проститься с вами, поблагодарить…

Слезы прервали ее слова; эта разлука раздирала ее нежное сердце.

Сильвестер смотрел на нее, и его грудь судорожно поднималась.

— Поола, — сказал он, — эти слезы обо мне?

С усилием она преодолела себя, подняла на него глаза и улыбнулась.

— Я сирота, — кротко прошептала она, — вы были так добры ко мне, что я полюбила вас, как отца.

Лицо его исказилось, рука, которую он поднял, чтобы положить на голову Поолы, опустилась, он посмотрел на девушку с отчаянной нежностью, но не ответил, как можно было бы ожидать, что-то типа: «Будьте же для меня дочерью. Я не могу предложить вам матери, которая руководила бы вами, но все-таки лучше иметь отца, чем никого».

Вместо этого, он печально покачал головой и сказал:

— Быть вашим отцом было бы очень приятно. Я надеялся, что это счастье достанется мне, но теперь всем в прошлом. Вашим отцом я никогда быть не могу. Но я могу благословить

вас, — прошептал он прерывающимся голосом. — Прощайте, Поола.

Его слова поразили ее до глубины души. Она не заплакала, но посмотрела на него с таким выражением в глазах, что сердце его замерло. Лицо его смертельно побледнело, губы подергивались, и он прошептал:

— Если со временем ваше сердце будет любить меня так же, как и сейчас, приезжайте ко мне с вашей теткой, но не как моя дочь, а как дорогая и почетная гостья. Он замолчал.

— Вы приедете, Поола? — спросил он.

— Да, да.

— Вот и замечательно, — прошептал он, — господь подскажет вам, когда.

XXII. Гопгуд

Два дня после смерти жены мистер Сильвестер не появлялся в банке. Гопгуд в это время вел себя как сумасшедший. Раз пять за ночь он проверял, на своем ли месте охранник, и твердил раз десять на дню, что никогда не забудет, как мистер Сильвестер спас его от голодной смерти и принял на это место.

Утром после похорон Гопгуд сказал своей жене:

— Если мистер Сильвестер вздумает зайти сюда, надеюсь, что ты бросишь свои дела и уйдешь куда-нибудь. Я заметил, что он стесняется тебя.

— Стесняется меня? Это что за новость? — воскликнула мистрис Гопгуд. — Чем это я напугала мистера Сильвестера? Я всегда надеваю чистый передник, когда он приходит, и сотру пыль со стула, на который он садится. Это ты специально выдумываешь, чтобы остаться с ним вдвоем. Я этого не потерплю. Хороша жизнь, нечего сказать, с мужем, который имеет секреты от своей законной жены!

Гопгуд вспыхнул и вытаращил на жену глаза.

— Кто тебе сказал, что у меня есть секреты? —

сказал он.

— Кто мне сказал? — И она засмеялась. — Как будто я не помню, как ты поступал в то время, когда служил в полиции.

— Я теперь не служу в полиции, а ты просто дура!

— Прости меня, Джон, останься, обещаю, когда мистер Сильвестер придет к нам, я оставлю тебя с ним одного и уйду — умоляюще сказала жена.

— Честность и осторожность — единственные сокровища, которые помогают мне избавлять тебя от голода, — прибавил он. Неужели я должен пожертвовать ими для того, чтобы удовлетворить твое любопытство?

Это нисколько не удовлетворило его жену, она, конечно, считала, что он мог сделать исключение для своей жены.

— Ну, Гопгуд, вы чем-то озабочены, вы хотели поговорить со мной?

Швейцар взглянул на изменившееся и грустное лицо своего начальника с выражением, в котором искреннее сочувствие к его горю боролось с почтительным страхом, который ему всегда внушало присутствие Сильвестера.

— Если позволите, — ответил он очень тихо, потому что банковские конторщики суетливо

ходили взад и вперед. — Моя маленькая дочь Констанция-Мария не здорова и все спрашивала, когда же придет ее навестить милый человек, так она называет вас, сэр, прошу ее извинить.

Сильвестер улыбнулся.

— Не здорова! Я обязательно загляну к вам, — сказал он. Через несколько минут я буду свободен.

Гопгуд поклонился и стал смотреть в окно. Он ждал недолго, потому что мистер Сильвестер скоро вернулся.

— Констанция-Мария, вот мистер Сильвестер пришел навестить тебя.

Приятно было видеть, как девочка просияла на руках матери, где лежала перед тем бледная и неподвижная, и соскочила, чтобы поцеловать этого сурового и печального человека.

— Я так рада, что вы пришли!

Мать, послушная своему обещанию, тихо вышла из комнаты.

Сильвестер расцеловал девочку в лоб и щеки, гладил ее светлые и шелковистые волоски. Она напоминала ему Джерелдину. У нее были такие же голубые глаза и такие же ласковые манеры.

Голгуды понимали причину расположения мистера Сильвестера к их девочке, но сегодня

присутствие Сильвестера приводило Гопгуда в какое-то тревожное состояние. Он ходил взад и вперед по узкой комнате, так что Сильвестер обратил на это внимание и, поставив девочку на пол, сказал со вздохом:

— Вы считаете, что так как она сегодня не здорова, то ее не нужно лишний раз волновать?

— Нет, сэр, — ответил швейцар тревожно, торопливо осматриваясь вокруг.

— Дело в том, что я должен сказать вам кое-что, сэр, о том, что я нашел на днях. Сильвестер слегка нахмурился и выпрямился во весь свой величественный рост.

— Что же вы нашли и когда? — спросил он.

— В тот день, когда вы были так рано в банке, сэр, в тот день, когда умерла мистрис Сильвестер.

Сильвестер нахмурился.

— В тот день… — начал он и остановился.

— Извините меня, сэр, — воскликнул Гонгуд. Мне не следовало об этом упоминать, но вы спросили меня когда, и я….

— Что же вы нашли? — повелительно спросил начальник.

— Ничего особенного, — прошептал швейцар, на лице которого выступил холодный пот. — Но

я чувствую, что должен сказать вам об этом. Вы мой благодетель, сэр, я никогда не забуду, что вы сделали для меня и моей семьи. Я для вас не побоюсь и смерти. Я говорить красиво не умею, сэр, но я всегда буду вам верен.

Он замолчал и еще больше вытаращил свои громадные глаза. Сильвестер посмотрел на него, побледнел и слегка оттолкнул девочку, прижимавшуюся к его коленям.

— Вы не сказали мне, что нашли, — проговорил он.

— Вот что, сэр.

Он вынул из кармана небольшую свернутую бумажку, которую развернул и подал Сильвестеру. В бумажке лежала золотая изогнутая зубочистка.

Щеки Сильвестера покрылись густым румянцем. Он сурово взглянул на дрожавшего швейцара и произнес коротко:

— И что же?

— Я нашел это на полу в банке, после того как вы ушли, — продолжал швейцар чуть слышно. — Это лежало возле несгораемого шкапа, я предположил, что это ваше. Прав ли я, сэр?

Тревожный тон, которым был задан последний вопрос, старание швейцара не поднимать глаз от пола не могли не быть замечены Сильвестером,

но он сказал просто:

— Да эта зубочистка похожа на мою.

Швейцар подал ему зубочистку, не поднимая глаз.

— Я буду сожалеть о моем спокойном месте, но уйду без ропота, уповая лишь на то, что Господь не оставит мою крошечку.

— Гонгуд, что вы хотите этим сказать? — сурово спросил Сильвестер. — Кто собирается отказать вам от места?

— Никто, — ответил швейцар. — Но, если вы решите, что человек помоложе более подходит на мое место, я уйду немедленно.

Глаза Сильвестера, устремленные на швейцара были полны недоумения.

— Гонгуд, потрудитесь объяснить мне, что вы имеете ввиду.

— Извините, — ответил швейцар, вдруг обернувшись к нему, как будто приняв внезапное решение, — мне следовало сказать вам это прежде. Когда я отпер подвал в то утро, о котором говорю, я увидел, что все сейфы переставлены; это не значило ничего, если это сделали вы, сэр; но меня испугало то, что один из них был открыт.

Сильвестер отступил на шаг.

— Это был сейф мистера Стьюйвесанта, сэр, а

я помню, что он запер его накануне. Руки, сложенные Сильвестером на груди, сжались еще крепче.

— И с тех пор он так и стоит незапертый? — спросил он.

Швейцар покачал головой.

— Нет, — сказал он, взяв на руки дочь, может быть затем, чтобы скрыть свое лицо, — так как вы не возвращались более в тот день, я осмелился сам запереть сейф своим ключом, когда убирал книги.

Суровый лоб Сильвестера нахмурился. Когда он обернулся к швейцару, лицо его не выражало ровным счетом ничего.

— Гопгуд, — сказал он, — вы человек честный и преданный. Кому вы сказали об этом кроме меня?

— Никому.

— Еще вопрос: если бы мистеру Стьюйвесанту понадобился его сейф в тот день и он нашел его отпертым, что ответили бы вы на его вопросы?

Швейцар покраснел, но ответил с прямотой человека, доведенного до отчаяния:

— Я был бы вынужден сказать ему правду, что я не видел никого, кто отпирал бы подвал в то утро, и что вы приходили в банк, он не прибавил: «и

были бледны и взволнованы», и найдя только меня, потому что охранник отсутствовал на месте, послали меня на верх с поручением, несколько задержавшим меня, и что, когда я вернулся, вы уже ушли, и что все было в порядке, только на полу лежала эта зубочистка.

Последние слова были произнесены чуть слышно, но Сильвестер, должно быть, услышал их, потому что вдруг швырнул зубочистку в камин.

— Гопгуд, — сказал он, подходя ближе к швейцару и глядя на него так пристально, что тот побледнел и похолодел, — мистер Стьюйвесант открывал свой сейф после случившегося?

— Открывал, он спросил вчера ключ.

— Кто принес его ему?

— Я.

— Он сказал, что что-нибудь пропало?

— Нет.

— А как вы думаете, Гопгуд, пропало ли что-нибудь из сейфа?

Швейцар задрожал, как человек, подвергаемый пытке. Он взглянул на Сильвестера, и лицо его просияло.

— Нет! — сказал он наконец.

— Вы можете быть уверены, что мистер Стьюйвесант никогда не пожалуется на пропажу своих

вещей, пока вы смотрите за хранилищем, — воскликнул Сильвестер звучным голосом. — А то, что его сейф оказался открыт, так это произошло по ошибке. Я хотел открыть свой сейф в то утро и в темноте перепутал и открыл вместо своего сейф мистера Стьюйвесанта. Я сам хотел объяснить это ему, но совсем забыл.

Лицо швейцара прояснилось и приняло свое обыкновенное выражение.

— Вы очень добры, сэр, что объяснили все это мне, — сказал он. — Но право, в этом не было необходимости. Я служил в полиции и умею хранить молчание. У вас есть еще какие-нибудь поручения для меня?

Сильвестер покачал головой и обвел глазами скромную обстановку жилища этого бедного человека.

— Я не стану просить у вас прощения, сэр, — сказал Гопгуд. — Честность, которая боится выказать себя, для меня не означает честность. Я не смел бы на вас взглянуть, зная, что мне известны обстоятельства, которые вы предполагали неизвестными мне. То, что знаю я, должны знать вы, пока я остаюсь на том месте, на которое вы определили меня по вашей доброте.

Сильвестер с почтением снял шляпу и покло-

нился ему и не сказав более ни слова, вышел из комнаты.

Гопгуд с удивлением и с каким-то страхом проводил его глазами. Но когда дверь затворилась, он схватил дочь на руки и, прижав ее к груди, спросил сам себя:

— Интересно воспользуется ли он первой удобной возможностью, чтобы уволить меня, или он сможет простить мне мои сомнения ради этого бедного ребенка, к которому он так расположен?

Книга третья
Тайна семейства Джефа

XXIII. Поэма

Когда мисс Белинда увидела Поолу, она не заметила, как мисс Эбби, изящества ее фигуры и утонченности черт лица, но со своей обычной проницательностью отметила только грусть в глазах и трепет губ.

— Ты, стало быть, полюбила свою кузину? — спросила она.

Поола, не поняв причины этого замечания, вопросительно взглянула на свою тетку. — Молодые лица не бледнеют и блестящие глаза не туманятся без причины. Печаль по кузине может это объяснить…

— Кузина была очень добра ко мне, — перебила ее Поола. — Смерть ее была неожиданна и ужасна.

— Это правда, — ответила мисс Белинда, — и я ожидала найти тебя унылой и грустной, но не в тревожном и лихорадочном волнении.

Девушка вздрогнула и потупила глаза. Первый раз в жизни она старалась избежать проницательного взгляда тетки.

— Я могу это объяснить, прошептала она, — я испытала так много на этой неделе, мой отъезд

был так неожиданен, что я сама не понимаю моих чувств. Я знаю только, что я очень утомлена и печальна, мне кажется, будто солнце никогда не засияет на меня.

— Ты что-то скрываешь от меня? — допрашивала неумолимая мисс Белинда.

— То, что я испытала на этой неделе, нельзя ни рассказать, — ответила Поола, опустив голову, — ни описать. На некоторые события нашей жизни душа ставит камень, который только ангелы могут откатить. Будущее открыто перед нами, не будем тревожить прошлого.

И мисс Белинда была вынуждена довольствоваться этим, чтобы не показать, как велико ее беспокойство.

Соседи и друзья, для которых продолжительное пребывание Поолы в атмосфере богатства и роскоши имело привлекательность запретного плода, несколько месяцев не оставляли бедную девушку в покое и ей потребовалось все ее самообладание, чтобы отвечать спокойно и прилично на их бесконечные расспросы. Но, наконец, самые ненасытные сплетницы удовлетворились, любопытство притупилось, и молодая девушка могла выдохнуть с облегчением.

Тем временем, те, которые действительно лю-

били Поолу, не могли не заметить, что время и родной воздух прогнали бледность и уныние с ее лица, сделав его образцом свежести и какой-то духовной красоты. Отпечаток глубоких мыслей и высоких стремлений отражался на ее лице, и не было на нем никаких признаков пустых надежд или непонятых страстей. Мимолетный ветер сдул пену с чаши, но не тронул искрометного вина. Поола взглянула в лицо горю, но еще не была сжата в его неумолимых объятиях. Только два обстоятельства волновали ее: письмо от Сисилии и встреча на улице со старушкой, которая ходила в дом Джефы.

Во всем же остальном Поола была счастлива. Она уже не была одинока с природой. Леса, горы приобрели для нее человеческое значение. Из облаков выглядывали живые глаза, и в шелесте листьев, в журчании ручейка слышались человеческие голоса.

Тетки объяснили свое положение Пооле, и она выразила намерение стать учительницей. Но теперь они не хотели об этом слышать, и пока она помогала им по дому. Таким образом прошли летние месяцы и наступил сентябрь.

В деревне должен был пройти праздник, и Поола помогала в его подготовке. Эта мысль

пришла ее тетке, и Поола отказаться не могла. Недавно она написала поэму и теперь обещала прочесть ее в обществе соседей и друзей, которые должны были собраться в доме сквайра в день праздника.

Многие потом долго вспоминали, как хороша она была в тот вечер.

Один очень дряхлый старик говорил потом:

— Теперь я знаю, как выглядят ангелы.

И никто не возражал ему, потому что на лице Поолы был свет, похожий на небесный, хотя сочиненная ею поэма относилась к глубоким земным страстям.

Когда она закончила чтение, раздался гром рукоплесканий, и она ушла скрыть румянец, вспыхнувший на ее щеках, на маленьком балконе, обвитом виноградными лозами. Вдруг кто-то дотронулся до ее руки, и тихий голос шепнул ей на ухо:

— Вы сами написали эту поэму?

— Да, ответила Поола, — почему вы спрашиваете об этом?

Женщина не отвечала.

— Вы верите такой преданности, — прошептала она, — вы думаете, что люди способны на такую самоотверженность! Вы написали о вер-

ности огненным пером, вы думаете, ваше сердце способно на подобные чувства?

Эти слова, сказанные тоном сдерживаемой страсти, изумили и взволновали Поолу. Наклонившись вперед, она старалась рассмотреть лицо женщины, говорившей с ней, но было слишком темно.

— Уверена в этом, — сказала Поола.

— Вы мне нравитесь, — прошептала женщина, — хотите прийти ко мне послушать историю, которая будет под стать вашей поэме?

— Если вы мне скажете, кто вы, — прибавила Поола, — я непременно приду.

— Я думала, что все знают, кто я, — сказала женщина, взяв Поолу за руку. — Всякий скажет вам, где живет Марджери Гемлин. Приходите, я буду ждать.

Кивнув головою со странной улыбкой, от которой ее престарелое лицо выглядело моложавым, она смешалась с толпой и исчезла с глаз Поолы.

Это была та самая женщина, посещения которой заброшенного дома Джефы оставались до сих пор неразгаданной тайной городка.

XXIV. Дом Джефы

Долго продолжающиеся необъяснимые события, теряют свою таинственность. Престарелая женщина, которая столько лет каждый вечер выходила из дома и по деревенским улицам шал к дому Джефы, оставалась там в течение часа и выходила с поникшей головой, со временем превратилась в такое обычное зрелище, что даже дети не спрашивали, куда она идет и почему с такой надеждой держит голову высоко, когда входит, и выглядит так уныло на выходе.

Но для Поолы, по причинам, уже упомянутым, это тайное и настойчивое бдение в брошенном и таинственном жилище продолжало возбуждать любопытство и воспламенять воображение. Много раз возвращалась она домой после встречи с этой старушкой и думала о выражении тревожных глаз, всегда устремлявшихся на ее юное личико. Поола думала об этом по ночам, думала и днем. Она чувствовала влечение к страдающему сердцу этой женщины.

Для того чтобы понять чувства этого одинокого существа, она даже изучила внешний вид старого дома. Часто, с закрытыми глазами по ночам,

она видела, как в зеркале, его серый фасад, заколоченную дверь, закрытые окна и два тополя, набрасывавшие на все это свою черную тень. Поэтому с глубоким трепетом и живым сочувствием узнала она в своей собеседнице женщину, жизнь и поступки которой оставались покрыты непроницаемой тайной. Эта мысль волновала ее, и она с нетерпением ждала следующего дня, чтобы отправиться к мистрис Гемлин и выслушать от нее рассказ о преданности, под стать ее простой и восторженной поэме.

На следующий день шел сильный дождь с восточным ветром, так что идти было нельзя. Потом Поола приболела, затем была занята по хозяйству. Таким образом, прошла почти неделя, прежде чем представился случай, которого Поола ждала с таким нетерпением. В это время ее любопытство возросло еще больше, и наконец, в один теплый сентябрьский день, она пошла к мистрис Гемлин. Но не сделала она и десяти шагов, как к ней подошла знакомая и задержала ее чуть ли не на целый час, и когда ей наконец удалось отделаться от нее, престарелый дьякон, отличавшийся особенной болтливостью, снова задержал ее на немалое время. Наконец удалось ей добраться до дома мистрис Гемлин. Но напрас-

но она стучала, ей никто не отворял. Удивившись этому факту, потому что ее уверяли, что мистрис Гемлин всегда бывает дома днем, она взглянула на церковные часы, и краснея, увидела, что они показывают шесть часов то время, когда эта таинственная женщина всегда уходила в дом Джефы.

«Что я сделала?» — подумала Поола и почувствовала странный трепет при мысли, что старушка находится теперь одна в пустом доме, и молится там, или плачет, кто знает? Никому не было известно, что она делает там в этот тихий сумрачный час. Поола невольно направила шаги к дому Джефы. Если она не могла войти и разделить бдение женщины, обещавшей ей рассказать историю о какой-то преданности, она по крайней мере увидит, отворены ли окна, подняты ли шторы. Конечно, ей уже надо быть дома, но мисс Белинда была снисходительна и не допрашивала, куда она уходила. Какая-то непреодолимая сила тянула ее, и она, не колеблясь, следовала своему побуждению. Теперь никто к ней не подходил; в это время почти все были дома и пили свой вечерний чай. Улицы были пусты. Единственный дом, из трубы которого не поднимался дым, был тот, к которому она шла.

Поола остановилась у калитки; но, вспомнив,

что мистрис Гемлин входила в дом в боковую дверь, поспешно зашла за угол и внимательно осмотрела окна с этой стороны. Одна из ставней была отворена, пропуская луч заходящего солнца, освещавший стекла как золото. Она не знала тогда и не могла объяснить потом, что случилось с ней при этом зрелище, но не успела она опомниться, как уже вернулась к калитке, отворила ее, прошла по заросшему садику к двери, в которую так часто входила престарелая женщина, и постучалась.

Вдруг она поняла, что сделала, и, испугавшись своей смелости, собиралась уйти. Но вспомнила умоляющий взгляд мистрис Гемлин, когда в тот вечер она сказала ей: «Не обманите меня! Не заставьте долго ждать!» — и, движимая новым побуждением, опять постучалась в дверь.

Результат оказался неожиданный и удивительный. В доме раздался крик, потом послышалось торопливое движение, потом глубокая тишина, потом беготня, дверь отворилась, и мистрис Гемлин явилась перед Поолой с лицом, побледневшим от волнения, схватила ее за руку и потащила за порог, говоря с непонятной радостью: «Я знала, что ты придешь! Я знала, что ты не забудешь! Пятнадцать лет ждала я, Джекили-

на! Пятнадцать долгих, скучных лет! Но теперь они не значат ничего! Ты пришла, ты пришла, и я молю Бога только о том, чтобы мне не умереть, пока не осуществится моя радость!

Волнение, с которым она произнесла эти странные слова, было так сильно, а сама она казалась так слаба, что Поола инстинктивно протянула руку, чтобы поддержать ее. От этого движения расстегнулась ее накидка, и тотчас глаза, устремленные на нее с восторгом, потускнели от испуга, страшный трепет пробежал по членам престарелой женщины, она стащила накидку, еще закрывавшую плечи девушки, взглянула на ее свежее и прелестное личико и, не произнеся ни слова, упала на пол в обмороке.

— О! Что я сделала? — вскричала Поола, бросаясь к этой бледной и неподвижной фигуре, но тотчас же вскочила и стала искать что-то, что могло бы привести в чувство страдалицу.

На столе стоял стакан с водой. Схватив его, Поола смочила водой лицо и руки старушки и с горем и испугом стонала:

— Неужели я убила ее! О! Что же могло доставить такое страдание этому бедному сердцу?

Поола ужасно испугалась и хотела уже бежать за помощью, когда почувствовала, что ее сильно

держат за платье, и, обернувшись, увидела, что тусклые глаза раскрылись наконец и смотрели на нее с безмолвной, но красноречивой мольбой.

— О! Как мне жаль… — прошептала она, опять становясь на колени возле больной. — Я не знала, не могла вообразить, чтобы мое присутствие здесь могло так взволновать вас. Простите меня и скажите, чем я могу заслужить ваше прощение.

Старушка покачала головой, губы ее зашевелились, и она предприняла усилие, чтобы встать. Поола немедленно помогла ей своей сильной рукой, и через несколько минут мистрис Гемлин встала.

— О боже! — были ее первые слова, когда она опустилась в кресло, наскоро придвинутое Поолой, — я вкусила радость, а она еще не спасена!

Видя, что несчастная женщина полностью погружена в свои мысли, Поола осмелилась осмотреться вокруг. Она находилась в большой квадратной комнате, мебель которой показывала, что это была гостиная покойного Джефы. На стенах висели старинные портреты. Большой старинный тяжелый диван бросался в глаза на одной стороне, такая же старинная полка с книгами на другой. Ковер и занавеси полиняли, но были когда-то красивы. Посреди комнаты стоял

большой стол, а на нем лампа, у стола кресло. Все в комнате было так опрятно, что Поола удивилась бы, если бы не знала любви и преданности этой женщины, которая каждый день, бывая в этом доме, старалась содержать все в порядке.

Довольная увиденным, она опять обратила свое внимание на мистрис Гемлин и вздрогнула, увидев, что глаза старушки устремлены на нее с выражением глубокого участия.

— Вы смотрите на тени прошлого, — воскликнула старушка пронзительным голосом. — На кресле возле вас не сидел никто с тех пор, как полковник Джефа встал с него двенадцать лет тому назад, чтобы дойти до постели, где испустил последний вздох. Это кресло ждет, здесь все ждет. Я думала, что конец настал сегодня, что ожидание кончилось, но Господь в Своей премудрости сказал «нет», и я опять должна ждать. Ах! Скоро настанет другой конец.

Уныние, с которым она произнесла эти слова, не оставляло сомнений, что она имела ввиду, и чтобы успокоить ее, Поола придвинула к ней стул и села возле нее.

— Вы хотели рассказать мне истории о великой любви и великой преданности, — сказала она. — Не можете ли вы сделать это теперь?

Старушка вздрогнула, торопливо осмотрелась вокруг и остановила взор на лице Поолы.

— Это вы написали поэму, — прошептала она, — я помню.

Потом неожиданно наклонилась вперед и, откинув волосы со лба Поолы, воскликнула:

— Вы похожи на нее, у вас такие же черные волосы и дивные глаза, может быть, красивее, но похоже на ее глаза. Вот почему я ошиблась!

Она вздрогнула, тихо зарыдала, но тотчас преодолела свое волнение и, взяв Поолу за руку, продолжала:

— Вы молоды, дочь моя; молодость не любит носить тяжести; могу ли я, посторонняя, просить вас разделить со мной мою ношу?

— Можете, — ответила Поола. — Если это может хоть сколько-нибудь облегчить ваши страдания, я охотно вам помогу.

— Поможете! Неужели небо послало мне помощь, которой требовал мой упавший дух? Могу я положиться на вас, дитя? Но я не возьму с вас обещания, пока вы не услышите мою историю. Никому не сообщала я тайны моей жизни, но с той минуты, как увидала ваше прелестное личико, я почувствовала, что через вас придет мне помощь, чтобы облегчить мои последние минуты

и сделать менее горькими мои последние дни. Встав с кресла, она повела Поолу к двери, которую торжественно отворила.

— Я рада, что вы здесь, — сказала она. — Я никогда не пригласила бы вас сюда, но так как вы сами переступили порог этого дома, вы должны увидеть и узнать все. Так вы лучше поймете мой рассказ.

Она повела ее по темному коридору, отворила настежь другую дверь, и комнаты исчезнувшего Джефы явились перед ними. Видение было страшное. Сумерки с трудом позволяли рассмотреть вещи, когда-то великолепные. Несмотря на свое самообладание, которому уже успела научить ее жизнь, Поола отступила, говоря:

— Как здесь грустно!

Но старушка, не обращая на нее внимания, торопливо потащила ее по полинялому ковру, мимо полинялых кресел и тяжелых шкапов, в переднюю.

— Я сама не была здесь целый год, — сказала мистрис Гемлин, со страхом осматривая темный коридор. — Нечасто могу я выносить воспоминания, связанные с этим местом.

Она указала одной рукой на дверь в конце коридора, потом посмотрела на широкую вели-

чественную лестницу, которая вела наверх.

— Старинная, славная лестница! Но это место проклятое, дитя мое.

Не обращая внимания на трепет Поолы, она повела ее наверх.

— Посмотрите, — продолжала она, когда они дошли до квадратной площадки, с каждой стороны которой находилось несколько ступеней. — Теперь так не строят. Но полковник Джефа не любил ничего нового и дорожил своей величественной старинной передней и лестницей более, чем всем остальным. Но пойдемте, становится темно, а вы должны видеть ее комнату.

Комната эта находилась возле лестницы, и все в ней казалось таким же печальным, как и во всех других комнатах, но все же в ней чувствовалась какая-то надежда, глубоко тронувшая Поолу. За темными занавесками кровати выглядывали пуховые подушки, обшитые пожелтевшим кружевом, одеяло было откинуто, как бы ожидая хозяйку, а сложенные в старинном камине дрова ожидали, когда их зажгут.

— Видите, все ждет, — сказала старушка дрожащим голосом.

В углу комнаты стояли пяльцы с неоконченным и полинявшим вышиванием. Иголка висела

на нитке и моток зеленой шерсти лежал сверху. Поола вопросительно посмотрела на это.

— Точь-в-точь так, как она оставила; он никогда не входил в эту комнату после того, а я не дотрагивалась. Так и фортепиано внизу. Последняя пьеса, которую она играла, еще лежит на пюпитре. Я так ее любила и думала, что она вернется через несколько месяцев! Посмотрите, вот ее Библия. Она никогда ее не читала, но дорожила ею, потому что она принадлежала ее матери. Я положила ее на подушки, где она увидит ее, когда вернется преклонить свою бедную усталую голову.

С благоговением старушка отдернула занавеси и показала маленькую Библию, густо покрытую пылью.

— Кого же вы так любите? И зачем она вас оставила? — спросила Поола со слезами на глазах.

Старушка схватила ее за руку и торопливо увела в нижнюю комнату.

— Я скажу вам, почему я ждала так долго. Только имейте терпение, пока зажгу лампу. Становится поздно, вдруг странница, проходя мимо, увидит, что все темно, и подумает, что я забыла о моем обещании и что меня здесь нет.

XXV. Джекилина

Есть люди, выглядящие так, словно никогда не знали семейного тепла, а между тем чувствующие его глубоко и горячо всем сердцем. Таким был полковник Джефа. Вы, без сомнения, слышали в детстве, что соседи думали об этом величественном старомодном джентльмене. Он был в молодости так красив, в мужественном возрасте так горделиво сдержан, в старости так суров, что не мог не быть предметом разговора во всяком городе, считавшем его своим среди сограждан. Только от меня, его родственницы и экономки, можете вы узнать, с какой непоколебимой преданностью и любовью отдавал он свое сердце своей семье.

Когда он женился на мисс Кери, в свете говорили: «Он выбрал красавицу, потому что такое прекрасное личико приятно видеть за обеденным столом!»

Но мы, то есть молодая жена и я, знали, что, женившись на ней, он выбрал единственную женщину, для которой могло биться его гордое сердце и перед которой могла бы преклониться его величественная голова. Когда она умерла, в

свете кричали: «Он скоро найдет ей замену!» Но я, видевшая последний взгляд, которым они обменялись, знала, что полковник Джефа не женится во второй раз.

Девочке, которую она оставила на его попечение, была отдана вся его любовь. С той минуты, как девочка начала говорить, он сосредоточил на ней все свои надежды и всю гордость своего одинокого сердца. А гордость Джефы была так же велика, как и его сердце. Она была хорошеньким ребенком, не такая красавица, как ее мать или вы, душа моя, но все-таки настолько хороша, чтобы удовлетворить тщеславие обожавшего ее отца. Но обожание свое он не показывал открыто. Он выказывал только свою гордость. Достаточно было, чтобы дочь знала, что он любит ее. На улице и в домах своих друзей он был строгим, суровым отцом, и ее детские глазки поднимались на него сначала со страхом, а потом с тихой недоверчивостью, так что сердце мое замирало от жалости к ней, каждый раз, когда я это видела.

Она была очень сдержанным и вместе с тем страстным ребенком. Я с самого начала чувствовала, что не понимаю ее. Я любила ее так, как не любила никого, но не могла догадываться о ее чувствах. Когда она стала старше, стало еще

хуже. Она никогда не противоречила отцу, не ослушивалась его открыто, но всегда делала, что хотела, и так спокойно, что он часто не замечал ее непослушания.

— У нее такт ее матери, — говорил он обыкновенно.

Любуясь блеском ее восемнадцатилетнего возраста, я видела ее сквозь волшебные очки моей всепоглощающей любви, и, хотя часто пугалась ее страшной горячности, я и представить себе не могла, чтобы она когда-нибудь осмелилась оскорбить любовь или гордость отца. Но дело в том, что Джекилина не любила нас. Она благосклонно принимала преданность, которою окружали ее, а сама не отдавала взамен ничего. Может быть, она не могла. Ее отец был слишком холоден при других и слишком горяч в домашних ссорах. Я была вдова, не подходила к ней ни по возрасту, ни по состоянию, ни по образованию. Она не могла ни уважать меня, ни опереться на меня. Я была ее няней в детстве, и, хотя и родственница, все-таки зависела от ее отца, что же могла она любить во мне! Будь жива ее мать… но мы не будем распространяться о том, что могло бы быть.

У Джекилины не было ни матери, ни друга, которые могли бы научить ее великому уроку

самообладания и самопожертвования. Вы скажете, что это странно. По своему положению она должна бы найти друзей, но Джекилина не походила на других девушек своего возраста. Она нравилась и мужчинам, и женщинам, но сама не интересовалась никем, пока…

Но подождите, дитя. Мне придется говорить о том, что заставит вас краснеть. Положите голову на мои колени, потому что я не могу вынести румянца на щеках, таких невинных, как у вас.

Она заставила Поолу сесть на скамеечку у ее ног, положила ее голову на свои колени и торопливо продолжала:

— Вы молоды, милая моя, и, может быть, не знаете, что значит любить мужчину. Джекилина также была молода, но как только вернулась домой от своих знакомых из Бостона, я поняла, что в ее жизни случилась какая-то большая перемена; а когда несколько недель спустя молодой Роберт Голт из Бостона приехал к ее отцу, я догадалась, что это было. Я помню, что мы сидели в этой комнате, когда служанка доложила о мистере Голте. Джекилина лежала на диване, а отец ее сидел на своем обыкновенном месте в кресле у стола. При имени Голта девушка встала, как будто вдруг раздался громовой удар или сверкнула

молния. Я как теперь ее вижу. Она была в белом платье, в черные волосы, зачесанные высоко, были воткнуты старинные золотые шпильки и роза пришпилена к груди.

— Голт? — повторил полковник, не поворачивая головы, — Я никакого Голта не знаю. Он говорит, что желает видеть мисс Джекилину, — ответила служанка.

— А! — равнодушно сказал полковник, он никогда не выказывал удивления при слугах и продолжал читать, не поворачивая головы.

Я подумала, что если бы он обернулся, то не продолжал бы читать так спокойно, потому что Джекилина смотрела на него так, что не оставило бы ни одного любящего отца равнодушным. Это был взгляд тигрицы, собирающейся атаковать свою жертву.

Я задрожала, когда взглянула ей в глаза, и потом заметила, как крупная капля крови из ее белого пальца, уколотого шипом розы, испачкала ее белое платье. При равнодушном восклицании ее отца черты ее смягчились, и, надменно обернувшись к служанке, она сказала:

— Скажите мистеру Голту, что я сейчас к нему выйду.

Она хотела выйти из комнаты, когда я схватила

ее за рукав.

— Тебе надо переодеться, — сказала я, указывая на пятно на платье.

Она вздрогнула и быстро взглянула на меня.

— У меня кожа похожа на пергамент, — вскричала она, — никогда больше не стану трогать роз.

— Кто этот мистер Голт? — спросил полковник, вдруг обернувшись, как только служанка вышла из комнаты.

— Это джентльмен, с которым я познакомилась в Бостоне, — ответила дочь своим беспечным тоном. — Он, должно быть, едет в Провиденс. Я слышала, что у него там есть дела.

С равнодушной улыбкой она исчезла из комнаты.

Полковник вздохнул, но продолжал читать.

Через несколько минут Джекилина вернулась. Она переоделась и надела платье еще наряднее. Она была изящна, величественна, но радость исчезла из ее глаз, и вместо нее было другое выражение, непонятное для меня, но такое же страшное.

— Мистер Голт останется здесь до завтрашнего дня и очень желает изъявить вам свое уважение, — сказала она отцу.

Полковник немедленно встал и окинул дочь с головы до ног проницательным взглядом.

— Это твой обожатель? — спросил он, положив руки на ее голые и прелестные плечи.

Странная улыбка мелькнула на ее губах. Она кокетливо покачала головой.

— Пусть он сам говорит за себя, — сказала она.

Отец засмеялся. Обожатель не был страшным человеком в его глазах, только бы он был человек достойный. А Джекилина, разумеется, недостойного не выберет, она Джефа и его дочь!

— Ну, посмотрим, — сказал он. — Голт фамилия не дурная и Бостон город не дрянной. Не говоря более ни слова, они вышли из комнаты, но весь блеск исчез с ее лица. Что это значило?

За чаем я увидела этого господина. Он произвел на меня самое благоприятное впечатление. Из всех мужчин, когда-либо сидевших за этим столом, это, конечно, был самый красивый и самый изящный, я дала полную волю моему восторгу, как вдруг увидала глаза Джекилины и опять почувствовала холодный трепет сомнения и опасения. Хотя она ему улыбалась, кокетничала с ним, но вспышка радости, сверкнувшая в ее глазах, когда о нем доложили, исчезла и не оставила за собою даже тени. Не умел он, что ли, выказать

ей свою преданность? Не был ли он холоден и суров, несмотря на свое приятное и очаровательное обращение? Нет, его лицо холодности не обнаруживало. Он смотрел на Джекилину с пылким и безграничным восторгом. Он, очевидно, страстно любил ее, а если бы она не изменила себе в первую минуту, я подумала бы, что она ни крошечки им не интересуется.

Тайна открылась, только когда она пришла ко мне в этот вечер.

— Как вам нравится мой жених, Марджери? — коротко спросила она меня.

— Я нахожу, что это самый изящный и самый приятный человек, с каким мне когда-либо случалось встречаться, — сказала я. — Разве он твой жених, Джекилина? Ты выходишь за него замуж?

Она обернулась ко мне и прямо взглянула на меня своими загадочными глазами.

— Вы должны спросить у папы, — сказала она, — это зависит от него.

«Так ли?» — невольно шепнула я себе, глядя на ее гордо поднятую голову.

— Отец твой не станет идти наперекор, если предмет твоей любви человек достойный. Он сам очень нежно любил твою мать.

— Он любил? — вспыхнула она и прямо посмотрела мне в глаза.

— Я никогда не видела такой любви! — воскликнула я, смутно вспомнив, что имя матери всегда волновало ее. — Они не выказывали своей любви перед светом, но здесь, в своем доме, они жили, душа в душу.

— И вы предполагаете, — вскричала она, и каждое слово срывалось с ее губ как искра, — что если бы я сказала моему отцу, что моя душа наконец нашла себе друга, что это сердце она ударила себя в грудь наконец встретило своего властелина, что причудливый характер, которого вы иногда боялись, стал частью другой жизни, другой души, другой надежды, вы думаете, что он послушает меня? Молчите! — вскричала она, видя, что я хочу заговорить. — Вы говорите о любви, что вы знаете о ней, что знает о ней он, который, несмотря на то, что жена его умерла, остался жить? Разве любовь — значит сидеть у камина рука об руку, когда зимний ветер бушует? Любовь — значит идти по зимнему ветру, разбрасывать свою душу пламенными искрами в темноте ночной. Видите вы эту звезду?

Мы стояли у открытого окна.

— Теперь она сияет высоко, но скоро погрузит-

ся в океан, так и некоторые люди парят высоко, пока невидимая рука не заставит их пасть.

— И ты любишь таким образом, — прошептала я, дрожа перед силой ее страсти.

— Иначе и быть не могло бы, — сказала она. — Ведь вы сами говорите, что он благороден, красив и привлекателен.

— Да, да, — прошептала я, — но…

Она не слушала меня и торопливо продолжала:

— Кричала ли от радости моя мать, когда лошади моего отца понесли их к пропасти? Прильнуть на несколько минут к груди любимого человека и потом с криком блаженства полететь с ним в глубину пропасти, вот что я называю любовью…

Она замолчала, глядя на меня со всем блеском своей красоты, потом вдруг утихла, с быстрым движением насмешливо поклонилась мне и ушла.

Вас не удивит известие, что всю ночь я сидела и прислушивалась к малейшему шороху за дверью.

На следующий день мистер Голт опять был у нас, а через две недели сделал официальное предложение Джекилине. Я никогда не видала полковника Джефу более взволнованным. Он

искренне восхищался молодым человеком. Со светской точки зрения, этой партией он мог гордиться, с другой стороны, расстаться с единственным существом, которое он любил, было все равно что отрезать себе руку или выколоть глаз.

— Вы думаете, что она любит его? — спросил он меня с редким снисхождением. — Вы женщина и должны ее понимать лучше, чем я. Вы думаете, что она любит его?

После того, что я слышала от нее, я могла только ответить:

— Да, но у нее сдержанный характер, поэтому она скрывает свои чувства в его присутствии, но любит его страстно.

Он опять повторил:

— Вы женщина и должны знать.

Потом позвал к себе дочь.

Не знаю, что произошло между ними, но полковник ответил мистеру Голту, что он согласен, если будет согласна его дочь. Я узнала это от самой Джекилины, которая принесла мне письмо, чтобы отправить его на почту.

— Вы видите, что отец вас понимает, — сказала я.

Она насмешливо сжала свои пунцовые губы, но не ответила ничего.

Конечно, мистер Голт лично ответил на посланное письмо.

Джекилина приняла его с причудливым кокетством, которое, очевидно, приводило его в недоумение. Однако она приняла от него перстень и прошептала, проходя мимо моей двери:

— Я помолвлена, и с Голтом!

Слова эти долго раздавались в моих ушах, почему? Она не желала поздравлений и не позволяла говорить соседям о ее помолвке. Она даже сняла перстень. Никто не смел ей возражать, даже отец, несмотря на его церемонность во всем, что касалось общественных приличий. Дело в том, что Джекилина была совсем не такой, какой была до тех пор, как дала слово Голту. Когда он уехал, сказав ей, что едет готовить золотую клетку для своей птички, она очень изменилась. Холодная сдержанность сменилась лихорадочным ожиданием. Она ходила по комнатам, как будто на полу были горящие угли, а из окон смотрела так, точно на них были решетки, как в тюрьме; день и ночь смотрела она в окно, а сама не выходила никуда. Письма, получаемые от жениха, она читала небрежно и тотчас бросала по прочтении, она жаждала его приезда. Отец отмечал ее тревожное состояние и часто вздыхал.

А я потихоньку плакала.

«Если он не ответит ей такой же страстью, — думала я, для моей любимицы жизнь покажется адом!»

Вдруг в один день вся тревога исчезла. Красота ее вспыхнула как пламя, я смотрела на нее с удивлением, пока она не сказала:

— Мистер Голт будет сегодня.

Тогда мне стало все понятно, и я, улыбаясь, занималась моими делами.

Она оделась так, как никогда раньше, и показалась мне великолепной в своем бостонском платье. Она была ослепительна, как прелестная картина, но на пальце ее не было перстня.

— Джекилина! — вскричала я, — ты забыла кое-что, — и я указала на ее руку.

Она покраснела и вытащила перстень из кармана.

— Он со мной, — сказала она, — но он мне велик, — и опять небрежно положила его в карман.

В три часа пришел поезд. Я видела, как глаза ее сверкали, а губы горели. Через несколько минут два человека показались в калитке.

— Мистер Голт и его брат! — так было доложено.

Но мне этого не было нужно, чтобы понять наконец Джекилину.

XXVI. Правосудие мужчины и милосердие женщины

Встречали ли вы когда-нибудь человека, который произвел бы на вас ошеломляющее впечатление, подобное разряду электрического тока? Таков был мистер Роджер Голт, который вошел в калитку вместе с женихом Джекилины. Нельзя сказать, чтобы он был красавец. Он ни на минуту не мог вынести сравнения со своим братом, а между тем, когда они оба были в комнате, вы смотрели только на него. Он казался моложе, был ниже ростом, а между тем в разговоре занимал главенствующую роль.

Меня не было, когда Джекилина встречала гостей и представляла Роджера Голта своему отцу. Но позднее я провела с ними полчаса и видела достаточно для того, чтобы убедиться в фальшивости моего последнего предположения. Никогда на человеческом лице не виднелось более ясных признаков безумной страсти, когда он сидел у дальнего окна, будто любуясь весенним ландшафтом, но в действительности бросая взгляды на Джекилину, которая слушала с над-

менной небрежностью, но с каким-то тревожным блеском в глазах, разговор своего жениха с полковником. Я боялась, что он вскочит со своего места, бросится на нее и попросит объяснения насчет ее помолвки. Но кроме нетерпеливых пылающих взглядов, он сдерживал себя, и не выдержала, наконец, Джекилина.

Ее непроницаемое лицо, в присутствии этого человека стало открытой книгой, которую легко могли прочитать все желающие. Ее буквы пылали огнем, но это делало их не менее ясными. Я видела, как ее ресницы дрожали. Наконец глаза ее устремились на фортепиано. Она встала как королева.

— Мистер Роджер Голт неплохо поет, — сказала она, проходя мимо отца, — я попрошу его спеть одну из тех старых баллад, которые вы так любите.

Разговор тотчас прекратился. Полковник, не скрывавший своего пристрастия к музыке, тотчас вежливо обернулся к мистеру Роджеру Голту. Тот встал, низко поклонился и подошел к фортепиано.

«Он непременно объяснится с ней», — подумала я.

Как только они стали вместе переворачивать

ноты, я видела, что его губы зашевелились, а Джекилина что-то коротко ответила ему. Он выбрал ноты и начал петь. Если бы я знала, что заключалось в его словах, я ни за что не позволила бы его голосу раздаться в той комнате, где раздавался голос матери Джекилины. Но могла ли я угадать безумную страсть, которая из гордости или из-за чего-то другого вдруг встретила странную, непонятную преграду. Я сидела тихо и в моем уголке, пока в комнате раздавались звуки шотландской любовной песни. Не удивилась моя взволнованная душа и когда по окончании Джекилина подошла к тому человеку, которому обещала свою руку, и взглянула на него с сияющей улыбкой, полной восторга, которой она не смела показать его брату.

Еще одно небольшое обстоятельство навсегда запечатлело этот час в моей памяти. Она показывала гостям редкое растение, стоявшее на окне, и описывала его чудеса, когда Роберт Голт, ее жених, схватил ее маленькую белую ручку, перебиравшую листья громадной пальмы, и взглянул на палец, на котором должен был находиться его перстень, вопросительно взглянул на Джекилину.

— О! — сказала она, отнимая свою руку. — Вы

не видите вашего брильянта? Он у меня, в кармане; брильянт великолепный, но перстень мне не впору.

Она сказала эти слова с таким видом, который, наверное, заставил одно сердце в этой комнате радостно забиться, но мои тайные опасения не утихли.

— Не впору! — повторил ее жених и просил позволить ему посмотреть, но Джекилина покачала головой, подошла к фортепиано и начала напевать веселую песенку, походившую на серебряный колокольчик, потрясаемый ужасной и сильной бурей.

Даже полковник чувствовал перемену в дочери, хотя не мог понять причину, и весь вечер как-то странно вздыхал, так что мое сердце замирало от какого-то непонятного предчувствия.

Только жених ничего не понимал, а если и чувствовал какую-то новую и странную пылкость в ее обращении, то приписывал ее своему присутствию и своей любви.

Мистер Роджер Голт, напротив догадался обо всем. Хотя он был необыкновенно спокоен, он не пропускал ни одного ее взгляда, брошенного на него. Но улыбка, с которою он смотрел на нее, была непонятна для меня. Она показывала какое-то

торжество и казалась мне почти зловещей.

«Она отдала свою руку достойному человеку, — думала я, — что ни говорило бы ее сердце. А вдруг не отдала?»

Я начала сомневаться. Со своим необузданным характером она была способна на все; имела ли она намерение разойтись с Робертом теперь, когда увидала Роджера? Я не видала признаков этому, кроме очевидного восторга, который они находили в присутствии друг друга.

Когда часы пробили десять, мистер Роберт Голт встал проститься, Роджер пошел за ним, пожав по-братски руку Джекилине. Но многое может быть сказано в пожатии руки, я начала так думать, когда услышала тихий смех Джекилины, когда она пошла в свою комнату; и будь я ее матерью… Но этого вам не нужно знать, достаточно, если я скажу, что я не пошла за ней, что я даже не сказала полковнику Джефе о моих опасениях, я не сделала ничего, а только не смыкала глаз всю ночь и спрашивала себя, что я должна делать. Сказано было так мало, а сделано еще меньше. Что же я могла сообщить отцу? Прошло две недели, и счастливый вид не исчезал с ее лица. Она была завалена письмами ее жениха, почерк которого я теперь знала, но, насколько я могла знать,

она не получала ни одного письма из другого источника; а между тем походка ее была легка, в каждом движении скользила великолепная грация, показывавшая глубокую радость или спокойную решимость. Я чувствовала, глядя на нее, что она питает какую-то тайную надежду. Я могла бы даже подумать, что ее предстоящее замужество послужило причиной такой перемены в ней. Но это были только догадки. Мне оставалось лишь наблюдать и ждать.

Между тем соседи строили свои предположения. У Джекилины был обожатель, джентльмен, но полковник был требователен, он не дал согласия, и молодые люди расстались. Такого рода были разговоры, вызываемые, может быть, тем, что Джекилина постоянно оставалась дома, а полковник ходил по улицам своего родного городка привычным для себя суровым видом.

Я выходила на улицу не чаще Джекилины, потому что не могла совладать со своими чувствами и не знала, что отвечать, если кто-нибудь пристанет ко мне с расспросами. Я неожиданно заметила, что наша молоденькая служанка взяла привычку поздно ночью прокрадываться украдкой в комнату Джекилины, и я тотчас стала сомневаться в справедливости моего предполо-

жения, что Джекилина не получала писем от Роберта Голта. Только что я удостоверилась в тайной переписке, как настала катастрофа.

Это было в октябре. Видя, что Джекилина ходит по комнатам в таком же тревожном состоянии, как было с ней накануне приезда мистера Роджера Голта, я пошла в ее комнату затопить камин. Когда я подошла к камину то увидела, что огонь уже был разведен, но погас. Я начала выгребать золу, чтобы потом снова положить угли, как увидела несколько клочков полу сгоревшей бумаги. Джекилина сжигала письма. Осудите вы меня, что я подобрала эти бумажки, поспешила с ними в другую комнату, когда я скажу вам, что они были исписаны почерком, не похожим на руку ее жениха, и что мне бросились в глаза зловещие слова: «Моя жена!»

С каким ужасом и с какой тоской читала я такие выражения:

«Люблю ли я вас! Я сжал бы вас в моих объятиях, даже зараженную чумой! От малейшего поворота вашей головки кипит моя кровь. Я последую за вами на коленях, если вы поведете за руку, я… Забыть вас! Разве мы забываем кинжал, поразивший нас? Я стал другим человеком с тех пор, как… Вы будете моей, если даже Роберт

сойдет с ума, а ваш отец убьет меня. Что у меня есть жена, это не значит ничего… Вы будете моей настоящей женой… Будьте готовы сегодня; я буду ждать вас у калитки…»

Я не могла дальше читать. Страшная правда открылась мне, что Джекилина, наша драгоценность, наша гордость, душа нашей жизни, стояла на краю страшной пропасти.

Я не сомневалась ни минуты, что она ответила на эту мольбу. Она никогда на протяжении всей своей жизни не обнаруживала признаков той твердой добродетели, которая могла спасти ее в такой крайней опасности. Однако, чтобы удостовериться в этом, я побежала в ее комнату и, открыв все шкапы и комоды, увидела, что нет самых лучших ее вещей. Стало быть, она уезжала в этот самый вечер, а отец ее даже не знал, что она изменила своему жениху. Ужас этого положения был выше моих сил. Я не могла держаться на ногах, когда вышла из ее комнаты, и должна была прислониться к стене, услышав ее голос, распевавший внизу. Что мне делать? Обратиться к ней или сказать ее отцу об ужасной опасности, которой подвергались его гордость и честь? Ах! Обращаться к ней было бы совершенно бесполезно. Я знала ее характер.

Но ее отец мог и приказывать, и просить, мог даже принудить ее к повиновению. Следовательно, я должна идти к нему, но я предпочла бы идти на пытку. Он был так горд! Он имел такое непоколебимое доверие в честь Джекилины, как Джефы и его дочери! Это известие убьет его. Колени мои подгибались, когда я шла в его кабинет, а подойдя к двери, я практически упала на нее, так велик был мой ужас. Он тотчас отворил дверь и отступил назад, точно увидел привидение. Я вошла и заперла за собой дверь.

— Я пришла, — сказала я голосом, заставившим его вздрогнуть, — чтобы просить вас спасти вашу дочь. Она находится в смертельной опасности; она…

В эту минуту на лестнице раздалось пение Джекилины, она шла в свою комнату. Он посмотрел на меня, как бы сомневаясь, в здравом ли я уме.

— Не в физической опасности, — пролепетала я, — а нравственной. Она любит безумно, безрассудно, насмехаясь над всеми препятствиями, человека, которым все должны гнушаться. Она…

— Мистрис Гемлин!

Как хорошо я помню его хладнокровный, спокойный голос в то время, когда дочь его, может быть, надевала шляпку, чтобы бежать.

— Вы ошибаетесь. Я не гнушаюсь мистером Голтом, а восхищаюсь им. Если мне пришло время расстаться с моей дочерью, я не знаю никого, кому отдал бы ее охотнее.

— Но она любит не его, — вскричала я со страхом и отчаянием. — Помните человека, который приезжал с ним? Он называл его своим братом…

Полковник обратил на меня свое бледное лицо так, что я вся задрожала.

— Джекилина не любит его! — воскликнул он.

Как пронзителен был его голос, как изменились его глаза!

Я отступила, дрожа, потупив голову.

— Притом она дала слово. Вы бредите, мистрис Гемлин!

Я подала ему бумажки, из которых узнала страшную истину, и сказала:

— Я имею доказательства, но прежде всего я должна сказать вам, что Джекилина совсем не такая хорошая девушка, какой вы считали ее. Она не обладает качествами своей матери. Она навлечет на вас великое горе. Страсть к этому человеку заставила ее забыть безукоризненность вашего имени, честь вашего дома. Будьте мужественны, сэр.

Ах! С какою гордостью посмотрел на меня этот

человек, хотя лицо его было смертельно бледно, а рука дрожала как осиновый лист.

— Отдайте мне эти бумажки! — закричал он. — Или вы сошли с ума, или… Кто это писал? — спросил он, глядя на твердый, красивый почерк, которым были исписаны бумаги, поданные ему.

— Мистер Роджер Голт, — ответила я. Я нашла эти бумажки в камине Джекилины. Она отослала свои вещи, сэр, — продолжала я, а мистер Роджер Голт женат.

Я никогда не видела такого выражения на человеческом лице. Я думала, что он упадет, но он только выронил бумажки из руки.

— Да простит нас Господь, — прошептала я, — но мы никогда не понимали Джекилины. Она любит этого человека, а любовь ее бурный ветер, способный навлечь на нее позор или страдание. Если хотите спасти ее, убейте ее любовь; смерть ее возлюбленного превратит ее в демона.

Он посмотрел на меня так, как будто я сказала ему, что миру пришел конец.

— Моя Джекилина! Моя Джекилина! — прошептал он тихим, нежным голосом.

— О! — вскрикнула я, раздираемая тоской за него и страхом, что она убежит, пока мы разговариваем. — Богу известно, что я скорее умерла бы,

чем решилась сказать о ней такие слова. Она дорога мне как родная дочь, она мне дороже жизни. Я люблю ее как мать, сэр. Если бы, выбросившись из окна, я могла помешать ей бежать с ее возлюбленным, я с радостью сделала бы это. Опасность, угрожающая ей заставила меня говорить. О! Сэр, поймите эту опасность и не допустите Джекилину сделать этот шаг.

Он вскочил как пронзенный стрелой.

— Вы думаете, что она бежит с ним? — спросил он.

— Думаю, — сказала я.

Он бросил на меня страшный взгляд и пошел к двери. Я торопливо подобрала бумажки, упавшие на пол, и побежала в мою комнату, спрятав голову в подушках, словно ожидая громового удара. Вдруг в передней раздался крик.

Есть звуки, заставляющие вас невольно вскакивать. Выбежав из комнаты, я увидела служанку, выглядывавшую из двери своей комнаты в коридоре. Я торопливо подошла к ней, приказала не вмешиваться не в свое дело, втолкнула ее в комнату и заперла дверь. Потом, бросившись к лестнице, увидала то, что потрясло всю глубину моей души. Вы видели лестницу, вы знаете, что она идет направо к комнате Джекилины и моей

и налево к комнате полковника Джефы. Следовательно, выйдя из моей комнаты, я прямо увидела на верхней ступени полковника, а на середине лестницы Джекилину.

— Стой! — закричал полковник, и этот-то крик долетел до моей комнаты.

В голосе полковника сострадания не было, он теперь вполне понял все, и гордость сделала его железным.

— Ты моя дочь! — говорил он. — Я люблю тебя, даже теперь, но сделай еще шаг к человеку, ожидающему тебя у калитки, и дверь, отворившаяся для тебя закроется навсегда.

— Полковник! — воскликнула я.

— Но он не слышал меня.

— Я мечтаю об этом! Я не хочу возвращаться! — сорвалось с бледных губ девушки. — Для меня нет радости в этом пошлом доме, я хочу жить с человеком, которого обожаю!

— Джекилина! — вскрикнула я, бросившись вперед, — подумай, дитя, что ты делаешь! Ты идешь не к жизни, а к смерти. Ты не можешь жить с человеком, который отнимает тебя у жениха, увозит из отцовского дома, от могилы матери, для того чтобы погрузить тебя в бездну нечестивости, лжи и разврата! Джекилина, Дже-

килина, ты еще чиста, вернись к нашей любви, чтобы мы не умерли от стыда на этой лестнице, по которой твою мать несли в могилу!

Она задрожала, ухватилась за перила и огляну-лась на отца.

Лицо его было жестко как кремень.

— Ты должна остаться здесь по собственной во-ле, — сказал он, наклонившись к ней, но не делая ни шага, — я не хочу держать никого насильно в моем доме. Я должен во всем полагаться на тебя или совсем не доверять. Скажи, чего ты хочешь? Родительского благословения или проклятия?

— Проклятия, если вы предоставляете мне выбирать, — сорвалось с ее губ, — я не желаю благословения, разлучающего меня с ним.

Она указала на дверь с таким взглядом, ко-торый показывал страшную любовь, против ко-торой ничего не могли сделать наши предосте-режения и мольбы.

— Будь же ты проклята, убийца семейной че-сти, родительской любви и материнской памяти! Будь проклята и дома и вне его! И в радости твоей первой страсти, и в тоске твоего последнего отча-яния! Доживи до того, что будешь глядеть на эту дверь как на врата рая, и найдешь ее запертой! Пусть твои дети, если дьявол наградит тебя ими,

обратятся против тебя так, как ты обратилась против меня!

И, бросив на дочь взгляд, от которого мои волосы встали дыбом, он упал без чувств.

— Боже! — вскрикнула она и побежала к двери.

— Джекилина! — закричала я.

Она обернулась.

— Я не надеюсь удержать тебя, — сказала я, — но прежде чем уйдешь, послушай. Если со временем лицо, теперь улыбающееся тебе, отвернется от тебя, если голод, холод, позор и болезнь омрачат твое белое лицо, знай, что если отец может проклинать, женщина, любящая как мать, может простить. Отец твой сказал, что эта дверь никогда не откроется для тебя, если ты уйдешь, а я говорю тебе, что, пока я живу, я отворю тебе эту дверь, я указала на боковой вход, помни! Каждый день в этот час я буду тебя ждать. И больная, и здоровая, и радостная, и печальная. Шесть часов будет час священный. Когда-нибудь в этот час ты упадешь со слезами на мою грудь!

Она взглянула на меня своими большими черными глазами с насмешливой улыбкой, пробормотала: «Вы бредите!» — отворила дверь и бросилась в темноту, а я осталась одна в этом

брошенном доме с больным хозяином.

XXVII. Тщетное ожидание

Полковник Джефа оправился от удара, но был уже не тот. Вся искренность и доверчивость его натуры заменились горечью и подозрительностью. Он не позволял при себе упоминать о Джекилине, не хотел слышать никаких намеков на то время, когда она была предметом его попечений, светом и радостью его дома. Мужчины не таковы, как женщины, дитя мое, сильное потрясение изменяет всю их натуру. Может быть, этому причиной были известия, пришедшие к нам из Бостона. Они были ужасны: вероломство Джекилины убило ее жениха. Роберт Голт, образованный, благородный, великодушный человек, был найден мертвым на полу в своей комнате через несколько дней после рассказанных мной известий, с женским перстнем в руке и с полу сгоревшим письмом в камине. У него оторвался тромб, и он скончался скоропостижно.

Эта внезапная и скоропостижная кончина человека энергичного была, может быть, причиной, почему в Гротвеле никогда не узнали подробно историю Джекилины. В то время Бостон был от нас очень далеко, и история смерти ее жениха

не была известна, а о побеге ее знали. Поэтому думали, что она убежала с женихом, и ни я, ни полковник не имели мужества эти слухи опровергать.

Дитя мое, лицо у вас бело как снег, щеки румяны, вы не знаете горестей и грехов. Для вас небо голубое, леса зелены, воздух душист, лица людей не обнаруживают того, что замкнуто в их душе. Но у вас воображение развито не по летам, может быть, вы поймете, какие недели, месяцы и годы проводила я, не зная участи той, которая оставила нас. Сначала мы надеялись, да, надеялся и он. Я это видела по его глазам, когда раздавался звонок, что какое-нибудь доказательство ее существования облегчит наши опасения, если не стыд воспоминаний. Но мы ждали напрасно, время и страдания провели морщины на лбу полковника, а мое ежедневное ожидание вместо надежды приносило отчаяние.

Время также лишило полковника большей части его состояния, так что продолжать жить в этом большом доме мы могли только со строжайшей экономией. Полковник, не вставший с постели после нового апоплексического удара, получал помощь от одного господина, который говорил, что считал себя обязанным ему. Но все

это вас не интересует.

Дни проходили, мрачная решимость яснее обозначалась на бледном лице полковника. Я не знала, в чем эта решимость состояла, но опасалась, и когда в один декабрьский день пришел стряпчий Фепс, я подождала, когда он уходил, бросилась к нему и спросила:

— Что он вам сказал? Я нянчила его дочь, скажите мне, что он вам поручил?

Мистер Фепс человек добрый, он видел глубину моего горя и ответил:

— Полковник взял с меня обещание заколотить лицевую дверь его дома, как только вынесут его тело из этой двери.

Заколотить лицевую дверь! Гнев его остался неумолим. Проклятие, раздавшееся в ушах моих десять лет, должно было пережить его! Со стоном ужаса закрыла я глаза руками и убежала. Взгляд на лицо полковника показал мне, что конец близок, но тем сильнее было мое желание изменить это проклятие. Подойдя к кровати, я наклонилась и подождала, пока он взглянет на меня, и тогда спросила, не желает ли он чего-нибудь сказать. Он понял меня. Взглянув на портрет жены, висевший против его изголовья, он принял строгий вид и покачал головой. Я указала на портрет.

— Что вы скажете ей, когда встретитесь с ней там? — спросила я его с отчаянием. — Она спросит: «Где мое дитя?» А вы что ответите?

Пальцы, лежавшие на одеяле, судорожно зашевелились, он бросил на меня взгляд, который ужасно было видеть, о котором страшно вспомнить. Я продолжала твердо:

— Она ушла из этого дома с вашим проклятием, скажите мне, что, если она вернется, она встретит ваше прощение. — Я ждала каждый день, — прошептала я, — и буду ждать каждый день, пока не умру. Неужели любовь постороннего человека может быть больше отцовской?

На этот раз губы его зашевелились, но не произнесли ничего.

— Я в этом поклялась, — продолжала я, — когда вы лежали без чувств, я сказала ей, что буду ждать ее, и сдержала слово. Что же сделаете вы для этой несчастной, которая вам родная дочь?

С невыразимой тоской ждала я его ответа, я видела, что губы его шевелятся.

— Что я сделаю для нее? — повторил он.

Как страшен голос умирающего! Я слушала, дрожа, но придвинулась близко, чтобы не проронить ни слова.

— Она не вернется, — проговорил он с усили-

ем, — но…

Кто знает, что он сказал бы, если бы смерть повременила одно мгновение, но неумолимая тень пала и он не кончил фразы.

Дитя мое, страшную историю пришлось вам выслушать. Я не стала бы оскорблять ваш чистый слух таким рассказом, если бы не надеялась получить от вас помощь и сочувствие. Грех отвратителен, бездна его широка и глубока, она поглощает тех, кто решится стать на ее цветистые края. Но бездна не остановит любви, любовь следует за грешником и в мрачную бездну.

Десять лет прошло после похорон полковника, и, исполняя его последнее приказание, заколотили лицевую дверь его дома. Все это время я не переставала ждать в доме, который он завещал мне, но который я берегла для нее. В шесть часов нахожусь я на моем месте, иногда с надеждой, иногда с унынием, но все уповая, что Господь исполнит желание моего сердца. Но дряхлость овладевает мною, и каждое утро, вставая с постели, я опасаюсь, что мои недуги не допустят меня исполнить мое обещание. Дитя, если это случится, если, лежа в постели, я услышу, что она вернулась, и, не найдя никого, ушла… О! Эта мысль сводит меня с ума. Страдающая, умира-

ющая с голода грешница, может быть, придет сюда. Она закоренела в грехе, она выпила чашу страсти и нашла в ней яд; все прекрасное, чистое, доброе было отнято от нее; она стоит одна, брошенная всеми, в огненном кругу. Что должно тронуть ее душу? Голос проповедника не имеет для нее очарования, советы добрых людей пустой звук. Ее может спасти только любовь; но где она найдет ее?

— Я знаю, что вы хотите сказать, — вдруг воскликнула Поола, вставая и глядя на мистрис Гемлин с решительным видом. — В те дни, когда вы будете больны или слабы, вам нужно, чтобы кто-нибудь отпер дверь и зажег лампу. Я буду это делать!

XXVIII. Солнце на горах

История, рассказанная мистрис Гемлин, произвела на Поолу большое впечатление. Помимо собственного интереса и обещания, данного ею, но и по воспоминаниям о ее жизни в Нью-Йорке. Это напомнило ей Сильвестера, говорившего ей об искушениях, встречающихся людям, а всякое воспоминание о Сильвестере непременно должно было и трогать, и волновать ее.

Целую неделю находилась она в самом тревожном состоянии. Ее дом казался ей тюрьмой, ей хотелось бежать, все мечты ее подернулись грустью, перспектива жизни в узком кругу стала невыносима.

В самом разгаре этого тревожного состояния Поола пошла одна прогуляться по горам. Природа может успокоить нас. И день был такой, что мог радовать душу и веселить сердце. Идя по лугу, Поола удивлялась, как она может грустить. Земля и воздух были полны великолепия.

— Это, верно, оттого, что я так одинока! — прошептала она.

Она вошла в свой любимый лесок, где всегда находила спокойствие и более всего была распо-

ложена мечтать. Вдруг приятный голос произнес возле нее:

— Я встречаю мисс Ферчайлд в ее родном лесу?

Это был Клеренс Энсайн.

Удивление ее было очень велико. Поола думала, что не увидит более никого из нью-йоркских знакомых. Сисилия писала ей, что он уехал на Запад вскоре после ее отъезда из Нью-Йорка.

Подняв глаза, она встретила глаза его, устремленные на нее с восторгом, и все веселое и счастливое в ней вспыхнуло в ней с новой силой. Оставив без внимания его вопрос, она воскликнула:

— Что надо сделать с человеком, который делает сюрпризы и пугает девиц?

— Надо взять его в плен, пока он не выпросит прощения, — ответил он, протягивая руку.

Она едва коснулась ее своей рукой.

— Вижу, что ваше раскаяние искренне, и вы скоро будете прощены, — засмеялась она.

— Вы ошибаетесь, я вовсе раскаяния не чувствую, я злодей закоренелый, мисс Ферчайлд, закоренелый! Но вы меня не спрашиваете, откуда я явился. Или, может быть, вы думаете, что я обитаю в этом лесу?

— Нет; я полагаю, что вы приехали с этим поез-

дом, но не удивлюсь, если вы выскочили из-под земли, как Плутон. Всякие чудеса возможны в такой чудный день, при таком дивном солнечном свете.

— Вы правы, я действительно выскочил из-под земли, я пять смертельных месяцев был заживо погребен на Западе, а то давно был бы здесь. Надеюсь, что мое опоздание не лишит меня хорошего приема.

Она напрасно старалась не покраснеть.

— Хороший прием всегда оказывается гостям, как бы поздно они не явились, — ответила она.

— Ваша тетушка замечательная женщина, мисс Ферчайлд. Я в восторге от нее.

— Как! Вы были у нас! — воскликнула Поола. — Вы видели тетушку Белинду?

— Разумеется, — засмеялся он, — а то как же был бы я здесь? Меня прислали за вами, мисс Ферчайлд. Но я забываю, что я выскочил из-под земли, и узнал в каком уголке скрываетесь вы от солнца.

На этот раз находчивость изменила ей. Она не придумала ответа. Она спрашивала себя, что ее тетка подумает о внезапном появлении незнакомого человека, о котором она не упоминала никогда.

— Так приятно отдохнуть, стоя здесь, после лета, проведенного в тяжелых трудах, — сказал он, мечтательно глядя на реку. — Теперь я понимаю, почему вы так очаровательно выглядите, если выросли здесь, любуясь такими видами.

— Да, я провела здесь все мое детство.

— Однако вы говорили мне, что любите город.

— До такой степени, что не могу быть счастливой здесь.

Она проговорилась, вспыхнула и опустила глаза. Она думала о Сильвестере и невольно высказала свои потайные мысли.

С инстинктивным желанием исправить свою излишнюю откровенность, она торопливо продолжал:

— Жизнь так полна и глубока в большом городе. В таком месте, как это, не хватает движения, великого колеса времени. Свет движется, а мы этого не чувствуем, а в городе дни, недели и месяцы дают чувствовать себя. Там чувствуешь, что живешь, единица составляет часть целого. Усталым Господь дает отдых в этих горах, а для людей энергичных назначает город. А я энергична.

Она замолчала, повернулась лицом к ветерку и как будто забыла, что она не одна. Клеренс Энсайн смотрел на нее с удивлением; он никогда не

слышал от нее таких речей, серьезная сторона ее тонкой души не была известна ему до сих пор, и он чувствовал себя ничтожным в ее присутствии. Достоин ли он был взять с неба звезду? Богатство и положение приличествовали такой красоте, но для этого…

Он отвернулся и стал поколачивать себя тростью по ноге.

— Я в Нью-Йорке встретила Сисилию, — воскликнула Поола.

Он отбросил свои мысли, повернулся к Пооле.

— А дружба мисс Стьюйвесант так важна для вас? — сказал он.

— Более чем, — ответила она.

— Стало быть, вы одна из тех немногих женщин, которые верят в дружбу?

— Так же, как верю небесам.

— Мисс Стьюйвесант можно позавидовать.

— Разве друзья так редки?

— Такие как вы, да.

— А если бы мисс Стьюйвесант сказала вам то же, что я, вы заметили бы: «Мисс Ферчайлд можно позавидовать».

— Я и мисс Стьюйвесант сказал бы, что ей можно позавидовать, я своего мнения не меняю, — возразил он.

Есть люди, которые вносят с собой повсюду солнечный свет. К числу этих людей принадлежит Клеренс Энсайн. Без всякого усилия со своей стороны он заражал всех своей жизнерадостностью.

Вернувшись в коттедж, Поола заметила, что даже серьезная Мисс Белинда повеселела. На столе стояла корзина с дорогими оранжерейными цветами. Поола вопросительно взглянула на своих теток.

— Воспоминание о Нью-Йорке! — любезно сказал Энсайн. — Я думал, что это напомнит вам приятные часы.

С непонятным замиранием сердца Поола наклонилась над розами и гелиотропом. Она готова была их расцеловать; это были не цветы, а очевидные свидетельства всего, чего она лишилась и чего желала все эти месяцы.

Время летело. Мисс Белинда с жаром поддерживала разговор, а наивные высказывания мисс Эбби поддерживали общее веселое настроение.

— Я, прежде чем уеду, обращусь к вам с просьбой, — сказал Энсайн.

Он стоял у окна один с Поолой за несколько минут до отъезда.

— Когда мы видим цветок, качающийся на изгороди над нашей головой, мы желаем сорвать

его; я слышал, как вы говорили о дружбе, и сильное желание овладело мною. Мисс Ферчайлд, вы хотите быть моим другом?

Она бросила на него изумленный взгляд, в котором, однако, тотчас выразилось сочувствие и удовольствие.

— Я даже не знаю. Слово «друг» значит так много для меня, — сказала она с кроткой серьезностью, делавшей ее отказ не таким болезненным для собеседника.

— Я это знаю, — ответил он, — и это большая смелость с моей стороны просить так много после такого непродолжительного знакомства; но жизнь коротка, а истинные сокровища редки. Вы мне не откажете, мисс Ферчайлд?

Видя, что она потупила глаза, он прибавил торопливо:

— Знакомых, называющих себя друзьями, у меня множество, но настоящего друга нет. Мне нужен друг, и я желаю, чтобы это были вы. Предупреждаю вас, что я буду ревнив, — прибавил он шутливо, — мне будет неприятно, если круг ваших друзей расширится. Я не желаю, чтобы кто-нибудь занял мое место.

— Никто другой не может занять место, отданное другу. У каждого должен быть свой уголок

— И у меня будет мой? — спросил он, пристально устремив на нее взгляд.

— Да, — проговорила она.

Он наклонился, взял ее руку и поцеловал.

Пооле пришли в голову рассказы о рыцарях, он был так вежлив и галантен.

— Буду ценить моего друга по ее царственному достоинству, — сказал он и простился.

— Поола!

Молодая девушка очнулась от оцепенения, удерживавшего ее у этого темного окна, и, поспешно обернувшись, увидела тетушку Белинду, стоявшую перед ней и устремившую на нее глаза ласково, но проницательно.

— Что, тетушка?

— Ты не сказала мне, кто такой мистер Энсайн. В твоих письмах ты ни разу не упомянула о нем.

— Ах, тетушка. Я встретилась с ним за несколько дней до моего отъезда, и только один раз.

— Неужели! А этот один раз, кажется, произвел впечатление. Расскажи мне что-нибудь о нем, Поола.

— Его внешность говорит за него лучше всех моих слов. Он добр, честен, богат, сын почтенных родителей. Его представила мне мисс Стьюйвесант, а потом мистер Сильвестер. Его приезд сюда

удивил меня.

На губах мисс Белинды мелькнуло что-то похожее на улыбку. Проницательно глядя на племянницу, она продолжала:

— Ты скучала последнее время, Поола: наша жизнь кажется тебе ограниченной; ты желаешь улететь к неведомым далям.

Виновато опустив голову Поола взяла тетку за руку.

— Я не удивляюсь, — продолжала мисс Белинда, все еще глядя на пылающие щеки прелестной девушки, стоявшей перед ней. — Я сама когда-то дышала другим воздухом и знаю хорошо, какое очарование лежит за этими горами. Я боюсь, что, отпустив тебя ненадолго, я потеряла тебя навсегда.

— Нет, нет, — прошептала девушка, — я всегда буду ваша. — Да я же и не уезжаю, — торопливо прибавила она.

Тетка улыбнулась и тихо погладила руку племянницы.

— Когда настанет время, я прошусь с тобою. Поола. Я не буду подрезать крылья моей голубке. Любовь и супружеский кров — естественная доля женщин. Никто не чувствует этого более тех, кому не досталось ни того ни другого.

— Тетушка!

Поола задыхалась от негодования.

— Молодые люди не приезжают за несколько миль видеться с молодыми девицами, не имея цели, — невозмутимо продолжала тетка. — Ты это понимаешь, Поола?

— Да, но цель может быть различна, — торопливо ответила девушка. — Мне было бы неприятно думать, что мистер Энсайн приехал сюда с тем намерением, которое вы приписываете ему. Вы смущаете меня, тетушка.

Тетка ничего не отвечала, но поцеловала племянницу и, улыбаясь, вышла из комнаты.

— Он просил меня быть его другом, — прошептала Поола сама себе. — Этого достаточно; этого должно быть достаточно.

Но цветок, который она выбрала из привезенного букета, как будто говорил ей об обратном.

XXIX. Туман в долине

Энсайн, немедля, занялся подтверждением искренности своей дружбы. Хотя он не осмелился слишком скоро повторить свое посещение, не проходило недели, чтобы Поола не получала письма или другого знака его преданности.

Самые слепые глаза не могли не заметить, что молодой человек попросту влюблен. Даже Поола вынуждена была признать, что рано или поздно она должна будет произнести решительное да или нет.

Тетка, зорко наблюдавшая за ней, видела, что Поола счастлива. Тень, недавно покрывавшая ее лицо, сменилась веселой улыбкой, и она радостно напевала что-то себе под нос.

Поэтому мисс Белинда очень удивилась, когда однажды Поола прибежала к ней и бросилась перед ней на колени, крича:

— Увезите меня, милая тетушка, я не могу, не смею оставаться здесь дальше!

— Поола, что ты хочешь сказать? — воскликнула мисс Белинда.

— Я сейчас получила письмо от Сисилии, — отвечала тихим голосом Поола. — Она видела

мистера Сильвестера и пишет, что он болен и похудел. Он сказал ей также, что очень скучает. И я знаю, что это значит: ему нужна я. Я должна вернуться к нему. Увезите меня, тетушка, увезите меня к мистеру Сильвестеру.

Мисс Белинда, главной добродетелью которой было самообладание, откинулась на спинку кресла и пристально посмотрела на залитое слезами лицо племянницы.

— Поола, — сказала она наконец, — только по этой одной причине ты желаешь вернуться в Нью-Йорк?

Румянец, нежный и мимолетный, разлился по щекам Поолы. Она встала на ноги и взглянула на тетку с кротким достоинством.

— Нет, — сказала она, — я желаю испытать себя. Пленные птицы благодарны всякой руке, предлагающей им свободу. Я хочу проверить, устою ли перед приманкой, когда мои крылья не будут связаны.

— Поола, — воскликнула тетка, — Поола, разве ты не знаешь себя?

— Знаю, — ответила Поола.

Потом с новым приливом волнения опять бросилась к тетке и сказала:

— Я и прошу вас увезти меня, для того чтобы

еще раз проверить себя.

Книга четвертая
Таинственная пропажа

XXX. Мисс Белинда делает мистеру Сильвестеру подарок на рождество

Был ясный зимний вечер. Сильвестер сидел в своей библиотеке и смотрел на огонь в камине, теплота и яркость которого делали еще заметнее пустоту в большой комнате. Он только что сказал себе, что это канун Рождества и что он менее всех на свете имеет причины радоваться празднику, когда раздался звонок.

Сильвестер ожидал Бёртрема, который в этот день на собрании директоров был назначен кассиром вместо Гилока, здоровье которого совершенно расстроилось, и поэтому не трогался с места.

Вдруг незнакомый приятный голос произнес: «Я привезла вам подарок на Рождество», и, подняв глаза, он увидал мисс Белинду, стоящую перед ним, а возле нее Поолу.

— Дитя мое! — вырвалось у него невольно, и прежде чем девушка успела опомниться, он прижимал ее к груди со страстной горячностью, более слов убедившей ее, как тяжела была для него разлука. — Моя дорогая! Моя Поола!

Сердце ее замерло. Тихо высвободившись, она посмотрела ему в лицо и нашла его исхудалым, но таким радостным, что не могла удержаться от улыбки.

— Стало быть, вы рады вашему рождественскому подарку? — спросила она.

Он улыбнулся и покачал головой; он не находил слов выразить свою радость.

Между тем мисс Белинда стояла с суровым выражением лица, которое заставило бы тех, кто ее не знал, принять ее за разъяренную тигрицу. Ни малейшим взглядом не удостаивала она роскошную обстановку, окружавшую ее, все ее внимание было сосредоточено на лицах, находившихся перед ней.

— Путешествие утомило Поолу, — сказала она наконец звучным и резким голосом, который раздался неожиданно громко в этих высоких комнатах.

Оба вздрогнули при этом неожиданном вмешательстве, прервавшем их счастливую встречу, но тотчас опомнились, усадили мисс Белинду у огня и старались оказать ей радушный прием в доме, наполненном столькими приятными воспоминаниями.

Странно было Пооле подниматься по лестнице,

по которой она спускалась в таком горе восемь месяцев тому назад. Она остановилась на знакомых ступенях, и вид бронзовой статуи Роскоши вызвал у нее приятные воспоминания, совсем не похожие на прежний страх. Ее маленькая комнатка успокоила ее, в ней оставалось все, как было. Всех прошедших месяцев как будто не бывало. Она почувствовала это еще больше, когда, сойдя вниз, нашла Бёртрема в библиотеке. Его интеллигентное лицо всегда ей было приятно, но сейчас показалось ей таким родным, как лицо брата.

— Я опять дома, — шептала она себе, — я опять дома.

Мисс Белинда разговаривала с Бёртремом, так что Поола могла сесть на свое прежнее место возле Сильвестера.

— Так вы вспоминали обо мне иногда в вашем гротвельском коттедже? — спросил он. Она отвечала веселым наклоном головы, но мысленно спрашивала себя, глядя на его благородные черты и меланхолическую улыбку, была ли минута, когда она не думала о нем в эти печальные месяцы разлуки.

— Я и не думал, что вы вернетесь, — продолжал он тихо, — не смел надеяться, что ваше личико

опять засияет в моем доме. Он такой печальный, а молодость любит веселье. Румянец, разлившийся по ее щекам, заставил его вдруг замолчать.

Она медленно покачала головой.

— Для меня он не печален. Мне всегда здесь весело. Мне не хватало ваших советов, веселье ничего не значит если он бессмысленно.

Он тихо отвел глаза от ее лица и вдруг сказал:

— Не из мрачных прудов должны пить такие юные уста, а из волн бездонного моря, волнуемого всеми ветрами и освещаемого ярким солнцем.

Через минуту, однако, он повеселел.

— Вы привезли мне подарок на Рождество, — воскликнул он, — стало быть, мы должны непременно отпраздновать. Для начала вот, — и он подал Бёртрему записку, ожидавшую его на столе в библиотеке, — Поола, вы не слишком устали, чтобы проехаться по городу? Я покажу вам Нью-Йорк накануне Рождества, обратился он к мисс Волтон, видя, что внимание Поолы сосредоточено на удивленном лице Бёртрема, только что прочитавшего записку.

— Мне будет приятно полюбоваться городским весельем, — сказала мисс Белинда. Поола, опомнившись при звуке голоса тетки, весело повторила ее уверение. Сэмюэла послали за эки-

пажем, и через несколько минут все в прекрасном расположении духа ехали по улицам Нью-Йорка.

— Я хотел бы, чтобы вы вышли и смешались с толпой, — сказал Сильвестер, — в нынешний вечер все чувствуют себя немного сумасшедшими. Даже серьезные и важные люди не стыдятся тащить кучу свертков.

Поола никогда не забывала этого вечера. Эта поездка по освещенным улицам в сопровождении мисс Белинды, Сильвестера и Бёртрема казалась ей чем-то вроде «Тысячи и одной ночи».

Сильвестер, когда они опять сели в коляску, притащил с собой целую кучу свертков и, смеясь, кинул их на колени Поолы.

— Сам не знаю, чего накупил, — сказал он.

Когда развернули свертки в библиотеке, там оказалась черная шелковая материя для мисс Белинды, кольцо для шарфа для Бёртрема, бриллиантовый браслет, кружевной шарф, серебряная шкатулочка для перчаток, безделушки для туалетного стола, все это, конечно, для Поолы.

— Вот уж и не мечтала об этом, когда ехала сюда на Рождество, — воскликнула Поола.

Прощаясь с Сильвестером в этот вечер, Поола полюбопытствовала, что было написано в записке, которая так удивила Бёртрема.

Улыбка, редко появлявшаяся на лице Сильвестера последнее время, опять мелькнула на его губах.

— Пригласительный билет на обед, — сказал он, — от мистера Стьюйвесанта, а для Бёртрема это значит много.

Удивление в глазах Поолы вызвало новую улыбку.

— Вас очень удивит, если я скажу вам, что женщина, ради которой Бёртрем пожертвовал всем, — это Сисилия Стьюйвесант?

— Сисилия! Моя Сисилия!

Удивление было велико, но и радость также.

— О! Я даже подумать не могла… а теперь понимаю, по этой причине она у нас не бывала, она боялась встретиться с ним. Странно, однако, что я не догадалась. О! Как я рада, Бёртрем так мне нравится! И мистер Стьюйвесант пригласил его к себе! Я не удивляюсь его радостному виду. Мистер Стьюйвесант не сделал бы этого, если бы не ценил Бёртрема.

— Да, все поступки мистера Стьюйвесанта последовательны. Кроме того, он, наверное, знает его тайну и не пригласил бы к себе, если бы не хотел подарить ему надежду.

— Мне кажется, вы правы, — сказала Поола. — Я

помню, как однажды была у Сисилии и осталась на минуту одна, он вошел в комнату, сел и вдруг спросил меня, что я думаю о Бёртреме Сильвестере. Я удивилась, но сказала, что считаю его благороднейшим человеком, с большим умом, добрым сердцем, который имеет полное право на уважение всех друзей и знакомых. Старик посмотрел на меня с любопытством, но кивнул головой с удовольствием и только заметил: «Об этом разговоре нет надобности упоминать», встал и ушел. Я сочла это естественным любопытством о человеке, с которым он имел деловые отношения, но теперь я понимаю, что это имело более глубокое значение.

— Он едва ли мог найти более ревностного ходатая за Бёртрема, и Бёртрем может быть обязан вам более, чем думает. Он очень долго ждал, и похоже, что его терпение в скором времени будет вознаграждено.

— А Сисилия! Не могу дождаться, когда увижу ее счастливой.

— Поола, сказал Сильвестер серьезно, можете вы не на долго отвлечься от этих приятных мыслей и выслушать мою просьбу? Я сделал себе небольшой подарок, — продолжал он, вынимая из кармана шкатулку. Откройте ее, душа моя.

Дрожащими пальцами Поола открыла шкатулку. В ней лежал простой золотой медальон, какие обыкновенно носят мужчины на цепочках часов.

— Помогите мне застегнуть, — попросил он.

Удивляясь его торжественному тону. Поола исполнила его просьбу. Но когда она подняла голову, он тихо положил на нее руку и стоял с минуту, не говоря ни слова.

— Что с вами, мистер Сильвестер? — спросила она.

— Я сейчас дал обет, — ответил он.

Она вздрогнула.

— Я должен молиться, чтобы иметь возможность сдержать этот обет, — сказал он. — Вы будете молиться о том же, Поола?

— О да!

Все ее чувства вылились в этих словах.

— Молитвы женщины лучшее спасение для мужчины, — прошептал он. — Глупец тот, кто не чувствует себя окруженным священным ореолом, если знает, что чистые уста произносят его имя с любовью и упованием перед престолом Всемогущего.

— Я буду молиться за вас, как за себя, — прошептала Поола.

XXXI. Вопрос

На следующее утро, когда Сильвестер пришел к завтраку, он нашел на столе в библиотеке вазу, наполненную цветами, восхитительно душистыми.

— Для мисс Ферчайлд, — объяснил Сэмюэл.

С ревнивым удивлением, которое, однако, никак не отразилось на его спокойном лице, Сильвестер подошел к столу и посмотрел на карточку, прикрепленную к прелестному подарку. Имя, которое он прочел, по-видимому, удивило его; он отошел и взял газету с мрачным видом, который не исчез, когда вошла мисс Белинда.

— Гм! — произнесла она, увидев подарок.

Но тотчас опомнилась и весело пожелала всем доброго утра.

— О Пооле помним не мы одни, — сказал Сильвестер, вероятно, заметив ее взгляд.

— Да, мистер Энсайн очень к ней внимателен, — коротко ответила мисс Белинда. — Приятный молодой человек, достойный успеха.

— Вы… хотите сказать, что он был у вас в Гротвеле? — спросил Сильвестер, не отнимая глаз от газеты.

— Был. Думаю еще несколько свиданий и дело будет решено.

Газета зашелестела в руках Сильвестера, но голос его был спокоен, когда он сказал:

— Так она благосклонно принимает его внимание?

— Она прикалывает к груди его цветы и сама сияет как цветок при его приближении. Я не сомневаюсь, что все это закончится свадьбой. Мистер Энсайн некрасив собой, но он обладает такими выдающимися человеческими качествами, что наверняка сделает Поолу счастливой.

— Он добрый человек, — сказал Сильвестер.

— А это самое главное в характере того, кто женится на Пооле, — заметила мисс Белинда, — открытый, веселый нрав, чистая совесть и прошлое без темных страниц такими качествами должен обладать тот, кто свяжет свою судьбу с нашей чистой и чувствительной Поолой. Не так ли, мистер Сильвестер?

Объявления в «Трибуне», вероятно, были чрезвычайно интересны в это утро, судя по тому, с каким затруднением Сильвестер отвел от них глаза.

— Человек, за которого Поола выйдет, — сказал он наконец, — должен быть и добр, и ласков, и

чист, тот, кто не имеет этих качеств, не должен жениться на ней, — прибавил он таким тоном, что даже бесстрашная мисс Белинда не нашлась что сказать.

В эту минуту вошла Поола.

— Счастливого Рождества, — сказала она своим нежным голосом, знаете ли вы, что на улице идет снег? Теперь у нас есть все, что нужно для такого дня.

— Да, все, — ответила мисс Белинда, бросив значительный взгляд на стол.

Поола проследила за ее взглядом, увидела вазу с цветами и поспешно взглянула на Сильвестера.

— Мистер Энсайн, по-видимому, одарен даром ясновидения, — заметила непринужденно мисс Белинда. — Не могу понять, как он узнал, что мы здесь.

— Я написала ему в моем последнем письме, что, по всей вероятности, мы проведем праздники у мистера Сильвестера, — объяснила Поола просто, но с румянцем на лице. — Я это сделала, потому что он хотел приехать в Гротвель на Рождество.

Наступило молчание, потом Сильвестер встал и, заметив с вежливым спокойствием: «Очень милый знак внимания», пошел в столовую. Поола

пошла за ним, опустив голову, а мисс Белинда позади с видом успешного дипломата.

Завтрак прошел как-то церемонно. Что-то гнетущее наполняло воздух, что даже живой разговор мисс Белинды разогнать не мог. По просьбе Сильвестера она села на главном месте за столом, и только она одна могла есть с аппетитом. Она никогда не видела Уону на этом месте, а Поола и Сильвестер не могли забыть грациозную фигуру, когда-то сидевшую на этом месте.

Первая трапеза над могилой, все равно как бы давно ни была она вырыта, всегда очень тяжела. Кроме того, Поола чувствовала какое-то внутреннее напряжение. Она не могла дождаться, когда сможет уйти и остаться одна. Конец завтрака оказался облегчением для всех. Мисс Белинда пошла наверх, задумчиво качая головой, Сильвестер опять сел читать газету, а Поола подошла к букету, стоявшему на столе в библиотеке, но остановилась на половине пути. При Сильвестере она не смела подойти к этому деликатному доказательству привязанности другого человека. Вдруг Сильвестер сказал:

— Почему вы не посмотрите на ваш прелестный подарок, Поола?

Она вздрогнула, быстро взглянула на Сильве-

стера и подошла к столу, потом вдруг повернулась и торопливо подошла к Сильвестеру. Он все еще читал, но Поола видела, что рука его дрожит, хотя чистый профиль лица казался спокоен и холоден.

— Мне не хочется этого делать, — сказала она.

Он повернулся к ней.

— Сядьте, Поола, — сказал он, — я хочу с вами поговорить.

Она повиновалась.

— Поола, я хочу задать вам вопрос, — начал он голосом твердым, но спокойным. — Что подумали бы вы о человеке, который умышленно вошел в прекрасный сад, выбрал самый прелестный цветок и унес его в темницу, чтобы он изливал свое благоухание среди холода и темноты?

— Я подумала бы, — отвечала Поола, — что этот человек поступил хорошо, если цветок своим благоуханием мог утешить того, кто сидит в тюрьме.

Сильвестер вдруг отвел от нее глаза и взглянул на огонь в камине.

— Следовательно, минутная радость может извинить убийство? — воскликнул он. — Бог и ангелы с вами не согласятся, Поола.

Голос его дрожал, и Поола задрожала тоже, но

промолчала.

Прошло несколько минут. Никто не шевелился.

Наконец тихим, дрожащим голосом Поола заговорила:

— Разве это убийство, если цветок любит темную тюрьму более, чем дневной свет? Он торопливо встал.

— Да, — сказал он, отступая назад, как будто не мог вынести взгляда ее глаз. — Цветы живут солнечным светом. Тот, кто захватывает такое сокровище, делает это с риском для своей жизни.

Она так же поспешно встала, и он спросил ее ласковым тоном, что он может сделать для того, чтобы она весело провела этот день.

— Ничего, — ответила она, опустив голову. — Я, думаю, что пойду к Сисилии.

У него вырвался вздох.

— Экипаж будет для вас готов, — сказал он. — Надеюсь, что счастье вашей приятельницы наполнит ваше сердце и сделает этот день очень приятным для вас. Да благословит Господь ваше юное и нежное сердечко, милая Поола!

Грудь ее тяжело поднялась, большие черные мягкие глаза бросили быстрый взгляд на его лицо, потом она отступила на несколько шагов

и спокойно вышла из комнаты. Поола как будто унесла с собой всю его жизнь, но он не пошевелился и вздохнул глубоко, когда, обернувшись к столу, увидел, что она унесла с собою безмолвное свидетельство любви и преданности другого более счастливого человека.

XXXII. Полный прилив

Человек думает, что он силен, кладет фундамент, строит стены, забывая о ветрах и наводнениях, которые могут уничтожить его строение. Когда твердою рукой Сильвестер вырвал из своего сердца единственную радость, которую мог доставить ему свет, он думал, что борьба окончена и победа одержана.

А она даже и не началась. Он это понял, когда Поола приехала от мисс Стьюйвесант. Выражение ее лица показалось ему странным и он поинтересовался у нее не встретила ли она у мисс Стьюйвесант кого-нибудь из своих прежних знакомых.

— Да, — отвечала она, покраснев. — Там был мистер Энсайн.

Сравнительно легко удержать свою руку, чтобы не схватить сокровище, которое вожделеешь, но гораздо труднее смотреть, как другой выхватывает это сокровище и уносит его на ваших глазах. Сильвестер смог взять себя в руки и не показать эмоции, охватившие его при этом известии. Счастье, так неожиданно встретившееся ему на его одиноком и мрачном пути, рискует скрыться от

него навсегда. Если в его жизни были темные страницы, они уже давно стерлись из памяти, а будущее обещало светлые надежды. Человек его лет еще способен на сильные чувства. Ему казалось, что он только начинает жить. Действительно, с этой прелестной женщиной жизнь начнется для него снова, что же мешает ему удовлетворить свои стремления? Боязнь заслужить порицание света? Ах! На свет ему наплевать. Почему же он колеблется? После стольких лет одиночества и тщетных исканий, ему представляется шанс получить великое блаженство, не воля ли это небес?

Между тем общество со своими бесконечными искушениями увлекло молодую девушку. Она должна была бывать и тут и там. Прежде чем она решила, останется ли в Нью-Йорке на неделю, уже пролетели две, и все это время Энсайн не оставлял ее, и хотя Поола ничем не выражала своих намерений, мисс Белинда считала дело решенным.

Успех Бёртрема в первое посещение Стьюйвесанта занимал не последнее место в истории этих двух недель. Он был так близок к Сильвестеру, что все окружающие его не могли оставаться равнодушными к его чувствам. Когда он играл на

фортепиано, что случалось редко, он вкладывал всю свою душу в игру. Голос его звучал нежнее музыки.

Сисилия была необщительна, но лицо ее напоминало Пооле статую какой-нибудь святой, с которой вдруг сдернули покрывало. Настал вечер, когда чары, сковывавшие все эти сердца, рушились. Знакомая мисс Стьюйвесант давала большой бал. Бёртрем получил позволение от отца Сисилии сопровождать его дочь, и это внушило молодому человеку твердое намерение объясниться и узнать свою судьбу. Поола тоже была приглашена, и когда Сильвестер увидел, что она, в изящном наряде, уезжает с мистером Энсайном, это стало последней каплей для его изболевшейся души, и с внезапным порывом своей решительной натуры он пошел наверх, надел вечерний костюм и тоже отправился на бал. — Богатство Индии ускользает от меня! — воскликнул он горячо, когда ехал по освещенным улицам. — Я не могу упустить его. И если она дорожит мной больше, чем этим веселым юношей, я должен это знать. Я уверен, что моя любовь в сравнении с его любовью то же, что могучий океан в сравнении с тихим озером. Она должна это понимать. Свет и музыка встретили его, когда он

вошел в дом, где находилось его сокровище. Это опьянило его. Его друзья, которых было великое множество, приняли его со знаками внимания, смешанного с удивлением. В первый раз увидели его на публике после смерти жены и не могли не заметить его веселый вид и какое-то радостное выражение его гордых и тревожных глаз. Если бы он был вместе с Поолой, его волнение было бы понятно, но ее сопровождал другой. Почему же тогда мистер Сильвестер сиял, как звезда, среди этой веселой и улыбающейся толпы? Он не объяснил этого своим друзьям, а ходил от группы к группе, разыскивая Поолу. Вдруг в голове его мелькнула мысль: «Не более часа прошло с тех пор, как я в моем доме покачал головой, когда она просила меня ехать с ней?»

Казалось, что прошло уже несколько недель. Новые мысли, окончательное решение медленно созревавшего намерения, внезапное побуждение сердца считать ее своей унесло все прошлое, как горный поток. Он не мог поверить, что смотрел на Поолу когда-то как отец. Он, должно быть, всегда испытывал к ней далеко не отцовские чувства; такое важное решение не могло быть принято за один час; она должна знать, что он любит ее безумно, глубоко, священно, всеми фибрами тела

и души; что мечтает назвать ее своей в жизни и смерти.

Между тем прелестные лица мелькали перед ним, привлекали его взгляды, только потому, что молодость была символом Поолы.

Наконец он нашел Поолу, сидящую у окна, и никогда не казалась она ему такой прелестной. Она была в атласном платье жемчужного цвета, как Уона любила наряжать ее, и богатая материя, и нежный цвет гармонировали с янтарной занавесью, у которой она сидела. Он подошел к ней, как жрец к своему кумиру, и, забыв все, кроме недоумения своего сердца, заговорил с ней с таким выражением в глазах и таким голосом, которых она никогда не видела и не слышала прежде.

Он спросил ее, указывая глазами на Энсайна, подходившего к ним, пустая это игра или что-то серьезное?

— Я не знаю, я еще не думала, — ответила она торопливо.

— Так подумайте, — прошептал он голосом, который потряс ее тело и душу, — потому что я должен знать это.

И, не говоря больше ни слова, не объяснив ни взглядом, ни движением свое неожиданное появ-

ление, он поклонился Пооле, как будто она была царица, а не ребенок, выросший на его глазах, и поспешно ушел.

Но не сделал он и двух шагов, как остановился; к нему подошел Энсайн.

— Мистер Сильвестер! Вот уж не ожидал увидеть вас здесь.

— Что поделать. Таково уж несчастье всех смертных: преувеличивать свою силу в виду большого искушения. Я не составляю исключения из правила.

И с новым поклоном он спокойно продолжал свой путь и через несколько минут уехал.

Энсайн смотрел вслед Сильвестеру, пока он не исчез, потом обернулся и взглянул на Поолу. Почему сердце его замерло и радость, обещанная этим вечером, вдруг омрачилась?

XXXIII. Два письма

Расставаясь с Поолой в этот вечер, Энсайн вложил ей в руку небольшое письмо, сказав, что на следующий день он сам придет за ответом. Она знала, что он предложит ей свою руку и сердце, и не ошиблась. Как только она вошла в свою комнату и разделась, она тотчас распечатала письмо. Каждая строчка была пылка, почтительна и серьезна. Истинная любовь и счастливый богатый дом ожидали ее, если... да! Это «если» имело громадное значение.

Сложив руки и устремив глаза на огонь, ярко горевший в камине, Поола спрашивала себя, каким она представляет свое будущее. Энсайн был такой очаровательный и обходительный. С ним она будет пользоваться уважением света. Опасения, сомнения и тревоги не будут тревожить ее. Нет никаких сомнений, что она доверяла ему, но любила ли она его? Одно время она была в этом убеждена. Он явился к ней в самый тяжелый период ее жизни и наполнил ее дни новым смыслом. Но могла ли она быть уверена сейчас в своей любви, когда голос и взгляд другого мужчины вызывали в ней такие страсти, о каких

она даже не подозревала ранее. Любовь была чувством священным в ее глазах, поэтому она должна была заставить себя заглянуть в прошлое и безжалостно спросить свою совесть, каковы были ее чувства к Сильвестеру, прежде чем она узнала, что любовь к ней, как к женщине, заняла место его прежнего отцовского чувства к ней.

Ее пылающие щеки ответили за нее. Ее жизнь никогда не была полной без его присутствия. Она чувствовала себя одинокой и недовольной. Когда приехал Энсайн, она думала, что ее прежнее тревожное состояние осталось в прошлом, но письмо от Сисилии, описывавшей, как болен и печален Сильвестер, отняло эту обманчивую мечту. По безумному биению сердца при звуке его голоса, по стремлению души соответствовать всякому расположению его духа, по глубокому спокойствию, которое она чувствовала в его присутствии, по тревоге, овладевавшей ею в его отсутствие, она знала, что любила Сильвестера так, как не могла никогда полюбить его молодого и, может быть, более благородного соперника. И все же она колебалась. Почему?

Совесть и уважение к самой себе требовали, чтобы образ, перед которым она готова была преклониться, был достоин ее обожания.

«Я должна любить его и душой и телом, а как я могу это сделать, если я знаю, что в его жизни есть некая тайна, а в сердце фальшивая нота. Если бы я могла узнать, что за тайну он скрывает от меня и почему называет себя пленником в тюрьме! Он кроток, ласков, любит делать добро, старается вести меня по пути чистоты и благоразумия, а между тем что-то недоброе время от времени проскальзывает в его взгляде и нервном тоне. А между тем свет уважает его, и люди считают его порядочным бизнесменом и стараются заручиться его поддержкой. Если бы я знала тайну его сердца! — подумала она. Как сложно было девушке в эту ночь. С одной стороны — чистосердечность, преданность, стабильность со всеми составляющими спокойствия и счастья, с другой — любовь, признательность, восторг и тайна…Сердце разрывалось при мысли бросить Сильвестера, совесть смущалась при намерении отказать Энсайну. Она так и не приняла решения, когда встала и начала убирать свои наряды.

Что-то лежало на ее зеркале, что заставило ее вздрогнуть. Это был небольшой конверт, адресованный ей.

В письме было следующее:

«Человек не всегда ответствен в своих по-

ступках в минуты большого потрясения или волнения. Но если, он считает, что говорил необдуманно, или поступал неблагоразумно, он обязан исправить свою вину; и вот для чего я пишу это письмо. Поола, я люблю вас, не так как прежде, по-родительски, но страстно, пылко, со всей силой моей разочарованной жизни, как любит человек, для которого на свете существует только одна женщина. Я это слишком ясно показал вам сегодня. Если другой уже заслужил вашу любовь, тогда забудьте, что я испортил вашу жизнь словами горячее, чем должен произносить отец. Я не увижу вас за завтраком и, вероятно, за обедом, но когда наступит вечер, я увижу или дорогую подругу моей души, или дочь моей одинокой жизни, как вам подскажет ваше сердце. Эдвард Сильвестер».

Мисс Белинда очень удивилась, когда, проснувшись утром, почувствовала, что ее обнимают любящие руки. Подняв глаза, она увидела Поолу с пылающими щеками и с опущенными глазами; угадав, может быть, в чем дело, она приподнялась на постели и спросила:

— Что случилось? По твоему лицу видно, что ты не спала всю ночь.

Вместо ответа, Поола подала ей письмо Энсай-

на. Мисс Белинда прочла, со знаками одобрения, и, закончив, значительно кивнула головой, потом пристально посмотрела на Поолу.

— И ты не знаешь, что ответить? — спросила она.

— Знала бы, если… Ах! Тетушка, вам известно, что мешает мне! Я это видела по вашим глазам. Есть другой…

— Но он не объяснялся? — горячо воскликнула тетка.

Не отвечая, Поола подала ей другое письмо, а потом спрятала голову в одеяле, ожидая, что скажет тетка.

Она не торопилась с ответом и, наконец, сказала со вздохом, очень уныло раздавшимся в ушах девушки:

— Это поставило тебя в неловкое положение. Я сочувствую тебе, дитя мое. Очень тяжело отказывать благодетелю.

Поола прижалась к груди тетки и опять обвила руками вокруг ее шеи.

— Но разве я должна отказать? — спросила она.

Мисс Белинда нахмурила брови.

— Мне жаль, что ты задаешь мне подобные вопросы, — ответила она.

Поола вскочила и посмотрела на нее с внезапной решимостью.

— Тетушка, — сказала она, — что вы имеете против мистера Сильвестера?

Мисс Белинда покачала головой, тихо оттолкнула девушку, торопливо встала и начала поспешно одеваться. Когда она совсем приготовилась к завтраку, она привлекла к себе Поолу и ответила на вопрос.

— Я имею против него то, что не совсем понимаю его. Я боюсь, что в его жизни есть какая-то нехорошая тайна, Поола. Я никогда не чувствую себя с ним свободно, как ни восхищаюсь его разговором и ценю, несомненно, благородные порывы его сердца.

— Он пережил так много горя! — произнесла Поола слабым голосом, пораженная этим отголоском своих собственных сомнений.

— Да, — ответила тетка, — горе склоняет голову и затуманивает глаза, но не делает взгляд нерешительным.

— Смотря какое горе, — доказывала Поола, опровергая свои собственные сомнения так похожие на теткины. — Он необыкновенный человек. Я не говорила вам, тетушка, но обстоятельства, сопровождавшие смерть кузины Уоны, были

особенно тяжелы. У него был с ней серьезный разговор в то самое утро, как она была убита, между ними произошла перебранка и он оставил ее всю в слезах. После этого он увидел ее уже бездыханной.

— Ты знаешь, в чем была причина их ссоры? — тревожно спросила мисс Белинда.

— Нет, но предполагаю, что это относилось к делам, так как ничто другое не могло возбудить гнев кузины Уоны.

— Мне не нравится слово «дела», оно слишком неопределенно, как и слово «благотворительность». Ты сама никогда не чувствовала никаких сомнений относительно мистера Сильвестера?

— Ах! Вы затронули меня за живое, тетушка. Может быть, у меня были сомнения, но когда оглядываюсь назад, я не вижу, чтобы они имели какое-нибудь прочное основание. Положим, тетушка, что он был просто несчастен, и я со временем узнаю, что я оттолкнула от себя человека, сердце которого было омрачено только горем? Я никогда не прощу себе этого.

— Стало быть, ты очень его любишь?

Лицо девушки внезапно просияло.

— Сердце не может высказать свою любовь, — сказала она, — но с тех пор, как я получила от него

это письмо, мне стало казаться, что моя жизнь зависит от того, достоин или нет он преданности женщины. Если недостоин, я отдала бы мою жизнь, чтобы сделать его достойным.

Мисс Белинда взяла письмо Энсайна дрожащими пальцами.

— Я думала, что все кончено, когда этот молодой человек стал ухаживать за тобой, — сказала она, — девушки вообще предпочитают светлое темному, а мистер Энсайн очень приятный и достойный молодой человек.

— Да, тетушка, и он чуть было не пленил мое сердце, как уже прельстил мое воображение, но сильная рука отняла мое сердце, и теперь я не знаю, как поступить, чтобы в будущем не иметь угрызений или напрасных сожалений.

Мисс Белинда опять взяла письма и прочла их.

— Мистер Энсайн приедет за ответом днем, а мистер Сильвестер отложил до вечера. Не пойти ли мне утром к мистеру Сильвестеру и поговорить с ним, чтобы решить раз и навсегда вопрос, волнующий нас? Не легче ли тебе будет тогда говорить с мистером Энсайном?

— Вам говорить с мистером Сильвестером, и на такую тему? О, я не могу этого допустить. Простите меня, тетушка, но мне кажется, я более

забочусь о его чувствах, чем о своих. Если его тайну можно узнать за полчаса, то ее должна выслушать только одна я. И мне кажется, я могу, прошептала она, он так заботится обо мне, что не позволит мне слепо вступить на какой бы то ни было путь, не объяснив мне всего. Если я спрошу его, есть ли какая-нибудь причина, мешающая мне посвятить ему мою жизнь, он ответит искренне, хотя бы это разрушило его надежды.

— Ты так веришь в его искренность?

— А вы разве нет, тетушка?

Мисс Белинда, вспомнив его слова, когда он предлагал взять в дочери Поолу, была вынуждена сознаться, что и она ему верит.

Без дальнейших разговоров решили, что Поола не примет окончательного решения, пока не поговорит с Сильвестером.

— Теперь ты можешь попросить мистера Энсайна подождать ответа еще день, — сказала мисс Белинда.

Но Поола с удивлением покачала головой.

— Неужели это вы советуете мне такое? Нет, милая тетушка, мое сердце не принадлежит мистеру Энсайну, как вам известно, и я не могу подавать ему ложную надежду. Если мистер Сильвестер окажется недостойным моей любви, я

должна перенести эту потерю; но не заставляйте меня бесславить мою честь, допуская надежды, даже мимолетные, в сердце его соперника.

Мисс Белинда покраснела и нежно прижала к себе племянницу.

— Ты права, — сказала она. — Ответ, который ты хочешь дать мистеру Энсайну, надо отправить к нему немедленно.

XXXIV. Поола делает выбор

Настал вечер. Сильвестер, согласно заявлению, сделанному Пооле, не был дома целый день, теперь только что вернулся и стоял в библиотеке, ожидая решения своей судьбы. Он никогда не казался достойнее женской любви. Дело, волновавшее его долгое время, было удовлетворительно завершено, и ни малейшей тени не лежало на его денежных делах. Это не мешало ему, однако, вздрагивать при каждом шуме и испытать весьма неприятное разочарование, когда дверь отворилась и в комнату вошел Бёртрем вместо той, которую он ждал.

— Дядя, я так счастлив, что хотел разделить с вами свое счастье. Как вы думаете, может ли ошибиться в чувствах мисс Стьюйвесант тот, кто видел ее вчера?

— Едва ли, — с улыбкой ответил Сильвестер. — Твое счастье, кажется, гарантировано, мой милый.

— Я увижу ее сегодня, — сказал Бёртрем. — Я боюсь, что моя любовь похожа на реку, вышедшую из берегов, которая не успокоится до тех пор, пока не найдет свой собственный канал, и только

тогда потечет спокойно.

— Так бывает со всякой любовью, сказал дядя. — Она может долго дремать, но когда раз проснется, лучше встретить разъяренного льва или бурю. Ты хочешь попытать свое счастье уже сегодня?

Молодой человек покраснел.

— Даже не знаю. Знаю только, что я готов на все.

— Желаю тебе успеха, мой милый. Ты заслужил свое счастье.

Он пошел проводить племянника.

— Посмотри, какой вечер, — заметил он, выходя из двери, — наверняка будет дождь.

— Да, — ответил Бёртрем, быстро взглянув на тучи, — но такие пустяки не удержат меня.

Поклонившись дяде, он ушел.

Вдруг человек, проходивший мимо дома, остановился, как бы пораженный этими простыми словами, обернулся, бросил на Бёртрема быстрый взгляд, потом взглянул на отворенную дверь, где Сильвестер еще стоял, глядя на тучи, и осторожно пошел за Бёртремом.

Сильвестер, слишком задумчивый, чтобы заметить этот подозрительный поступок, постоял с минуту, глядя на небо, потом запер дверь и вернулся в библиотеку.

Когда Поола пришла туда, несколько минут спустя, она нашла Сильвестера, ожидающего ее почти с радостным выражением лица. Это сделало ее миссию вдвойне тягостной. Он это почувствовал, и тотчас свет сбежал с его лица, оставив на нем одно отчаяние. Но, преодолев себя, он взял ее холодную руку и нежно спросил тем тихим, дрожащим тоном, который имел на нее влияние:

— Кого я вижу перед собой, мою милую дочь или дорогой предмет любви и обожания, который должен составить счастье моей жизни?

— Вы видите, — ответила она, — девушку, не имеющую ни отца ни брата, которые могли бы дать ей совет, которая думает, что любит великого и благородного человека, но которая также опасается, сама не зная чего, и опасается сделать шаг, который, может быть, не одобрил бы ее преданный друг.

Сильвестер, крепко сжимавший ее руку, медленно отпустил ее. Отступив назад, он смотрел на Поолу с горечью.

— Вы единственный человек, — продолжала она с умоляющим взглядом, — который заменил мне отца, поэтому именно к вам должна я обратиться для решения вопроса, приводящего меня в

недоумение. Мистер Сильвестер, вы предложили мне вашу любовь; если вы скажете, что, я должна принять эту любовь, тогда моя рука и мое сердце принадлежат вам.

— Поола!

Голос был так странен, что она подняла глаза взглянуть, действительно ли это сказал Сильвестер. Он опустился в кресло и закрыл лицо руками. С криком бросилась она к нему, но он отстранил ее.

— Осужден быть собственным палачом! — прошептал он. Боже мой, как это тяжело! Сильвестер вскочил.

— Поола, — сказал он суровым тоном, — то опасение, о котором вы говорите, это то, что вы чувствуете сами или кто-нибудь другой внушил вам это чувство?

— Тетушка Белинда пользуется моим доверием, если вы на мекаете на нее, — ответила Поола, мужественно встретив его взгляд. — Но только вы в силе заставить меня изменить мое мнение.

— Стало быть, это я своими словами и поступками вызвал в вас эти чувства?

— Я этого не говорила, — ответила она потупив глаза.

— Поола, я слишком хорошо вас знаю, все ваши

сомнения и переживания написаны на вашем лице, — воскликнул он горячо.

Она протянула к нему руки с мольбой, но он не обратил на это внимания.

— Поола, — продолжал он, — вы должны сказать мне правду. Вы говорите, что любите меня… но все же сомневаетесь. Я должен знать, в чем состоит это сомнение, я должен знать, что происходит в вашей душе.

Он замолчал и задрожал с головы до ног, но продолжал неумолимо:

— Одному Богу известно, как я признателен за этот драгоценный дар, который я не заслужил, но, говоря, что вы любите меня, вы все же не решаетесь отдать мне вашу руку. Почему? Что тревожит вас? Скажите мне, я должен знать.

— Я не могу объяснить вам причины моих сомнений. Ваша жизнь была исполнена горя и разочарования, печаль близко коснулась вас, и вы вправе оставаться тем мрачным человеком, которого видят все. Я готова разделить с вами все ваши невзгоды…

Его поднятая рука остановила ее.

— Поола! — вскричал он, — вы верите в раскаяние?

Эти слова поразили ее как удар. Медленно от-

ступив, она посмотрела на него, потом опустила голову на грудь.

— Я знаю, как ненавидите вы все греховное, — продолжал он. — Я видел, как вы дрожали при одной мысли о пороке. Так ли велика ваша вера в возрождающую силу Бога, как и ваше отвращение ко злу, делающему необходимым это возрождение?

Она быстро подняла голову, лицо ее просияло, а губы задрожали, в попытке произнести то, что и так уже читалось в ее сияющих глазах.

— Поола, я был бы недостоин называться человеком, если бы, сознавая в себе злую и дурную натуру, я старался лицемерием или притворной добротой завладеть таким исключительно чистым, прелестным и благородным созданием, как вы. Не был бы я также ни на минуту не достоин вашего уважения, если бы в час, когда я искал вашей любви, в моей жизни оставалась тень чего-нибудь дурного, того что впоследствии могло расстроить вас. Моя душа не безупречна, то, что было сделано в прошлом известно только мне и Богу, который, как я уповаю, давно простил мне мои прегрешения. Поола, такие грехи могут быть прощены теми, кто способен понять искушения, которым подвергается человек в молодости. Я

никогда не простил себе, но…

Он замолчал, посмотрел на Поолу и продолжал:

— Сможете ли вы простить человека, который с величайшим стыдом и раскаянием преклонил свою голову перед вами?

— О! — вскричала она, зарыдав от горя и стыда, — да будет Господь милосерден ко мне так, как я сожалею о тех, кто раскаивается в своих грехах и делает добро, а не зло всю оставшуюся жизнь.

— Я думал, что вы сможете простить меня, — прошептал он, глядя на нее, как скряга на золото, выскользнувшее из его парализованной руки. — Дайте мне отереть ваши слезы дочь моя.

Она отскочила как ужаленная.

— Нет, нет, — вскричала она, — я не могу этого больше выносить. Я должна знать, что все это значит. — И она положила руку на свое сердце. — Наверное, Господь не посылает столько любви для того, чтобы преодолевать ее.

Это испытание было выше его сил, но он держался.

— Вы утешаете меня, — сказал он. — Дочь может сделать многое, Поола.

Она сделала шаг к двери, глаза ее сверкнули на него сквозь слезы, нависшие на ресницах.

— Ради меня или себя произносите вы такие слова? — спросила она.

Он собрался, с мужеством, встретил проницательный взгляд прелестных глаз и ответил:

— Я не понимаю вашего вопроса Поола.

Она подошла к нему, вытащила из кармана скомканную бумагу и сказала:

— Вчера я читала два письма, одно от вас, другое от мистера Энсайна. Вот его письмо, хорошее, благородное, но сердце имеет право на выбор, и я была вынуждена отказать ему.

Неумолимой рукой бросила она письмо в огонь камина и медленно повернулась, чтобы выйти из комнаты.

— Поола!

Одним прыжком этот суровый и до сих пор сдержанный человек очутился возле нее.

— Моя дорогая! Моя жизнь!

С безумным непреодолимым движением он схватил ее и прижал к сердцу. Потом тотчас выпустил, благоговейно положил руку на ее голову и тихо сказал:

— Теперь ступайте и помолитесь, и когда успокоитесь, будет это через час или через неделю, придите и скажите мне мою судьбу, как вам откроет ее Господь.

Он улыбнулся, а она тихо ушла в свою комнату.

Сильвестера, все его друзья без исключения, считали человеком гордым. И если бы их спросили, какое чувство их приятелю не свойственно совершенно, то все немедленно заявили бы, что это чувство стыда. Но стыд, открытый глазам света, не похож на тот, который скрыт внутри нас.

Когда шаги Поолы затихли на лестнице и Сильвестер окончательно осознал, что женщина, чья любовь составляет всю его жизнь, готова разделить с ним все тайны и тягости его прошлой жизни, он почувствовал облегчение. Теперь ему не придется сомневаться: «Если бы она знала всю мою жизнь, любила бы она меня так?»

Поэтому, с чувством невыразимой радости, сидел он у камина, как вдруг дверь отворилась и в нее вошел Бёртрем с таким расстроенным видом, что Сильвестер вздрогнул и спросил с испугом:

— Что случилось? Разве мисс Стьюйвесант…

Бёртрем поднял руку, чтобы остановить дядю, подошел к столу, сел и закрыл лицо руками, потом встал, прямо посмотрел на Сильвестера и спросил:

— Знали ли вы, что в нашем банке был вор, дядя Эдвард?

XXXV. Меч упал

— Что ты хочешь этим сказать? — вскричал Сильвестер голосом, громко раздавшимся по всей комнате.

— Я хочу сказать, — ответил Бёртрем, — что, когда мистер Стьюйвесант сегодня отпер свой сейф в банке, он не только нашел замок взломанным, но и денежных бумаг пропало на двенадцать тысяч долларов.

— Что? Это невозможно, — сказал Сильвестер. — В наших хранилищах этого случиться не могло. Он наверняка ошибся.

— Не думаю. Мистер Стьюйвесант сам сказал мне об этом. Он человек аккуратный, слов на ветер бросать не станет. Кто-то обокрал банк, и мы должны узнать кто.

— Только четыре человека имеют доступ к хранилищу с сейфами, — сказал Сильвестер. — Почему мистер Стьюйвесант сказал об этом тебе только сейчас, почему он не объявил об этом нам тотчас, как только узнал о краже.

— Он хотел удостовериться, — отвечал Бёртрем. — Дядя, продолжал Бёртрем, прямо глядя на Сильвестера, мистер Стьюйвесант знает так же,

как и мы, кто имеет доступ в хранилище.

— Днем в банке только Гопгуд, вы, я и Фольджер. Из всех четырех двое стоят вне подозрений. Хотя нет, даже трое, потому что Гопгуду нельзя не доверять. Следовательно, только в одном мы можем сомневаться, в молодом человеке, продвижение которого по карьерной лестнице было таким стремительным. Бёртрем — это вы! — сорвалось с бледных губ Сильвестера.

Но он поднял руку почти с повелительным движением.

— Молчите, — сказал он, не сочувствуйте, не удивляйтесь. Такие факты следует переносить с безмолвным терпением, как если бы мы стояли перед жерлом пушки, от которой не можем уклониться, или перед сверкающим штыком. — Я не говорю, — продолжал он торопливо, — что мистер Стьюйвесант намекнул на что-то подобное, но… Вздох кончил фразу.

— Бёртрем! — опять воскликнул дядя на этот раз повелительным тоном.

— Испуг лишил тебя способности к логическому мышлению. Ты не способен на подобное. Это просто нелепо. Мой разговор с мистером Стьюйвесантом убедит его, если его нужно убеждать, чему я не верю, что ты не можешь быть этим

человеком.

Бёртрем приподнял голову с проблеском надежды, но тот час опустил ее опять с отчаянным движением, которое заставило его дядю нахмуриться.

— Я не подозревал, что ты такой малодушный, — вскричал Сильвестер, — если банк обокрали, не трудно отыскать вора. Я завтра же отправлю туда сыщиков. Виновного найдут непременно.

— Как можно это устроить? Дядя, это дело щекотливое и требует большой осторожности. Если бы еще сейф был взломан, то Гопгуд знал бы об этом.

— Да, и сказал бы.

Тон, которыми были произнесены эти слова, заставил Бёртрема поднять глаза.

— Так вы согласны со мной, что на Гопгуда можно положиться.

— Вполне.

— Он входит в подвал один рано утром.

— Да, и так происходит изо дня в день, вот уже три года. Гопгуд честный человек.

— Так же как и Фольджер, Джессуп и Ватсон, — воскликнул Бёртрем.

— Да, — согласился дядя. Если в банке ворует

кто-то из своих, его можно найти, если это дело рук постороннего — и его можно отыскать. А если даже мы не найдем преступника, твоя репутация так же безукоризненна, как и твоих товарищей, Бёртрем. Такой знаток человеческой натуры, как мистер Стьюйвесант, не будет осуждать человека, не имея против него никаких доказательств. Ты не виновен, так же, как и Фольджер, Джессуп и Ватсон.

— Да, но никто из них не желает жениться на его дочери, — прошептал Бёртрем. — Я боюсь не директора, а отца. Я так мало могу дать моей возлюбленной, если только мою репутацию и мою преданность.

— Соберись духом, мой милый. Я надеюсь, что все окажется нелепой ошибкой. Завтра мы досконально разберемся в этом вопросе. А сегодня… ну, Бёртрем, что это с тобой?

Молодой человек вздрогнул и опустил глаза, которые во время последних слов дяди были устремлены на него с какой-то странной тоской.

— Ничего, — ответил он и встал, чтобы уйти.

Но Сильвестер протянул руку и остановил его.

— Нет, что-то еще тревожит тебя, — сказал он, — я это сразу понял, глядя на твое лицо, как только ты вошел сюда. Что случилось?

Молодой человек глубоко вздохнул и опустился в кресло.

Сильвестер смотрел на него и бледнел.

— Вы правы, — прошептал наконец его племянник, — есть кое-что еще, и справедливость требует, чтобы вы это узнали.

— Рассказывай немедленно, — повелительно вскричал дядя.

— Это не займет много времени, — сказал Бёртрем, — несколько слов объяснят вам положение, в каком я нахожусь. Вы знаете, в каком темном месте находится дом мистера Стьюйвесанта. Можно спрятаться где угодно, так что вы и не заметите никого до тех пор, пока какой-нибудь звук не привлечет вашего внимания. Поэтому я был очень испуган, когда выходя из дома мистера Стьюйвесанта, почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, я увидел возле себя человека высокого нечесаного, с густой бородой и глазами, лихорадочно сверкавшими в темноте.

— Вы мистер Сильвестер, — сказал он с видом хищного зверя, собирающегося броситься на свою добычу.

— Да, — ответил я, невольно отступая, — я Сильвестер.

— Я желаю говорить с вами, теперь, сейчас, по

делу, касающемуся вас.

Я думал в эту минуту только об одном деле и, отступив еще дальше, с удивлением смотрел на него.

— Но я вас не знаю, ответил я.

— Узнаете, если мы зайдем в какое-нибудь тепленькое местечко, — сказал он, дрожа от холода в своем тонком плаще.

— Ступайте вперед, — ответил я, — и посмотрим.

Он тотчас повиновался, и таким образом мы дошли до кофейни Биля.

— Теперь скажите скорее, что вам нужно, — сказал я, — мне некогда, да я и не желаю слушать всякую ерунду.

Глаза его сверкнули; он даже не взглянул на дымившиеся угощения, расставленные на столе, хотя я видел, что он голоден как собака.

— То, что я вам скажу, не пустяки, — ответил он, — более двух лет я разыскиваю вас, для того чтобы напомнить вам об одном небольшом происшествии. Вы помните двадцать пятое февраля, два года тому назад?

— Нет, — ответил я с удивлением, — почему я должен помнить этот день?

Он улыбнулся и наклонился ко мне.

— И вы не помните разговор в ресторане в Дейской улице, с господином, у которого был такой пронзительный голос, что вы должны были постоянно увещевать его говорить потише?

Я вытаращил глаза на этого человека, думая, что имею дело с сумасшедшим.

— Я никогда не обедал в ресторане на Дейской улице, — объявил я.

— Ведь вы человек богатый, гордый и уважаемый, — продолжал незнакомец. — Вы занимаете высокий пост, и вас считают достойным его; как вам понравится, если люди узнают, что вы совершили когда-то низкий поступок и что эти белые руки, которые теперь оперируют такими большими суммами, не так давно получали подобные суммы мошенническим путем; словом, что вы, Бёртрем Сильвестер, кассир Медисонского банка, ожидающий разных почестей и повышений, когда-то могли угодить в более подходящее для подобных людей место — а именно в тюрьму?

Я не схватил его за горло, я был слишком поражен, для того чтобы выражать негодование. Я просто вытаращил на него глаза, чувствуя испуг при воспоминании о моей последней встрече с мистером Стьюйвесантом и начиная предполагать возможность какого-то заговора против

меня. Незнакомец опять улыбнулся, видя произведенный эффект, и увел меня в угол, где мы сели.

— Я расскажу вам историю, — сказал он, — чтобы показать вам, какая у меня хорошая память.

Однажды, два года тому назад, я вошел в ресторан на Дейской улице. Я не всегда был таким, каким вы видите меня теперь, хотя, сказать по правде, был немногим лучше в то время, о котором говорю, кроме того, что в кармане у меня было на что пообедать. Хозяин был мой знакомый, и, видя, что мне хочется столько же спать, сколько и есть, повел меня в темный чулан, где я свернулся между старым мусором и заснул. Меня разбудил звук голосов, споривших о чем-то очень горячо. Чулан, в котором я лежал, был сколочен из досок, и разговор сидевших у стены легко было расслышать. Желаете вы знать, в чем состоял этот разговор?

Любопытство мое было возбуждено, и я ответил утвердительно. Если это был заговор, чтобы вытребовать от меня денег, для меня, конечно, лучше было знать, на чем он основывался. Мне показалось, что человек этот был удивлен, однако продолжал:

— Я только по голосам мог судить о возрасте, ха-

рактере и положении разговаривавших, но слух у меня тонкий, и память никогда не изменяет. По медленному, прерывистому, тревожному голосу одного я заключил, что он человек пожилой, в затруднительных обстоятельствах и не очень совестливый; другой голос показывал джентльмена, был музыкален и вместе с тем резок, его забыть нелегко, как вы видите, сэр. Первые слова, которые я услышал, убедили меня, что слушать стоит. Их произносил джентльмен.

— И вы пришли ко мне с таким грязным делом? Какое вы смеете предполагать, что я буду слушать вас?

— А такое право, — ответил другой, — что я знаю, какие грязные дела совершали вы в вашей жизни.

Перегородка затрещала при этом, как будто кто-то наклонился вперед, но я не услышал ответа на это странное обвинение.

— Неужели вы думаете, — продолжал тот же голос, — что я не знаю, откуда взялись пять тысяч долларов, которые вы мне дали на первую спекуляцию? Я это знал, когда их взял, и если бы операция оказалась неудачна, вы не занимали бы теперь такое положение. Эти деньги вы взяли из суммы, вверенной вам, это не был подарок

родственника, как вы уверяли меня.

— Великий Боже! — воскликнул другой после молчания, — и вы…

— Это обсуждать мы не станем, — перебил другой, более грубый голос. — Вам нужен был стартовый капитал, чтобы положить начало, чтобы стать успешным человеком, вы этого достигли. Я никогда не беспокоился о нравственности, не стану делать этого и сейчас. Только когда вы говорите, что не поможете мне в том, что может удвоить мой капитал, потому что это кажется вам грязным, я напоминаю вам то, что я знаю о вас, и не вам говорить мне о добродетели.

— Я справедливо наказан, — произнес другой, — и мое сегодняшнее положение является достаточным искуплением всех моих предыдущих деяний.

— Вы сделаете то, о чем я вас прошу? — спросил другой, не обращая внимания на эти слова.

— Нет, — было категоричным ответом, — если я не идеален, это не означает, что я должен вступать на путь обмана. Я дам вам денег, как давал уже много раз, но не стану помогать плану, который может навлечь на меня бесславие. Не будь вы со мной в родстве…

— Вы поможете мне, — продолжал другой, — вы

отвергаете мой план только потому, что знаете, что у меня нет прямых доказательств. Но, я найду…

— Нет, — перебил тот резко, — вы уйдете отсюда и не станете компрометировать ни меня, ни себя. Вы не должны напоминать мне о прошлом. Я давно начал новую жизнь, жизнь честную и чистую. Не только мое собственное счастье, но и счастье дорогой вам особы зависит от того, чтобы я продолжал вести подобную жизнь и дальше. Если вам нужно несколько тысяч долларов, для того чтобы уехать отсюда, скажите, но никогда не берите на себя смелость оскорблять меня подобными предложениями.

— И тот малодушный человек, сэр, ничего больше не сказал богатому и уважаемому, который не позволял даже и намекать на его вину. Но я был любопытен и принял намерение разыскать этого человека и разузнать в чем дело. К несчастью, я слишком заботился о том, чтобы остаться незамеченным, и не вышел из чулана, пока разговор не был кончен, так что опоздал и не мог узнать этих людей в числе уходивших из ресторана. К счастью, я никогда не забываю голосов, кроме того, один из собеседников произнес необычную фразу, в ответ на какую-то очередную угрозу

пожилого человека, и ту же самую фразу произнесли и вы час тому назад. «Такие пустячки не удержат меня».

Я узнал ваш голос, а когда услышал ваше высказывание, понял, что наконец нашел того, кого так долго искал.

— Дядя, в жизни происходят события, изменить которые мы не в силах. Со мной случилось именно такое. Я оказался в тупике. Опровергать обвинения было бессмысленно. Я чувствовал, что ядовитая змея обвила меня своими кольцами, и не знал, что лучше: бороться или просто покориться. Человек этот заметил, какое впечатление произвел на меня, и самодовольно сложил руки на груди. Его взгляд напоминал взгляд голодного волка, но он был готов ждать так долго, сколько это было необходимо.

— Ваша история абсолютная выдумка, — сказал я наконец, — я всегда был честным человеком; и продолжаю таким оставаться и по сей день.

— Так вы хотите, — сказал он, чтобы я повторил эту историю одному из директоров вашего банка?

Я посмотрел на него, он встретил мой взгляд с холодной небрежностью, показывавшей твердое намерение. Я окинул глазами его поношенное

платье, растрепанные волосы и бороду.

— Да, — сказал я с усмешкой, — попробуйте.

Он тотчас выпрямился.

— Вы думаете, — сказал он, — что имеете дело с обыкновенным авантюристом, что моя внешность не внушит доверия вашему руководству, и такого оборванца, как я сейчас же вытолкают взашей. Мистер Сильвестер, я беден, но не глуп. Когда я вышел из ресторана на Дейской улице, двадцать пятого февраля, два года тому назад, у меня в кармане лежал запечатанный конверт, в котором лежала бумага, где было написано все, что я слышал в тот день. Этот конверт я отнес в контору стряпчего, и так как в то время у меня были деньги, я убедил его оставить у себя на хранение этот документ, содержание которого он не знал. И это засвидетельствовал, по моей просьбе, господин, находившийся у стряпчего, и что удивительно — этот господин оказался директором того банка, где вы служите теперь кассиром.

— Как его зовут? — спросил я.

— Стьюйвесант! — вскричал незнакомец, устремив на меня твердый взор.

Я встал, мне нужно было время, чтобы подумать и посоветоваться с вами. Я только остановился, чтобы сказать ему:

— Вы человек предприимчивый и изворотливый. Ваша предприимчивость могла бы помочь вам заработать на кусок хлеба, но ваши дурные качества приведут вас или в тюрьму, или на виселицу. А о себе я еще раз повторю, что всегда был честен, как бы вы ни уверяли меня в обратном. Может быть, мне понадобится опять увидеть вас, где я вас найду? Он вынул из кармана бумажку и подал мне ее с поклоном, которым восхитился бы Честерфилд.

— Тут написано, — сказал он, — что я буду ждать вас завтра до семи часов. В этот час стряпчий, о котором я говорил, пошлет мое письмо к мистеру Стьюйвесанту.

Я кивнул головой, и он медленно пошел к двери. Мимоходом глаза его упали на хлеб, лежавший на прилавке. Я тотчас подошел и купил его ему. Как он ни был гнусен, я не мог видеть волчьего голода в его глазах и не предложить ему куска хлеба. Он взял хлеб из моих рук, жадно откусил, но покачал головой с упреком самому себе и пошел к двери. Как только он скрылся из глаз, я спросил хозяина кофейни:

— Вы видели этого человека? Он пробовал обманом выманить у меня деньги.

Довольный, что таким образом приобрел

свидетеля для того, чтобы доказать факт вымогательства в случае необходимости, я ушел. Теперь вы знаете все.

После этих слов последовало продолжительное молчание.

— Бёртрем?

Молодой человек вздрогнул и взглянул на дядю.

— У тебя с собой та бумажка, которую тебе отдал этот человек?

— Со мной.

— Дай мне.

Молодой человек засунул руку в карман, вынул бумажку и положил ее на стол. Сильвестер не взял ее, и опять наступило молчание.

— Случись это в другое время, — продолжал Бёртрем, — можно бы дать этому человеку волю говорить, что он хочет, но теперь, это совсем некстати.

Дядя опустил руку, которой до сих пор закрывал лицо, и взглянул на племянника.

— Тебе достаточно продолжить заниматься своими привычными делами, а это происшествие следует оставить без внимания. Человек, обворовавший сейф мистера Стьюйвесанта будет найден. Это дело я поручаю тебе. Не жалей ни

денег, ни сил на это. Я надеюсь, что ты успешно доведешь это дело до конца. Берешься?

— Вы еще сомневаетесь? — прошептал молодой человек.

— А то, другое дело оставь пока в покое. Завтра мы вряд ли что-то узнаем. А теперь постараемся успокоиться; нам обоим это необходимо.

Бёртрем встал. Сильвестер взял его за руку и долго и пристально на него смотрел. Бёртрем ожидал, что он заговорит, но Сильвестер только крепко пожал руку племянника, а бумажка так и осталась лежать на столе непрочитанной.

В эту ночь, когда Поола только что заснула, по дому раздался какой-то звук; он походил на крик отчаяния, и бедная девушка, услышав его, вскочила, ей послышалось ее имя. Но когда она прислушалась, все было тихо; думая, что ей пригрезилось, она, прошептав имя, самое дорогое для нее в свете и опять спокойно заснула.

Но тот, чей крик она услышала в унылой пустоте больших комнат, не спал.

XXXVI. Утро

Сисилия Стьюйвесант, ожидая отца на лестнице утром после этих событий, представляла трогательное и красивое зрелище. Она спала нехорошо в эту ночь, и на лице, и дрожащих губах виднелись признаки волнения. Она держала в руке письмо. Утро было прекрасное, но она не замечала этого.

— Почему он не идет, — шептала она, глядя на письмо.

Оно был написано рукою Сильвестера и по большому счету, это не должно было бы ее тревожить, но ей не понравилось то, что отец накануне категорически заявил, чтобы она не показывалась в гостиной, как только придет Бёртрем.

Наконец отец пришел; слегка покраснев, она подала ему письмо.

— Это письмо вам, папа. Я думала, что вы захотите прочесть его, прежде чем уедете. Стьюйвесант, который имел угрюмый вид, взял письмо из рук дочери и пошел в гостиную прочесть. В письме было следующее:

«Любезный мистер Стьюйвесант. Я слышал о вашей пропаже и изумлен. Мы с Бёртремом ре-

шили приложить всевозможные усилия, чтобы отыскать и наказать вора. Поэтому мы просим вас, чтобы вы приехали в банк пораньше, чтобы помочь навести справки и принять необходимые меры для достижения нашей цели. С уважением, ваш Эдвард Сильвестер».

— Что-нибудь важное? — спросила дочь, войдя в гостиную и глядя на отца очень пристально, так что он не мог этого не заметить.

Он бросил на нее быстрый взгляд, покачал головой и торопливо спрятал в карман письмо.

— Дела, — пробормотал он, — дела.

И, не обращая внимания на вздох, вырвавшийся у его дочери, он начал собираться ехать в банк. Он всегда был очень неловок в таких вещах, и дочь привыкла помогать ему. Она подала ему пальто, поднялась на цыпочки, чтобы завязать шарф, наклонилась посмотреть, хорошо ли застегнуты галоши. Неожиданно отец притянул ее к себе, поцеловал в лоб, повернулся и уехал, не сказав ни слова в объяснение этого необыкновенного проявления нежности.

Поцелуй был таким непривычным явлением в этом сдержанном семействе, что девушка задрожала.

— Произошло что-то ужасное, — прошептала

она, — но что?

А что в это время делала ее дорогой друг и поверенная Поола? Утро, как уже говорилось ранее, было прекрасное, солнечный свет наполнял воздух, свежий ветерок был живителен. Сисилия оставалась слепа ко всему этому, но когда Поола выглянула из окна, прежде чем сошла вниз, внимательный наблюдатель мог бы приметить, что безоблачное небо отражалось в ее сияющих глазах, спокойствие наполняло душу. Она имела продолжительный разговор с мисс Белиндой, после которого помолилась, заснула и встала с любовью в сердце к человеку, который всегда составлял предмет ее обожания.

— Я так ясно покажу ему, что мне сказали ангелы, — прошептала она, что ему не будет надобности и спрашивать.

Она причесала свои волосы, так как он любил, приколола к груди розу и с улыбкой на губах сошла вниз.

Первый взгляд, брошенный в столовую, разочаровал ее.

Сильвестер уже позавтракал и уехал; только тетушка Белинда сидела за столом. Слегка взволнованная, Поола подошла к своему месту.

— У мистера Сильвестера сегодня есть очень

важное дело, — сказала тетка. — Я встретила его, он уехал, когда я спустилась вниз.

Она не сводила глаз с Поолы, говоря это, и не будь тут слуг, она, без сомнения, сказала бы, как ее поразило грустное, твердое и почти надменное выражение глаз Сильвестера.

— Он очень занят, — просто ответила Поола и замолчала, пораженная тайным волнением, которого не могла объяснить.

Вдруг она увидела на столе конверт, адресованный ей. Торопливо отойдя к окну, Поола распечатала конверт. В нем лежал ключ, а в письме заключалось следующее: «Если я не напишу вам ничего и не вернусь к семи часам, ступайте в мою комнату, от которой я даю вам этот ключ, откройте мой письменный стол и прочтите, что я приготовил для вас. Э.С.».

XXXVII. Мнение известного сыщика

Между тем Стьюйвесант ехал в банк. Там он нашел Сильвестера и Бёртрема в комнате директоров с каким-то незнакомым дородным человеком.

— Это частный сыщик, — объяснил Сильвестер, вставая с принужденным спокойствием, — на мнение которого, как мне сказали, мы можем положиться. Мистер Грайс, мистер Стьюйвесант.

Банкир кивнул головой, бросил взгляд вокруг комнаты, глаза его на минуту остановились на бледной физиономии Бёртрема, и сел.

— Ну что ж, — сказал сыщик, — для начала позвольте узнать номер недостающих бумаг.

Стьюйвесант сказал ему.

— Вы точно уверены, что эти бумаги находились в сейфе, когда вы его заперли?

— Да.

— Когда это было? В какой день и в котором часу?

— Во вторник около трех часов.

— Вы сами заперли сейф?

— Сам.

— Где вы стояли в то время?

— Напротив двери хранилища. Я сам вытащил сейф, как обычно, и сам поставил его на место.

— Был кто-нибудь тогда возле вас?

— Да. Кассир сидел за своей конторкой и счетовод подходил к несгораемому шкапу, пока я там стоял. Больше поблизости себя я не видел никого.

— Я сообщил мистеру Грайсу, — вмешался Сильвестер таким звучным голосом, что Стьюйвесант вздрогнул, — что самое главное, что мы хотели бы узнать — совершил ли преступление кто-то посторонний или это дело рук служащих банка.

Стьюйвесант устремил глаза на непроницаемое лицо сыщика.

— Значит вы согласны с этими господами, — кивнул сыщик в сторону Сильвестера и его племянника, — что практически невозможно, для человека постороннего войти в хранилище и унести что-нибудь незаметно.

— А оба эти господина утверждают именно это? — спросил Стьюйвесант, пристально взглянув на Бёртрема. — Мне не хотелось бы верить в то, что вор — кто-то из сотрудников банка, но я соглашусь с мнением этих господ, так как я не могу представить каким образом кражу мог совершить посторонний. Если бы украли все

содержимое сейфа, тогда другое дело.

Я помню, как мой старый друг мистер А., начальник полиции, рассказывал мне, что однажды сейф с двумястами тысячами долларов был украден днем из хранилища одного из самых крупных наших банков; это был такой дерзкий поступок, что директора долго не могли поверить в это. Но войти в открытое хранилище, схватить сейф и унести его — легче, чем открыть его и взять из него часть бумаг. Впрочем, я не беру на себя смелость составить об этом деле какое-нибудь мнение.

Сыщик, выслушавший его речь с заметным вниманием, спросил, только ли бумаги мистера Стьюйвесанта пропали из банка. Не были ли взломаны и другие сейфы, и не тронут ли сам несгораемый шкап.

— Шкап цел, — сказал Сильвестер, — мистер Фольджер, мой племянник и я осматривали его сегодня. А о других сейфах я ничего не могу сказать, многие принадлежат людям, которые в настоящий момент отсутствуют в городе, другие оставлены здесь душеприказчиками, и следовательно, часто стоят в хранилище по несколько недель. — Не угодно ли вам осмотреть?

Сыщик кивнул головой.

Сильвестер тотчас обратился к Стьюйвесанту:

— Могу я просить вас назначить кого-нибудь из служащих банка, что сопроводить мистера Грайса в хранилище?

Стьюйвесант вздрогнул, тревожно осмотрелся вокруг, но, встретившись с глазами Бёртрема, опустил свои глаза и пробормотал имя Фольджера.

Сильвестер подавил вздох, послал за Фольджером и сообщил ему о приказе начальника.

Он тотчас пошел в хранилище. Когда он ушел, Грайс сделал следующее заявление:

— Господа, вы хотите, чтобы я сказал вам, посторонний или сотрудник банка совершил кражу. Для того чтобы как можно быстрее найти ответ на этот вопрос, я хотел бы спросить, существуют ли у вас причины сомневаться в честности кого-либо из служащих в банке.

— Нет, — резко и громко ответил Сильвестер, — с тех пор как я имею честь управлять делами этого банка, я поставил себе в обязанность наблюдать за каждым из служащих и считаю всех их честными людьми не способными на преступление.

Взгляд сыщика спрашивал мнение других присутствующих.

Бёртрем, заметив это, сдержал быстрое биение

своего сердца и сказал так же уверено:

— Я служу в банке столько же сколько и мой дядя, и искренне разделяю его мнение о всех служащих.

— По моему мнению, все люди честны, пока не докажут обратного — сурово и коротко ответил Стьюйвесант.

Сыщик встал со своего места.

— И еще кое-что, — продолжил он. — Скажите, а могла ли произойти кража после того, как банк закрыли и служащие разошлись по домам?

— Нет, — ответил Сильвестер уверенно. — Охранник, который служит в банке уже двенадцать лет, не может открыть вход в хранилище. Для того чтобы сделать это, необходимо знать комбинацию цифр, посредством которой отворяются двери хранилища, а это знают только три человека в банке.

— Какие именно?

— Кассир, швейцар и я.

Сильвестер старался говорить спокойно, но сыщик уловил волнение в его голосе. — Швейцар проживает в банке, я полагаю? — спросил он.

— Да, и я уверен, что мистер Стьюйвесант подтвердит мое мнение в его непоколебимой честности.

— Швейцары всегда честны, — заметил сыщик, — давно он служит у вас?

— Три года.

— Не так долго, учитывая ответственность его положения.

— Прежде он служил в полиции, — заметил Сильвестер. — Он начал работать в банке, одновременно со мной и моим племянником и за это время успел уже заслужить уважение всех окружающих.

Сыщик кивнул; на него, по-видимому, произвело впечатление достоинство, с каким были произнесены последние слова, но тот, кто знал его хорошо, заметил бы, что туман неизвестности, до сих пор омрачавший его взгляд, исчез, как будто в тоне Сильвестера, если не в смысле его слов, он нашел ответ на какой-нибудь вопрос, волновавший его.

— Вы говорите, что швейцар знает комбинацию, с помощью которой открывается дверь хранилища?

— Дверь хранилища, — выразительно заметил Сильвестер. — Но не шкап, который стоит там и запирается тройной комбинацией, которая не известна никому в этом банке, даже мне.

— Но сейфы стоят не в шкапе?

— Нет. Они стоят вместе с книгами в подвале возле шкапа, как вы увидите, если пожалуете к мистеру Фольджеру.

— Для это нет никакой необходимости. Значит, только швейцар, кроме вас, может после закрытия банка доступ к сейфам?

— Да.

— И еще один вопрос. Кто следит за этими сейфами, то есть кто заходит в хранилище за сейфом и потом ставит его на место?

— Гопгуд, обыкновенно, делает это, швейцар, о котором мы говорим, а когда его нет, то кто-нибудь другой.

— Следовательно, швейцар имеет свободный доступ к сейфам в любое время, и днем и ночью?

— Да, но если он решит открыть хранилище ночью, то охранник доложит об этом.

— Но наверняка между открытием и закрытием банка существует время, когда швейцар остается в хранилище один.

— Да, с семи и до девяти часов утра, когда охранник уходит домой, а Гопгуд занимается уборкой помещений.

— А охранник со швейцаром в хороших отношениях?

— Они друзья.

Сыщик задумался.

— Мне хотелось бы поговорить с Гопгудом, — заметил он.

Но в эту минуту дверь отворилась и вошел бледный и расстроенный Фольджер.

— Я обнаружил еще два вскрытых сейфа, — сказал он, подходя к столу, около которого все сидели. — Один, принадлежащий «Гиксу, Зальцеру и К.», а другой Геррингтону. Первый сломан, второй открыт каким-то инструментом. Угодно вам взглянуть, сэр? — обратился он к Сильвестеру.

Тот вскочил и тотчас опять сел.

— Хорошо, — ответил он, старательно избегая глаз племянника. — Принесите их.

— «Гикс, Зальцер и К.» — дом иностранный, — заметил Стьюйвесант сыщику, — и присылает за своим сейфом раз в две недели, как я слышал от мистера Сильвестера, мистер Геррингтон находится сейчас в Южной Америке.

Потом, понизив голос, суровость которого была смешана с угрюмостью, он прибавил:

— Вор знал, какие сейфы вскрывать.

Бёртрем вспыхнул и пытался что-то возразить, Сильвестер и сыщик промолчали. Сейфы принесли, Грайс без церемонии открыл их. В глаза

его бросились бумаги; но, разумеется, он не мог заключить, украдено что-нибудь или нет.

— Пошлите за нью-йоркским агентом «Гикса, Зальцера и К.», — приказал Сильвестер. Бёртрем тотчас встал.

— Я пошлю, — сказал он.

Волнение его было так велико, что он не мог его обуздать, выражение глаз Стьюйвесанта, переводивших взгляд с одного собеседника на другого, но не останавливавшихся на нем, смущало его невыразимо. Он торопливо вышел из комнаты. Холодные глаза сыщика последовали за ним.

— Я надеялся, что дело началось и закончится только моей потерей, — продолжал Стьюйвесант.

Величественный президент и непроницаемый сыщик все еще хранили молчание. Вдруг сыщик встал. Он подошел к Сильвестеру и попросил его отойти с ним к окну.

— Я хочу взглянуть на ваших служащих, — шепнул он, — но так, чтобы я оставался для них незаметным. Если можно, приглашайте их сюда по одному под каким-нибудь предлогом, а я встану за этими ширмами у камина, которые с одной стороны скроют меня, а с другой позволят хорошо рассмотреть их лица в это зеркало.

— Хорошо, — сказал Сильвестер. — Если вы думаете, что это поможет в расследовании.

— Я уверен в этом. И пусть обязательно присутствует кассир; спрашивайте у них что угодно. Я сужу о людях не только по выражению их лица, но и по голосу.

Сильвестер поклонился и, не теряя своего самообладания, хотя намек на Бёртрема очень изумил его, подошел к столу, где Фольджер все еще стоял, разговаривая с директором.

— Я не стану задерживать вас больше, — сказал Сильвестер. — Надеюсь, все, что здесь произошло останется строго между нами.

И затем прибавил небрежно.

— Я хочу переговорить с Джессупом, попросите его зайти ко мне.

Фольджер кивнул головой и вышел. Грайс поспешно спрятался за ширмой. Стьюйвесант с удивлением поднял глаза.

— Я приглашаю сюда клерков по просьбе мистера Грайса, — сказал Сильвестер. — Не угодно ли вам пока почитать новости?

— Благодарю, — ответил Стьюйвесант, — я займусь моими делами.

И сев на дальнем конце стола, он вынул из кармана записную книжку и склонился над ней

с хорошо разыгранным вниманием.

Сильвестер позвал Бёртрема и сам сел с каким-то безнадежным выражением на лице, забыв, что оно отразится в зеркале для глаз наблюдательного сыщика. Вошел Джессуп.

То, о чем шла речь во время этой краткой беседы, не имеет значения. и, неважно. Правдивые глаза и честное лицо Джессупа, говорили сами за себя. Не было необходимости задерживать его. Потом пришел Ватсон, за ним другие клерки, потом приемщик, и все оставались настолько, что Грайс мог хорошо рассмотреть их лица и слышать ответы на вопросы, задаваемые им Сильвестером.

Когда ушел последний, Грайс выглянул из-за ширмы.

— На вид все честнейшие и порядочнейшие люди, — произнес он. — А где же швейцар Гопгуд?

— Его сейчас пригласят, если это необходимо, — сказал Сильвестер.

— Да, я очень хотел бы услышать, что скажет Гопгуд, — ответил сыщик и снова спрятался за ширмой.

Но только Сильвестер протянул руку, чтобы вызвать швейцара, как вошел агент Гикса, Зальцера и К. Поклонившись ему со своей обычной

сдержанностью, Сильвестер обратил его внимание на сейф, стоявший на столе.

— Это же ваш сейф, сэр, — сказал он, — сегодня он был найден в нашем хранилище вскрытым неизвестным преступником. Мы хотели бы узнать, пропало ли что-нибудь из него.

— Все перерыто, — ответил агент, внимательно осмотрев бумаги, заполнявшие сундук, — но ничего, кажется, не пропало.

Три человека в комнате вздохнули свободнее.

— Дело в том, — продолжал агент, с улыбкой обращаясь к президенту банка, — что в этом сейфе не было ничего такого, что могло быть важно другим, кроме нас. Будь тут денежные бумаги, я сомневаюсь, отделались ли бы мы так счастливо?

— Чья это вина, мы пока еще не знаем, — сурово заметил Сильвестер.

Потом, выразив свое удовлетворение, что ничего не пропало, он отпустил агента. Как только он ушел, Стьюйвесант встал.

— Вы сейчас планируете переговорить с Гопгудом? — спросил он, убирая в карман свою записную книжку.

— Да, сэр, если вы ничего не имеете против этого.

Директор подошел к двери.

— Мне кажется, вам лучше побеседовать с ним наедине, он человек робкий и как будто боится меня. Я выйду, пока вы будете с ним разговаривать.

Но Сильвестер с густым румянцем на лице торопливо остановил его.

— Я прошу вас остаться, — сказал он, быстро сообразив, что Гопгуд может наговорить лишнего, если его не удержит присутствие директора. — Гопгуд не до такой степени вас боится, чтобы не ответить на каждый вопрос прямо и чистосердечно.

И он с улыбкой придвинул Стьюйвесанту стул так, что тот счел неудобным не согласиться. Ширма слегка зашевелилась, но никто не обратил на это внимания; Сильвестер попросил пригласить Гопгуда. Он пришел запыхавшись.

— «Он нам не поможет», — подумал Бёртрем, взглянув сначала на швейцара, потом на дядю, а потом опустив глаза на стол.

— Гопгуд, я должен задать вам несколько вопросов, — сказал Сильвестер сдержанным, но довольно ласковым тоном.

Швейцар поклонился, вытаращил глаза на Стьюйвесанта и почтительно ждал.

— «Нет, он не может нам помочь», — опять подумал Бёртрем, и опять глаза его поднялись на лицо дяди и потом тревожно опустились.

— Я не хотел приставать к вам с расспросами, — продолжал Сильвестер. — Вы всегда выполняли свою работу безукоризненно, но сегодня мне хотелось бы вас спросить, не заметили ли вы что-нибудь странное в хранилище? Может быть что-то было не так с сейфами, стоявшими там? Или что-то еще, что могло возбудить ваше подозрение? Румяное лицо швейцара побледнело, а глаза его с испугом устремились на сейф Герринг-тона, все еще стоявший на столе.

— Нет, сэр, — ответил он, — разве…

Но Сильвестер не дал ему договорить.

— Вы как и раньше добросовестно выполняли свои обязанности? Не позволяли никому входить в хранилище ни днем ни ночью? Вы не ослабили вашей обычной бдительности и не оставляли банк в те часы, когда он оставался только под вашим надзором?

— Ни на одну минуту, сэр, то есть…

Он замолчал, и глаза его обратились на Стьюйвесанта.

— Ни на одну минуту, сэр, — продолжал он, — если только в банке не оставался кто-нибудь

еще.

— А охранник приходил на работу каждую ночь в обычное время?

— Да, сэр.

— Вы не забывали запирать хранилище после ухода клерков?

— Нет, сэр.

— И открывали в обычное время каждое утро?

— Да, сэр.

Еще один вопрос…

— Вы человек надежный, — продолжал президент, — но даже самые добросовестные люди иногда совершают ошибки. Не открыли ли вы кому-нибудь ту комбинацию, по которой открывается дверь хранилища?

— Нет, сэр; я слишком хорошо понимаю мою ответственность.

— Очень хорошо, — сказал он, хотя голос его, звучал разочарованно.

В этот момент дверь отворилась.

— Один господин желает видеть мистера Стьюйвесанта, — сказал чей-то голос.

С видом облегчения директор поспешно встал, вышел из комнаты и затворил за собой дверь.

Швейцар поспешно сделал шаг вперед и вскричал:

— Этот сейф нашли открытым? Кто-то заходил в хранилище, а я… Ах! Сэр, — торопливо воскликнул он, в своем волнении не обращая внимания на суровый взгляд Сильвестера. — Вы просили, чтобы я никому не рассказывал о том, как вы рано утром приходили в банк, а я ушел и оставил вас одного. А вы спустились в хранилище и по ошибке открыли сейф мистера Стьюйвесанта, помните зубочистку?

В зеркале отразилось в эту минуту очень бледное лицо, но ширма, зашевелившаяся минуту тому назад, теперь была неподвижна.

— Нет, — наконец сказал Сильвестер со спокойствием, удивившим его самого. — Я спрашиваю вас не о том, что было год тому назад. Но вы можете рассказать об этом, если хотите, это все легко объяснимо.

— Да, сэр, я знаю и прошу извинения, что я об этом упомянул, но я так оторопел от ваших вопросов, я хотел сказать правду, и вместе с тем мне не хотелось бы сказать при мистере Стьюйвесанте то, что было бы неприятно вам. Надеюсь, что я поступил как следует, — пролепетал он, сознавая, что лучше было не произносить этих слов, но не зная как выпутаться из затруднительного положения, в которое он попал из-за своего

чрезмерного усердия.

— Я никогда не умел отвечать на вопросы, а если действительно случилось что-нибудь серьезное, я жалею, что вы тогда отпустили меня. Констанции Марии, может быть, стало бы хуже, но мне не пришлось бы отвечать на вопросы и…

— Гопгуд!

Он вздрогнул, взглянул на бледного Сильвестера и замолчал.

— Вы придаете слишком большое значение делу, происшедшему по ошибке и которое, как я сказал, легко объяснить. Дело, случившееся теперь, не так ясно. Три сейфа были вскрыты и из одного похищены денежные бумаги. Не можете ли вы помочь нам в поисках виновных?

— Нет, сэр.

Гопгуд сказал это смиренным тоном и отступил к двери.

— Что же касается ошибки, случившейся год тому назад, я сам скажу мистеру Стьюйвесанту, раз вы до сих пор так беспокоитесь об этой незначительной оплошности. Гопгуд еще раз бросил взволнованный взгляд на сейф, стоявший на столе, и вышел из комнаты.

Сильвестер тотчас подошел к ширме, отодвинул ее и сказал:

— Теперь вы видели всех служащих в банке и слышали их ответы. Не желаете ли вы еще расспросить о чем-нибудь, прежде чем скажете ваше мнение?

— Нет, сэр. — ответил сыщик, медленно и довольно нерешительно выходя из-за ширмы. — Мне кажется, я…

Тут дверь отворилась, и Стьюйвесант вернулся. Сыщик вздохнул с облегчением и повторил:

— Мне кажется, нет я почти уверен, что кражу совершил кто-то из служащих банка. — Это все, что вы хотели от меня узнать? — спросил он, церемонно поклонившись Сильвестеру.

— Да, — ответил тот коротко.

Но в одно мгновение в его величественной фигуре произошла перемена. Он подошел к Грайсу, и заметил довольно сурово:

— Это серьезное обвинение против людей, которых вы сами назвали честными. Вы уверены в своих обвинениях?

— Мистер Сильвестер, — ответил сыщик с достоинством, — я не из тех людей, которые говорят что-то предварительно не взвесив все за и против. Сильвестер поклонился и обратился к Стьюйвесанту.

— Не хотите ли вы сказать что-нибудь отно-

сительно этого дела? — спросил он твердым голосом.

Бросив взгляд на сейф отсутствующего Геррингтона, взволнованный директор медленно покачал головой.

— Мне надо время подумать, — сказал он.

Грайс тотчас взял свою шляпу.

— Господа, вы должны признать, что выводы, сделанные мною, не очень-то разнятся с вашими подозрениями.

После этого он поклонился и вышел из комнаты.

Сильвестер и Стьюйвесант взглянули друг на друга.

— Он говорит правду, — сказал Сильвестер. — Вы кого-то подозреваете, мистер Стьюйвесант?

— Я не хотел этому верить, — торопливо возразил тот, но факты……

— Разве факты такого рода могут иметь вес в ваших глазах по сравнению с незапятнанной репутацией человека, никогда не совершавшего ни одного бесчестного поступка?

— Нет, но, факты остаются фактами, и если доказано, что кто-то из служащих у нас совершил это злодеяние, невольно начинаешь спрашивать кто, пока не узнаешь правды.

— А что если мы не узнаем этого никогда? Мы должны продолжить расследование, — сказал Сильвестер, — пока не узнаем кто преступник. Надзор над каждым служащим в банке должен рано или поздно раскрыть истину. Полиция возьмется за это.

Стьюйвесант занервничал.

— Я понимаю, что этого требует справедливость, — сказал он, — но я был бы рад избежать огласки.

— И я, но обстоятельства не допускают ничего другого. Невинный не должен страдать за виновного.

— Да, да, разумеется.

И директор торопливо стал искать пальто и шляпу.

Сильвестер смотрел на него с возрастающей грустью.

— Мистер Стьюйвесант, — сказал он, — мы всегда были в дружеских отношениях. Вы простите меня, если я вас попрошу дать мне вашу руку?

Директор казался удивлен, но протянул руку не только с охотой, но с очевидным дружелюбием.

— Прощайте, сказал он, — прощайте.

Сильвестер пожал ему руку и с поклоном, исполненным достоинства, посмотрел ему вслед.

Когда дверь затворилась, голова его опустилась на руки, и жизнь со всеми ее надеждами и почестями, любовью и счастьем как будто умерла в нем.

Вошедший Бёртрем спросил его:

— Ну как, дядя, есть новости?

Вор — кто-то из служащих в банке, так говорит сыщик, и так же думаем и мы. Кто именно это сделал не понятно. А пока…

— Что такое? — тревожно вскрикнул Бёртрем.

— А пока не теряй мужества! — ответил дядя с принужденной веселостью.

Но, выходя из банка, он подошел к Бёртрему и, положив руку на его плечо, спокойно сказал:

— Я хочу, чтобы ты прямо отсюда отправился ко мне. Может быть, я не вернусь до полуночи, и мисс Ферчайлд успокоит твое присутствие. Ты это сделаешь, Бёртрем?

— Дядя! Я…

— Ты более утешишь меня, если исполнишь мою просьбу. Могу я положиться на тебя?

— Всегда.

— Вот и замечательно.

Они расстались, и тень, целый день лежавшая на банке, сгустилась над головой Бёртрема. Эта тень не рассеялась при виде Гопгуда, через

несколько минут прокравшегося к двери, в которую ушел его дядя.

XXXVIII. Комната Синей бороды

Клеренса Энсайна не удивил отказ Поолы. Он понял с самого начала, что любви — этой прелестной женщины добиться трудно, даже если у него не найдется более привлекательного соперника.

Появление Сильвестера на сцене решило его судьбу, но он не хотел без борьбы отказаться от надежды, и в этот знаменательный день отправился к Пооле.

Первый взгляд на нее показал ему, что он опоздал. Его встревожила ее бледность, сменявшаяся румянцем при малейшем шорохе с улицы, ее блуждающий взгляд и нервозность, скользившие в каждом движении.

— Мисс Ферчайлд, — сказал он с грустной улыбкой. — Вы отказали мне и решили мою судьбу, но позвольте мне верить, что я не лишился вашего уважения и дружбы, которыми я имел удовольствие пользоваться до сих пор.

Она тотчас вышла из своего оцепенения прошептала:

— Ах, мистер Энсайн, можете ли вы сомневаться в моем уважении и в моей дружбе, это я должна сомневаться в этом, я огорчила вас, я должна бы-

ла обращать больше внимания… но женщина не всегда прислушивается к своему сердцу, я ввела вас в заблуждение и поняла это только вчера. Больше мне нечего сказать вам, мистер Энсайн.

— И нет необходимости, — ответил он, — вы выбрали лучший путь и лучшего человека. Я рад за вас, мисс Ферчайлд.

Она невольно приложила руку к сердцу.

— Я ищу не радости, — сказала она, — а…

— Чего?

Он посмотрел на ее лицо, сиявшее тем небесным светом, который появлялся на нем в редкие минуты глубокого волнения, и удивился.

— Радости видеть любимого человека счастливым, — вскричала она, — на свете нет радости приятнее и выше!

— Может быть, эта радость выпадет на вашу долю, — прошептал он, с мужеством преодолевая весьма естественную ревность.

Взяв руку, которую Поола протянула ему, он поцеловал ее с каким-то благоговением.

На сердце Поолы было тяжело. Страх такой неопределенный, что его нельзя было преодолеть, преследовал ее целый день. Коротенькая записка, которую Сильвестер написал ей, лежала как свинец на ее груди. Какое-то открытие ждет

ее в комнате Сильвестера. Может быть, оно повлечет за собой разлуку.

Когда пришел Бёртрем, опасение ее усилилось. Сильвестер не вернется домой к обеду. До семи часов сидела она, приложив руку к сердцу, и ждала. Когда часы пробили семь, она встала, взяла свечу из своей комнаты и медленно пошла наверх.

— Ждите меня, — сказала она тетушке Белинде, — я боюсь, что мне понадобится ваша помощь, когда я вернусь.

Когда Поола остановилась у дверей, в которые никогда не входил никто, кроме Сильвестера, она почувствовала волнение, совсем не похожее на то, которое она ощущала до сих пор. Все любопытство Уоны к этой комнате и ее попытки удовлетворить это любопытство пришли Пооле на память. Точно белая рука умершей жены высунулась из мрака и тянула ее назад. Свеча дрожала в ее руке, и она бессознательно отступила. Но через минуту мысль о Сильвестере заставила ее торопливо вложить ключ в замок, она отворила дверь и переступила через порог.

Первым впечатлением ее было удивление. Когда она представляла себе эту комнату, она никогда не воображала ее такой.

Простая, ничем не украшенная, без ковра, обык-

новенный письменный стол, два-три неудобных на вид стула, вот все, что находилось в этой комнате. Поставив свечу, Поола сложила руки, еще дрожавшие, и медленно осмотрелась вокруг. Так вот то место, куда он имел обыкновение бежать, когда его преследовали заботы и трудности, эта холодная, пустая, непривлекательная комната, не украшенная теплом и присутствием женщины!

Она подошла к письменному столу и открыла его. Запечатанный конверт, адресованный к ней, бросился ей в глаза. Взяв его медленно и благоговейно, она начала читать длинное и мелко исписанное письмо, лежавшее в конверте. Свеча догорела, проливая свет на ее склоненную голову и на печальные стены, и на давнишнюю историю с ее исчезнувшими днями и забытыми ночами.

XXXIX. Подробный рассказ

«Мое возлюбленное дитя,

Я могу так называть вас в этот последний час нашей разлуки, но более никогда, никогда. Когда я сказал вам двадцать четыре часа тому назад, что мой грех похоронен и мое будущее чисто, я забыл о правосудии Божием и думал только о Его милосердии. Час размышленья убедил меня, что злой поступок, раз совершенный человеком, никогда не может быть похоронен. Что бы мы ни делали, как бы мы ни раскаивались, призраки грешной юности никогда не исчезают, и человек не имеет права думать таким образом, пока смерть не сомкнет его глаз.

Поола, я сейчас разыскиваю человека, который знает тайну моей жизни и который завтра огласит ее перед всем светом. Но до того, как это произойдет, я хотел бы сам рассказать вам историю моей жизни, тайно надеясь на ваше сочувствие и понимание. Юность моя была счастлива. Отец Бёртрема был для меня дорогим братом, а мать моя бдительной попечительницей и нежным другом. В пятнадцать лет я поступил на службу в банк, небольшой Гротвельский банк,

который вы должны помнить. Я постепенно продвигался по карьерной лестнице и, наконец, занял место кассира, когда Уона Делефилд вернулась из пансиона.

Поола, есть очарование, называемое некоторыми любовью. Я вообразил, что во мне заговорила любовь, когда глаза мои увидали эту царственную блондинку с ее томными, непроницаемыми глазами и обаятельной улыбкой. Я не понимал всей опасности, грозящей мне, когда я попал под власть и очарование этой женщины. Она была так беспечна в своем могуществе, она никогда не повелевала, а между тем мужчины и женщины повиновались ей. Странности, не подобающие замужней женщине, часто прельщают в молодой девушке, мысли и чувства которой составляют тайну. Мне казалось, что я нашел королеву красоты, и когда в один неосторожный час выказал ей мой восторг, я точно попал в рай, где каждый последующий шаг доставлял еще большее наслаждение.

Первое понимание чувственного и земного характера моего счастья возбудило во мне ваше детское личико в тот незабвенный день, когда мы встретились у реки. Чистота вашего взгляда пронзила мою пылающую душу, и я понял, что в

вас таится огромный потенциал, который будет расти и развиваться с годами и что вы именно та, которую следует искать всякому мужчине, чтобы в ее руки вручить свою честь и свое счастье. Но, вернувшись к Уоне, я забыл ту девочку у реки.

Поола, у меня нет времени долго выражать сожаления, я должен успеть рассказать вам мою историю, но если вы еще любите меня если, как я иногда воображал, вы всегда меня любили, подумайте, как сложилась бы моя жизнь, если бы я прислушался в тот день к гласу Божьему, и сравните ее с тем, что из нее вышло.

Я вернулся к Уоне, и влияние, которое она приобрела надо мной еще больше усилилось. Вероятно, она по-своему любила меня, и хотя получала предложения от женихов более выгодных, решила, что выйдет за меня, если ее отец согласится на этот брак.

Вы племянница того человека, о котором я сейчас должен рассказать; мне кажется, вы не знаете его. Он уехал из Гротвеля, когда вы были ребенком, а слухи, распространившиеся о нем далеки от истины.

Этим человеком был отец Уоны — Джекоб Делефилд. И я понимал, что если он согласится отдать за меня свою дочь, то значит любая женщина, не

колеблясь, могла отдать мне свою руку. Он был сквайр города, пользовался уважением и вот что ответил на мою просьбу:

— Сколько у вас денег?

У меня не было ничего. Жалованье я получал небольшое, а болезнь и смерть моего брата оставили меня без средств.

Я сказал ему это, но прибавил, что у меня есть старая незамужняя тетка, которая обещала мне оставить после своей смерти пять тысяч долларов, и так как она была очень больна в то время, то, без сомнения, я через несколько дней буду в состоянии получить сумму, достаточную для того, чтобы начать семейную жизнь.

На это он сказал мне:

— Ну что ж, подождем.

Но молодость не любит ждать. Я считал, что все уже решено и начал готовиться к свадьбе. С лихорадочным нетерпением ожидал я смерти моей тетки, и когда это наконец случилось, я отправился к Делефилду.

— Тетка моя умерла, — объявил я, ожидая его решения.

— Я желаю видеть деньги, мой милый.

Я отправился на службу в банк в расстроенных чувствах.

За несколько дней до этого Уона сказала мне, что ей надело ждать, что молодой доктор из соседнего города очень активно за ней ухаживает, и так как нет никакого сомнения относительно того, что он может содержать жену… она не закончила фразы, но покачала головой с таким видом, который легко мог возбудить ревность и не в такой впечатлительной натуре, как моя. Я чувствовал, что ежечасно подвергаюсь опасности лишиться Уоны, и только потому, что не могу показать ее отцу несколько тысяч, которые скоро должны стать моими.

Оглашение завещания моей тетки, подтвердившее мои надежды, не очень улучшило мои дела.

— Я желаю видеть деньги, — упрямо повторял старик, и я вынужден был ожидать завершения наследственного дела. Оно длилось дольше, чем мы предвидели. Проходили недели, а мои жалкие пять тысяч были так же далеки от меня, как и прежде. Возникли какие-то затруднения, из-за которых я не мог скоро получить завещанную мне сумму. Между тем Уона благосклонно принимала ухаживания молодого доктора, и надежда жениться на ней ускользала от меня каждый день. Я стал безумно ревнив. Вместо того чтобы стараться сблизиться с Уоной, я все мень-

ше времени проводил с ней и позволил моему сопернику заслужить ее привязанность. Но когда я увидел их однажды прогуливающихся вместе, я вышел из себя.

— Никогда он на ней не женится! — сказал я себе и начал думать, как бы мне получить согласие ее отца. Прежде всего мне пришла мысль занять деньги, но это было неудобно в городе, где дела каждого были известны его соседу. Потом я вздумал обратиться к моему поверенному, чтобы поторопить его окончить мое дело. Он ответил мне обещаниями, а между тем сильное искушение повстречалось мне на моем пути. Полковник Джефа, истории о котором вы слышали, жил тогда в старом доме, на который вы указали мне, когда мы гуляли с вами по Гротвелю. Он был очень расстроен из-за побега своей единственной дочери, и хотя настоящие факты не были никому известны, полковник был так расстроен случившимся, что серьезно заболел и жил в совершенном уединении, принимая очень немногих, в числе которых, однако, находился я. Он говорил, что я ему нравлюсь и что он видит во мне задатки для больших успехов в жизни, и я бывал у него довольно часто.

Однажды мы разговорились о его здоровье и о

том, что ему было бы полезно поехать куда-нибудь отдохнуть и развеяться, как вдруг он встал и сказал:

— Пойдемте со мной в кабинет.

Я пошел, и мне тотчас бросился в глаза чемодан.

— Я уезжаю завтра в Европу на шесть месяцев, — сказал он.

Я удивился, потому что в нашем городе ничего нельзя было сделать важного без ведома соседей и с радостью поздравил его.

Он сказал, что дочь обесславила его и что он запретил ей входить в этот дом. Она была недостойна его внимания, и хотя он не желал видеть ее в своем доме, не хотел также, чтобы она терпела нужду. У него была небольшая сумма денег, которую он отложил для нее, если с ним что-нибудь случится.

— Если она вернется, — сказал он, — отдайте ей эти деньги после моей смерти.

Я не должен был класть эти деньги в банк на его имя, а считать их порученными мне и употребить их так, как он мне сказал.

Радость, с какой я выслушал это предложение, перешла в восторг, когда он вынул из своего письменного стола пять тысяч долларов и отдал

их мне.

— Это немного, — сказал он, — но спасет ее от еще большего унижения.

Немного; о нет, именно столько сколько было нужно, чтобы вывести меня из бездны уныния, в которую я упал, вернуть мне мою невесту и отомстить сопернику, которого я начал ненавидеть. Я должен был дать полковнику расписку, но это не могло мне помешать. Я не имел намерения тратить эти деньги, только показать их, и задолго до того как полковник вернется, мои собственные пять тысяч будут в моих руках.

Полковник Джефа считал меня честным человеком, да я и сам в то время был такого мнения. В тот день, когда полковник Джефа уехал, я отправился к Делефилду и сказал ему:

— Вы хотели видеть пять тысяч долларов в моих руках; вот они.

Удивление его было чрезвычайно и должно было бы предостеречь меня, но я был ослеплен и счел это удивление весьма естественным.

— Долго же вы заставили меня ждать вашего согласия, — сказал я, — надеюсь, что теперь вы дадите благословение на брак с вашей дочерью?

Он ответил не сразу, но улыбнулся и все смотрел на деньги в моей руке, я даже инстинктивно

убрал их в карман. Но он дотронулся до моей руки своей холодной ладонью и вскричал:

— Дайте мне на них взглянуть.

Я не мог отказать в такой простой просьбе и отдал Делефилду деньги.

— Вы можете жениться на моей дочери, сэр, — сказал он.

Я побледнел от радости, а он откинул голову назад и засмеялся тихим, пронзительным смехом, который в другое время неприятно поразил бы меня, но я думал только о том, как бы мне забрать мои деньги и убежать с моими новыми надеждами на счастливое будущее в комнату, где раздавался голос его дочери. Но как только я протянул руку за деньгами, он сказал:

— Это ведь ваши деньги и вы можете делать с ними все что захотите?

— Да, конечно, — ответил я, — поэтому я хотел бы положить их в банк, пока Уона не станет моей женой.

— О! Нет, нет, нет, вам не за чем класть их в банк, вы должны отдать их туда, где они принесут вам двойную выгоду за каких-то два месяца.

Прежде чем я успел понять во что он меня втягивает, он подвел меня к письменному столу, показал мне письма и документы какого-то чрез-

вычайно выгодного по его словам предприятия.

— Будь у меня полмиллиона, я вложил бы его в это дело — закончил он. — Послушайтесь меня, отдайте туда ваши деньги, и не пройдет и десяти лет, как вы станете богачом.

Я был ослеплен. Я понимал достаточно в таких вещах, чтобы видеть, что это не обман. И будь эти пять тысяч мои собственные… но скоро я стал смотреть на вопрос иначе. Мистер Делефилд так мастерски повел дело, что не дал мне времени подумать.

— Соглашайтесь, — вскричал он, — и через два месяца я вам отдам десять тысяч вместо пяти. Всего два месяца, повторил он и прибавил: Уона родилась в роскоши.

Поола, вы не можете представить себе, что такое искушение. До тех пор я никогда не чувствовал стремления к обогащению, но теперь все как будто навязывало его мне. Мне представлялось, как наряды Уоны будут достойны ее красоты, мой смиренный дом превратится во дворец, и я сказал:

— Я подумаю, и пошел в другую комнату поговорить с Уоной.

Ах, если бы кто-нибудь встретился мне на пороге! Если бы дух моей матери или ваше юное

личико явились передо мною и остановили меня! Ошеломленный, упоенный любовью я вошел в комнату, где Уона руками белее алебастра разматывала моток синего шелка. Встав возле нее на колени, я схватил эти прелестные руки.

— Уона, — вскричал я, — вы хотите выйти за меня? Ваш отец дал согласие, и мы будем очень счастливы.

Она надула губы и спросила полунасмешливо, полусерьезно:

— И где мы будем жить? Я не могу жить в лачуге.

— Мы будем жить во дворце, — шепнул я, — если только вы скажете, что будете моей.

— Во дворце! О! Мне дворца не нужно, достаточно будет такого дома, как у полковника Джефы. Хотя и во дворце я буду чувствовать себя уместно, — продолжала она, приподняв свою величественную головку. — А папа согласился? — прибавила она.

— Да, — воскликнул я с пылкостью.

— Тогда доктор Бёртон может убираться, — ответила она. — Я доверяю моему отцу и вам и буду ждать дворца.

После этого невозможно было обмануть ее ожидания.

Поола, рассказывая это, я специально ограничился только фактами. Безрассудная страсть не может быть оправданием или извинением бесчестного поступка, совершенного мною. Спекуляция Делефилда удалась, и через два месяца у меня было десять тысяч вместо пяти. Я женился на Уоне и вел жизнь, наполненную наслаждениями и роскошью. Но настал день, когда я понял, какой катастрофы избежал благодаря чистой случайности. Деньги, которые я надеялся получить от тетки, исчезли, потому что ее поверенный вложил их в рискованную спекуляцию, и наследство, ожидаемое мною, не досталось мне. Я сидел с моей молодой женой в хорошенькой гостиной нашего нового дома, когда получил письмо моего поверенного, сообщавшего мне об этом обстоятельстве, и я не в состоянии растолковать вам, какое действие это произвело на меня, даже стены дома как будто превратились в тюрьму, и лицо, за минуту перед тем казавшееся мне очаровательным, лишилось всей своей привлекательности.

Горечь этого часа никогда не прошла. Дом, бывший свидетелем моего искушения, лицо мистера Делефилда, даже улицы города стали невыносимыми для меня. Мне казалось, что каждый, с кем

я встречался, должен был знать о моем поступке. Меня только утешала мысль, что Уона не знает, какой ценой досталась мне ее рука. Я находился еще под влиянием ее томных улыбок и небрежной грации и, несмотря на холодность ее натуры, воображал, что ее любовь будет достаточным вознаграждением за мои душевные страдания.

Мое отвращение к Гротвелю усиливалось, он стал слишком ничтожен для меня. Я решил переехать в Нью-Йорк и заняться новыми спекуляциями. Я поклялся Богу, что никогда больше не встану на путь лжи и обмана. Жена моя, быстро обнаружившая любовь к роскоши, разделяла мои планы, а мистер Делефилд побуждал меня к отъезду.

— Вы обязаны стать богатым человеком, — говорил он, — и должны отправиться туда, где можно приобрести богатство.

Он никогда не спрашивал меня, куда делись пять тысяч долларов, которые я возвратил полковнику Джефе по приезду его из-за границы.

Итак, я переехал в Нью-Йорк. Все спекуляции, какие я предпринимал, удавались. Я был как заговоренный. Деньги стекались ко мне со всех сторон, и я стал одним из самых богатых и несчастных людей в Нью-Йорке. Есть вещи, ко-

торые нельзя рассказать даже самому любимому человеку. Вы жили в моем доме и поймете, что я не стану много говорить о той, которая, при всех своих недостатках, была всегда добра ко мне. Но некоторые вещи я должен повторить, чтобы вы поняли перемену, постепенно происшедшую во мне с годами. Красота приобретает обожателя, но не может удержать сердце мужа, имеющего стремления выше обыкновенной страсти. Как я не был суетен до поступка, отравившего мою жизнь, после него я стал серьезным человеком, искавшим счастья в домашней жизни и сочувствия жены. По моему мнению, роль женщины в первую очередь в том, чтобы утешать. То, чего мужчине недостает в свете, он должен найти дома. Прелестная мечта, которой не было суждено осуществиться для меня! Рождение дочери было моим первым великим утешением. Увы! И ему суждено было превратиться в горе. Мать не любила своего ребенка, и потом Джерелдина умерла, при каких обстоятельствах, я не хочу вспоминать. Этот удар поразил меня в самое сердце. Все мое прошлое опять встало передо мной. Я начал спрашивать себя, как мне избавиться от моих угрызений совести. Те небольшие суммы, которые я посылал полковнику Джефе,

были недостаточны. Останься полковник жив, я рассказал бы ему все и предложил бы половину моего состояния; но его смерть разрушила все мои надежды оправдаться перед собой таким образом. Оставалась его дочь, бедная, пропавшая, отверженная. И я решился заплатить ей свой долг. Но каким образом? Где я найду странницу? Как я дам ей знать, что ее ожидает спокойная и безбедная жизнь, если она вернется в свой дом. Я посоветовался с одним человеком, и он посоветовал мне разместить объявление в газетах. Я это сделал, но безуспешно. Потом я обратился к сыщикам, и это не помогло. Джекилина Джефа не нашлась.

Но я моего намерения не оставлял. Я отложил для нее в государственных фондах сто тысяч долларов. Эти деньги уже были не мои, я даже отказал ей их в моем завещании. Это была окончательная сделка между мной и моей душой, и, дав распоряжение моему гротвельскому поверенному сообщить мне, как только что узнают о Джекилине Джефа, я стал спать спокойно.

О последующих затем годах мне нет надобности говорить. Это было перед вашим приездом, моя Поола. Вы заставили меня узнать, что значит заботливое, нежное, возвышенное существо, до

сих пор неизвестное мне! Перед красотой женской души, устремленной к высшим идеалам, я всегда был готов преклоняться. Все, чего недоставало в молодости и в зрелом возрасте, потекло ко мне волной. Я купался в солнечных лучах вашего чистого духа и воображал, что несчастное время прошло и что я опять могу быть спокоен.

Сильный и горький удар заставил меня очнуться. Отец Уоны, переехавший также в Нью-Йорк и о карьере которого я до сих пор ничего не знал, часто обращался за помощью в тяжелое для него время. Обращался он всегда к Уоне. Но однажды он встретился со мной на улице это было на вторую зиму вашего приезда и, затащив меня в ресторан, рассказал целую историю, о том, что ему нужно несколько тысяч на какую-то спекуляцию, весьма сомнительного характера, но обещающую больше выгоды, и ссылался на то, что обращается ко мне за деньгами, потому что я сам когда-то поступил не совсем честно, и, следовательно, теперь не откажу ему в помощи. Мой проступок похоронить было нельзя. Он был известен этому человеку. С проницательностью, которой я в нем не подозревал, он догадался о моем искушении, хотя не знал, откуда взялись пять тысяч долларов. Мало того, он сам довел меня

до этого поступка, посредством которого теперь хотел держать меня в руках. Отвергнув наотрез его предложение, я оставил его и вернулся домой совершенно расстроенный.

Мистер Делефилд уехал из Нью-Йорка вскоре после своего свидания со мной и ничего не писал нам о своем пребывании. Но меня ожидали другие неприятности. Когда я вступил в должность президента Медисонского банка, я, по желанию мистера Стьюйвесанта, оставил все открытые спекуляции в Волской улице. Но чтобы содержать такую жену и такой дом, какие были у меня, надо было иметь большой доход. И вскоре после того когда вы приехали к нам, когда представился случай поместить выгодно деньги на серебряные рудники на Западе, я не мог устоять от искушения. Но, как во всех предприятиях такого рода, один доллар повлек за собою другой, и это скоро поглотило не только все, что оставалось у меня после моей щедрой покупки акций Медисонского банка, но и все, что я мог занять под залоги этих акций. Но это не испугало меня. На рудниках у меня был человек, преданный мне, будущее обещало много, но кто может положиться на серебряные рудники. В ту самую минуту, когда мы ожидали величайших результатов, вдруг все

лопнуло, и акции упали бы на бирже до нуля, если бы не осторожность моего агента, который держал втайне это обстоятельство, пока другую часть рудника привели в порядок.

Дела пошли в гору, когда вдруг разговор, нечаянно услышанный на том вечере, где мы были вместе с вами, показал мне, что тайна уже не является таковой и что мы можем погибнуть, прежде чем дела выправятся совсем. Сильно встревоженный, я хотел уехать с бала, чтобы телеграфировать моему агенту, когда вдруг, моему великому удивлению, мне принесли его карточку с просьбой немедленно увидаться с ним. Вы помните это, Поола, я пошел к нему, но вы не знали тогда, что он приехал сообщить мне о совершенном разорении, если я не дам ему немедленно ста тысяч долларов.

Деньги эти нужны были не для рудников, где все шло великолепно, но для процесса, давно уже начавшегося и нисколько меня не беспокоившего, по уверениям моего адвоката. Но теперь оказалось, что процесс намеревались решить в пользу моего конкурента. На моего агента можно было положиться в этих вещах, и получалось, что я должен тотчас войти в сделку с другой стороной, давно изъявившей согласие уступить

свое право за сто тысяч долларов. Когда я спросил моего агента, сколько времени дает он мне на то, чтобы собрать эту сумму, он отвечал: «Не более десяти часов».

Остальное время этой ночи представляется мне как сон. У меня был только один источник, чтобы достать сто тысяч, те, которые я отложил для дочери Джефа. Занять было не у кого. Все думали, что я оставил спекуляции, и я не смел рисковать дружбой мистера Стьюйвесанта. Или деньги Джефы, или мое собственное состояние должно пропасть, мне оставалось только выбрать то или другое.

Поола, только врожденная привычка поступать честно спасает человека в такие минуты, какие довелось пережить мне. Как твердо ни верил я моей решимости не делать больше ни малейшего недостойного поступка, как только я очутился между выбором разорение или сделка с моей совестью, я начал колебаться, колебаться в то время, когда вы находились в моем доме. Влияние Уоны на меня было еще очень сильными. Мысль лишить ее роскоши, которая составляла для нее всю жизнь, устрашала мою душу. Я не смел представить себе будущее, в котором она будет лишена всего дорогого для нее. И все же, я

считал растрату денег, предназначенных дочери Джефы, новым преступлением. Эти деньги были не мои. Я отдал их, рисковать ими теперь значило обречь свою совесть на дальнейшие мучения. Я так страдал, что мне даже приходили мысли о самоубийстве. Но вдруг я подумал, что если я недооцениваю Уону, что если она и ценит роскошь более, чем какая бы то ни было женщина, но все же не желает сохранить эту роскошь ценой моего уважения к самому себе; с этой надеждой я оставил моего агента в гостинице и поспешил к жене. Она, разумеется, спала, я разбудил ее.

— Вставай и выслушай меня, наше состояние подвергается опасности, — сказал я ей. Она тотчас встала, холодная, неумолимая. Поола, я рассказал ей всю историю как теперь вам. Я открыл ей всю мою душу и просил ее как женщину и жену спасти меня в этот час искушения. Поола, она отказала. Мало того, она выразила горькое презрение к моей малодушной совести, как она выразилась. Что я считал себя обязанным чем-нибудь отвратительной твари, оставшейся единственной представительницей фамилии Джефа, было уже ненормально, но, чтобы я не взял денег, которые могли нас спасти, было бесчестно и показывало мою слабость.

— Но, Уона, — вскричал я, — этого требует моя совесть. Неужели ты хочешь, чтобы я пожертвовал моею совестью?

— Я желаю, чтобы ты пожертвовал всем для того, чтобы сохранить наше положение, — сказала она.

— Уона, — повторил я, — понимаешь ли ты, что я тебе говорю? Многие жены пришли бы в ужас, если бы им сказали, что их муж совершил бесчестный поступок, для того чтобы им угодить.

Странная улыбка мелькнула на ее губах.

— Да, многие жены, — ответила она, — но многие жены ничего не понимают. Неужели ты полагаешь, что я не знаю, какой ценой ты женился на мне? Папа позаботился, чтобы я знала все, что мне полезно было знать.

— И ты вышла за меня, зная, что я сделал? — воскликнул я с неописуемым смятением.

— Я вышла за тебя, зная, что ты слишком умен, для того чтобы опять подвергаться такому риску.

Ничего не могу сказать более об этом часе. Такого отвращения, как к этой женщине, я никогда не чувствовал ни к одному живому существу. Я убежал от Уоны, мне было противно дышать воздухом, которым она дышала. Но все же я решил исполнить ее желание. Можете ли вы понять, что

мужчина ненавидит женщину и между тем повинуется ей; презирает ее, а между тем уступает ей? Теперь я не могу, но в тот день я иначе поступить не мог. Я должен был или убить себя, или исполнить желание Уоны. Я выбрал последнее, забыв, что Господь может убить когда и кого захочет.

Отправившись в банк, я взял денежные бумаги из моего сейфа в несгораемом шкапу. Я отдал бумаги моему агенту, чтобы он продал их, а сам пошел прогуляться, чтобы успокоить мои нервы, и прямо с прогулки вернулся домой.

Поола, когда я увидел, что та, ради которой я совершил этот поступок, лежит передо мной холодная и мертвая, я был поражен до глубины души. Если бы я мог, лишившись правой руки, повернуть время вспять, я охотно пожертвовал бы ею. Я чувствовал тогда себя недостойным вашего присутствия и вашей улыбки. Вы помните эти дни, помните, как я простился с вами. Позвольте мне думать, что вы не осуждаете меня теперь за то, как я вел себя тогда. Я посылал Бёртрема взять у моего агента денежные бумаги, которые я считал не своими, а принадлежащими Джекилине Джефа, но мой агент уже продал их и отправил деньги тем, кому они предназначались.

Теперь мне остается рассказать немногое, но

в этом немногом сосредоточились страсть, надежда и отчаяние целой жизни. Когда я говорил вам несколько часов тому назад, что мой грех заглажен, последствий никаких не будет, повторяю, что я в этом был вполне убежден. Сто тысяч долларов, отданные моему агенту, принесли громадные доходы, третьего дня я мог продать мою долю в рудниках за большую сумму, которая даст мне возможность оставить состояние не одной только Джекилине Джефа. Кроме того, мистер Делефилд, нескромности которого я иногда опасался, умер несколько месяцев тому назад в Сан-Франциско; и он только один на свете знал то, что может обесславить мое имя. Я думал, что состояние мое и репутация чисты и что я мог заключить в свои объятия прелестнейшую и чистейшую из всех женщин. Но в один час, Поола, в один час я узнал, что поступок мой известен и другим; что свидетель подслушал мой разговор с моим тестем в ресторане, два года тому назад, и что этот бессовестный свидетель ищет меня с тех пор и по ошибке принял Бёртрема за меня. Да, по сходству наших голосов и по тому, что мы оба употребляем одну поговорку, мой честный племянник обвинен в том, что он не совершал. Вы скажете, что это сумасбродное обвинение

опровергнуть легко. Увы! Новый бесчестный поступок, совершенный в банке усложняет обстоятельства.

Из сейфа мистера Стьюйвесанта украдены денежные бумаги, и при таких обстоятельствах, если репутация Бёртрема не останется безукоризненна, то весьма вероятно в душе мистера Стьюйвесанта возникнут сомнения. Я обожаю вас, Поола, но не могу прижать вас к сердцу, оказавшись виновен в другом грехе. Если вы читаете это письмо, это значит, что сыщикам, которых мы пригласили на завтра, не удалось оправдать служащих в банке. Я должен помочь Бёртрема, взяв вину на себя, и чтобы потом не произошло, всякая связь между вами и мной должна быть прекращена. Как ни тяжело для меня проститься с единственным лучом небесного света, осветившим мою мрачную жизнь, я должен это сделать, хотя бы только для того, чтобы остаться достойным нежной и великодушной любви, которой вы удостоили меня.

Бёртрем, олицетворенное великодушие, может быть, догадывается, но не знает, что я собираюсь сделать. Скажите ему, милая моя, что, может быть, в эту самую минуту я оправдываю его имя перед негодяем, который так безжалостно за-

пустил в него когти, что я желаю ему счастья с Сисилией, благословляю его, и если не встречусь с вами более, то поручаю ему заботы, которые так дурно исполнил сам. Но прежде чем выйдете из дома, остановитесь в этой комнате, которая всегда была в моих глазах символом бедности, моего законного достояния, встаньте на колени и помолитесь за мою душу, потому что если Господь исполнит желание моего сердца, то Он поразит меня внезапной смертью, после того как я возьму на себя бесславие моих прошлых поступков! Жизнь без любви перенести можно, но жизнь без чести никогда. Жить с моими близкими с тенью на моей репутации, которая всегда была безукоризненна! Не требуйте, чтобы я решился на это! Молитесь за мою душу. Вы всегда были моим ангелом-хранителем и источником всякого утешения. Становлюсь перед вами на колени и благодарю вас. Пусть все мои страдания принесут вам счастье. Я не жалуюсь на свою судьбу, только прошу Бога избавить меня от ее мрака, и Он избавит. Любовь снова осветит вашу юную жизнь, и вы вкусите все радости, которые ваше великодушное сердце думало излить на Эдварда Сильвестера».

XL. Половина восьмого

В библиотеке было темно; Бёртрем, чувствовавший угнетающее влияние этой большой комнаты, ходил взад и вперед тревожными и неровными шагами, задавая себе сто вопросов и желая от всего сердца, чтобы Сильвестер вернулся и своим появлением прекратил неизвестность, становившуюся невыносимой.

Только что вернулся он в очередной раз из передней, когда Поола вошла в библиотеку и стала перед ними. Лицо ее казалось мраморным.

— Поола! — с удивлением вскричал молодой человек.

— Тише! — ответила она, и голос ее дрожал от волнения, — я желаю, чтобы вы отвезли меня туда, куда ушел мистер Сильвестер. Он в опасности, я это знаю, я это чувствую. Я не смею оставлять его одного. Я могу спасти его, если он замышляет… Она не сказала, что, и только повторила свою просьбу: — Вы отведете меня к нему?

Он смотрел на нее с изумлением, и трепет пробежал по его телу.

— Нет! — вскричал он, — я не могу отвести вас к нему, вы не понимаете, о чем вы просите, но

я сам пойду, если вы опасаетесь чего-нибудь серьезного. Я помню, где это, я внимательно прочел адрес и не забуду его.

— Без меня вы не пойдете, — ответила Поола решительно. — Если опасность такова, как я себе представляю, никто, кроме меня, не может его спасти. Я должна идти, — прибавила она горячо, видя нерешительность Бёртрема. Опасность ничего не значит для меня в сравнении с его безопасностью. Если вы пойдете без меня, я пойду вслед за вами с тетушкой Белиндой. Сегодня ничто не удержит меня в доме.

Бёртрем чувствовал бесполезность дальнейших возражений, однако осмелился сказать:

— Место, куда он пошел, самое худшее в городе, туда не решаются ходить после сумерек. Вы сами не знаете, о чем просите меня.

— Знаю и понимаю все.

С внезапным благоговением к великой любви, которой он был свидетелем, Бёртрем преклонил голову и пошел к двери.

— Я думаю взять с нами полисмена, вы не против?

— Нет, ответила она торопливо, — я только против промедления.

И, бросив последний взгляд вокруг комнаты,

как бы прощаясь, она взяла под руку Бёртрема, и они вместе вышли в ночную темноту.

Книга пятая
Любовь женщины

XLI. Дело одного часа

Сильвестер из банка отправился прогуляться по городу, но вдруг остановился и вынул из кармана бумажку, которую дал ему Бёртрем.

У него вырвалось восклицание, и он поднял глаза к небу с видом человека, признающего силу божественного правосудия. На бумажке он прочел имя бывшего любовника Джекилины — Джефа Роджера Голта, адрес его был № 63, Бакстерская улица. Сильвестер отправился туда и, остановившись перед самым мрачным из мрачных домов этой неприглядной улицы, видел, как из окон высунулись головы. Приди он раньше, он был бы окружен оборванными и докучливыми ребятишками, приди он позже, он был бы схвачен каким-нибудь убийцей, теперь же он стоял и смотрел на здание, в котором укрывался когда-то красивый и пленительный любовник Джекилины Джефа. Из окружающих домов раздавались голоса, время от времени пронзительный хохот, подавляемый крик, но в этом доме все было тихо.

Сильвестер храбро вошел в отворенную дверь. Ветхая лестница бросилась ему в глаза. Под-

нявшись на нее, он очутился в сенях, плохо освещенных во всякое время, а в этот поздний час и совсем темных. Это было не очень предусмотрительно, но, увидев дверь, Сильвестер собирался уже постучать, как вдруг глаза его, привыкнув к темноте, увидели у лестницы, ведущей на верхний этаж высокую женщину. Она стояла как часовой на своем посту или шпион, прислушивалась и чего-то ждала. Пораженный таким зловещим явлением, в таком мрачном месте, Сильвестер бессознательно отступил назад. Женщина задрожала и подняла глаза, но не на него. Хромой ребенок спускался сверху, и она обернулась к нему с каким-то злым спокойствием.

— А! Он отпустил тебя! — сказала она тихо, но с затаенной злобой в голосе.

— Да, — ответил доверчиво ребенок. — Я сказал ему, что вы любите меня и дали мне леденцов, он и отпустил меня.

Хохот, скоро подавленный, нарушил окружающую тишину.

— Ты сказал ему, что я люблю тебя! Вот это хорошо; я люблю тебя, люблю как мои глаза, которые я хотела бы выколоть за то, что они смотрели на лицо моего изменника! Последнюю фразу она пробормотала сквозь зубы, так что она не произ-

вела никакого впечатления на ребенка.

— Протяните руки и поймайте меня, — закричал он, — я прыгну.

Она, по-видимому, повиновалась, потому что ребенок звучно засмеялся.

— Он спрашивал меня, как вас зовут, — лепетал он. — Он всегда спрашивает, как вас зовут, он все забывает, или это потому, что он никогда вас не видел.

— А что же ты ему сказал? — спросила она.

— Разумеется, мистрис Смит.

Она откинула голову назад, и вся ее фигура приняла такой вид, что Сильвестер задрожал.

— Это хорошо, — вскричала она, — разумеется, мистрис Смит.

Потом, наклонившись к нему, она продолжала:

— Мистрис Смит добра к тебе, не правда ли, она дает тебе леденцов, а иногда дарит и пенни.

— Да! Да! — вскричал мальчик.

— Пойдем же со мной.

Она поставила его на пол и подала ему его костыль. Она была ласкова к мальчику, но Сильвестер задрожал, когда тот хотел идти за ней.

— А у вас были когда-нибудь дети? — вдруг спросил ребенок.

Женщина вздрогнула, как будто горячее железо воткнулось ей в грудь. Взглянув на испуганного ребенка, она прошипела сквозь зубы:

— Он велел тебе спросить меня об этом? Он смел…

Она замолчала и прижала руки к сердцу, как будто хотела заглушить его биение.

— О! Нет, разумеется, он тебе не говорил. Какое ему дело до мистрис Смит! Мой мальчик умер, а его жив и любим! Что же удивительного, если я ненавижу землю и проклинаю небо!

Она схватила мальчика за руку и поспешно увела его.

— Вы будете добры ко мне? — вскричал он, испуганный ее обращением, которого не понимал. — Вы мне не сделаете ничего дурного, вы позволите мне сесть у огня и согреться?

— Да, да.

— Так я пойду.

Она потащила его по сеням.

— Зачем вы хотите увести меня к себе? — болтал он.

Она обернулась к нему с таким взглядом, которого, к несчастью, Сильвестер видеть не мог.

— Потому что твои глаза такие голубые, а кожа такая белая, они напоминают мне ее.

— Кого это ее?

Она захохотала с яростью и горечью.

— Твою мать! — вскричала она, и в это время прошла мимо Сильвестера.

Он протянул руку.

— Я не знаю, кто вы, — сказал он, — но думаю, что вам лучше не уводить с собой этого ребенка. Отец его, очевидно, наверху, если вы дадите мне мальчика, я отведу его назад.

— Вы? Я не позволяю вмешиваться постороннему в мои дела!

Схватив ребенка, она бросилась с ним как стрела.

— Вы, вероятно, какой-нибудь миссионер, из тех, которые втираются ко всем в доверие, — закричала она ему, оглянувшись. — Если вы все равно зайдете к нему, скажите ему, что его ребенок в хороших руках, слышите, в хороших руках!

И с новым взрывом отвратительного хохота, она сбежала с лестницы и исчезла. Сильвестер остался в негодовании и нерешимости. Его родительское сердце побуждало его тотчас отыскать отца этого хромого мальчика и предостеречь его о том, что может случиться с его ребенком у женщины, так мало умеющей владеть собой. Но,

взглянув часы, он нашел, что время уже позднее и нужно быстрее закончить то дело, ради которого он и пришел.

Постучавшись в первую дверь, он ждал. Глухое ворчание и слово: «Войдите!» сказали ему, что он потревожил какое-то живое существо, но не мог сказать даже, когда отворилась дверь, мужчина или женщина приподнялась с отрепьев, валявшихся в углу.

— Я ищу мистера Голта, можете вы мне сказать, где он?

— Наверху, — получил он в ответ.

Он поблагодарил, поднялся на другой этаж и отворил дверь. На этот раз он был более успешен; с первого взгляда он понял, что человек, которого он ищет, сидит перед ним. Он никогда не видал Роджера Голта, но правильные, хотя и поблекшие черты лица, худощавая, но грациозная фигура выдавали в нем аристократа, а не обитателя этого квартала. Сильвестер смог узнать в этом изменившемся человеке ту привлекательную наружность, которая когда-то пленила сердце дочери полковника Джефы.

Он сидел за маленьким столом, но при звуке шагов лицо его изменилось и он встал. — А! — произнес он и торопливо обернулся к вошедшему.

Второе восклицание показало его обманутое ожидание. Вошел не тот, кого он ожидал.

— Мистер Голт, я полагаю, — осведомился Сильвестер, подходя с видом, исполненным достоинства.

Тот поклонился, но с нерешительностью, лишившей его обычной наглой самоуверенности.

— У меня есть к вам дело, — сказал Сильвестер, положив на стол перед Голтом свою карточку.

— Меня зовут Сильвестер, — продолжал он со спокойствием, удивившим его самого, — я дядя того молодого человека, у которого вы теперь стараетесь выманить деньги. Самоуверенность, на минуту сбежавшая с лица Голта, вернулась вместе с краской на его лицо.

— Его дядя! — повторил он, поклонившись, — стало быть, я от вас могу ожидать той суммы, которой я требую от вашего племянника. Очень хорошо, мне все равно, откуда она явится ко мне, только бы она явилась, прежде чем пробьет тот час, который служит пределом моего терпения.

— Вы назначили, кажется, семь часов?

— Да, верно.

Сильвестер сложил руки и сурово взглянул на человека, находившегося перед ним. — Следовательно, вы намереваетесь отправить к мистеру

Стьюйвесанту тот запечатанный конверт, который находится в руках вашего нотариуса?

Улыбка, с которою Голт ответил, походила на блеск кинжала.

— Мой поверенный уже получил мои инструкции. Ни что, кроме немедленного уведомления с моей стороны, не помешает ему отправить к мистеру Стьюйвесанту тот конверт, о котором говорите вы.

— Думали ли вы когда-нибудь о том, — сказал он, — что человек, разговор которого вы слышали в ресторане на Дейской улице, два года тому назад был не мистер Бёртрем Сильвестер, служащий в Медисонском банке?

— Нет, — ответил Голт с коротким, резким хохотом, — никогда.

— Вы поверите мне, если я вам скажу, что тот человек был не мистер Бёртрем Сильвестер.

Слегка пожав плечами, Голт ответил:

— Это был мистер Сильвестер или дьявол, иначе, любезный сэр, зачем же вы здесь. Сильвестер не ответил.

— Сейчас половина седьмого, — заметил Голт, — чтобы дойти до моего поверенного потребуется полчаса.

Сильвестер сделал окончательное усилие.

— Если вас убедят, — сказал он, что вы напали не на того человека, будете ли вы упорствовать?

— Человека с моими средствами не так легко убедить, — ответил Голт. — Но даже если мне докажут, что я совершил ошибку, я все-таки буду считать себя вправе действовать по своему усмотрению.

«Негодяй!» — чуть было не сорвалось с губ Сильвестера, но он промолчал.

— Конечно, друзья мистера Бёртрема очень переживают за его репутацию и счастье, — сказал он, — но они не заплатят ни копейки, для того чтобы обеспечить и то, и другое.

— Не заплатят!

Первый раз Роджер Голт слегка вздрогнул.

— Честь и счастье человека много значат для него, и он сделает все возможное, для того чтобы сохранить их. Но он поступит малодушно, если пойдет на поводу у вымогателя. Поступайте, как хотите, мистер Голт, но ни мой племянник, ни я не дадим вам денег.

Глаза Голта засверкали, как у разъярившегося тигра.

— Вы хотите сказать, — вскричал он, — что вам жалко заплатить несчастную тысячу для того, чтобы спасти родственника от подозрений,

которые запятнают его репутацию до конца его жизни?

— Я хочу сказать, что вы ничего не получите за молчание, которое вы обязаны хранить как джентльмен, хотя бы для того, чтобы доказать вашим ближним, что вы не совсем потеряли честь и достоинство того рода, к которому когда-то принадлежали. Хотя, конечно, я такого бескорыстия от вас не ожидаю. Человек, который может войти в дом почтенного человека и довести до отчаяния и унижения его дочь, бывшую утешением и гордостью отца, не может стать добродетельным, это негодяй, который, несмотря на свое происхождение и воспитание, не заслуживает ничего, кроме отвращения и презрения.

С ругательством Роджер Голт воскликнул:

— Кто вы такой, по какому праву приходите сюда упрекать меня в деле, преданном забвению двадцать лет тому назад?

— По праву человека, который, хотя и посторонний, знает кто вы и что вы сделали. Полковник Джефа умер, но мститель за его честь еще живет! Роджер Голт, где Джекилина Джефа?

Сила, с которой были произнесены эти слова, поразила этого человека. Он молчал несколько секунд, устремив глаза на посетителя, потом в

выражении его глаз произошла перемена, он усмехнулся дьявольской улыбкой и, покачав головой, небрежно заметил:

— Вы должны спросить это у ее нового ухажера. Женщина, бывшая очаровательной десять лет тому назад… Что я могу знать о ней теперь!

— Вы должны знать о ней все, если эта женщина Джекилина Джефа! — вскричал Сильвестер, подходя к нему с таким видом, который заставил бы задрожать многих, но только заставил сверкнуть еще злее взгляд этого человека.

— Если вы захотели ее бросить, то она вряд ли могла вас забыть. Если она жива, и вы знаете, где она, скажите, и пусть этот один добрый поступок загладит целый список других.

— Так вам точно нужно видеть эту женщину; вы заплатите за это?

— Награда, которая была обещана за сведения о Джеки лине Джефа, еще не отменена, — ответил Сильвестер.

— Хорошо, хорошо, мы посмотрим.

Дело в том, что он не знал, где можно отыскать эту женщину.

— Если мне доведется встретиться с ней, я сообщу вам. Но сейчас мы должны заняться вашим племянником. Каждая минута подвергает его

опасности, через полчаса его судьба будет решена, если я не дам знать моему поверенному…

— Я уже вам сказал, что не имею намерения вмешиваться в это, — ответил Сильвестер, медленно повернувшись к двери. — Если вы решились послать ваше заявление, сделайте это, только… — Тут он повернулся к Роджеру Голту с достоинством, которое тот, к несчастью, мало способен был оценить, — только не забудьте прибавить, что человек, разговор которого вы слышали в ресторане, был не Бёртрем Сильвестер, кассир, а Эдвард Сильвестер, его дядя, президент Медисонского банка.

Величественная голова наклонилась, и высокая фигура удалялась, когда Голт, вне себя от волнения, схватил Сильвестера за руку.

— Его дядя! — вскричал он, — так это вы… это вы и сами себя выдали! Говорите, дайте мне еще услышать ваш голос.

Сильвестер с грустной улыбкой повторил медленным и значительным тоном:

— Такие пустячки не удержат меня! Прощайте, мистер Голт, — и поспешно пошел к двери.

Но что остановило его на полдороге и заставило с испугом оглянуться на Роджера Голта? Запах дыма, как будто в доме был пожар…

Это приметил и Голт, потому что он подбежал к окну с ужасом и испугом. Сильвестер поспешил к нему.

То, что он увидел, не объясняло испуг Голта. Конечно, на верхнем этаже, находившемся напротив того окна, в которое они смотрели, виднелся дым, но огня еще не было видно. Но тотчас же раздался страшный крик: «Пожар!» — и толпа мужчин, женщин и детей бросилась сверху к единственному выходу, и тотчас отступила с ужасом при виде бездны, разверстой под ними.

Пожар начался снизу. Это сводило Голта с ума.

— Мой мальчик! Мой мальчик! Мой мальчик! — кричал он, — он там! Какая-то женщина околдовала его, и он все рвется к ней. О боже! Зачем я отпустил его! Вы видите его, сэр? Посмотрите, нет ли его где, умоляю вас; он хромой и маленький.

— Так это был ваш сын! — вскричал Сильвестер и стал вглядываться в длинный ряд окон, находившихся перед ними.

Вдруг Голт закричал:

— Вот он! — и хотел выскочить из окна, но Сильвестер удержал его.

— Вы не поможете ему таким образом, — вскричал он.

Но Голт уже бежал к двери.

Между тем дым сгущался около ребенка.

Заметив, что толпа бросилась в одну сторону, Сильвестер понял, что там открылся какой-то свободный выход, и закричал через двор:

— Не стой на этом месте, мальчик, беги-ка за другими, ты сгоришь, если останешься тут.

Но мальчик не шевелился, а только протягивал ручки и пронзительно кричал:

— Я не могу идти, она держит меня. Спаси меня, спаси, я боюсь, что сгорю.

Присмотревшись пристально, Сильвестер приметил женскую голову и плечи над маленьким бледным личиком. Им овладел непреодолимый страх. Он высунулся из окна и закричал этой неизвестной женщине, чтобы она не удерживала ребенка, но пронзительный хохот, заглушивший даже рев пламени, был единственным ответом. Сильвестер побежал к лестнице в надежде отыскать отца, но в эту минуту в дверях явился Голт, крича:

— Я не могу прорваться сквозь толпу, я дрался, кричал, все бесполезно. Мальчик мой сгорит живой, а я не могу помочь ему.

— Его там удерживает женщина, — вскричал Сильвестер, посмотрите.

— Джекилина! — закричал Голт и закрыл лицо рукой.

— Это Джекилина Джефа? — спросил Сильвестер.

— Да, или ее призрак.

— Так ваш мальчик погиб, — прошептал Сильвестер, — она не спасет сына своей соперницы, не спасет.

Голт посмотрел на него отуманенными глазами, высунулся из окна, указал на галерею, соединявшую соседний дом с горевшим, и закричал:

— Пустите его, Джекилина, он может добежать до другого дома, спасите моего мальчика, спасите!

Но женщина только откинула назад свою голову и закричала с насмешкой:

— О! Я все-таки напугала вас, наконец? Теперь вы называете меня Джекилиной. Я люблю слушать ваш голос, он для меня всегда звучит как музыка.

— Мой мальчик, мой мальчик, — мог только произносить Голт, — спасите его, Джекилина, спасите его!

Но презрительный хохот показал, что спасать никого она не будет.

— Он такой миленький, — шипела она. — Я так люблю сына моей соперницы! Этот ребенок занял место моего, умершего прежде, чем я увидела его невинные глазки. О да, да, я спасу его, спасу, как мой был спасен. Когда я увидела ребенка на твоих руках в тот день, когда ты прошел мимо меня с ней, я поклялась быть его другом, разве ты не помнишь! И ты видишь, что я не оставляю его даже в смерти.

Взяв ребенка на руки, она хохотала, окруженная пламенем.

— Прости, — кричал отец в отчаянии, прости и отдай мне моего сына, я любил и люблю только его. Сжалься, Джекилина, сжалься!

— А ты, разве ты показывал ко мне жалость? Дурак, идиот, разве ты не видишь, что я жила только для этого часа! Ты любишь этого мальчика, Роджер Голт, я когда-то любила тебя!

Не обращая внимания на дым, окружавший ее, даже на длинные огненные языки, которые скоро должны были ее достигнуть, она стояла неподвижно и смотрела на Роджера Голта со страшной улыбкой на губах.

Это зрелище было невыносимо. Вдруг Голт и Сильвестер увидели, что женщина вздрогнула и выпустила ребенка из рук, шипящая струя во-

ды заливала пламя, и это испугало Джекилину. Мальчик упал на галерею.

— Вставай, мальчик, вставай! — вскричал Голт, — а если не можешь идти, ползи по галерее до другого дома. Я там вижу пожарного, он тебя поднимет.

Но в эту минуту пламя вырвалось из смежного окна и галерея загорелась, отец завыл от отчаяния.

— Скорее, мальчик, скорее! — кричал он. — Спеши к другому дому, пока не поздно. Ребенок приподнялся, остановился, дико осмотрелся вокруг и покачал головой.

— Я не могу, — закричал он, — не могу!

Женщина захохотала.

— Демон вы, что ли? с ужасом вскричал Сильвестер, — разве вы не видите, что вы можете спаси его, если захотите? Берите его на руки, бегите с ним, или проклятье отца будет преследовать вас до могилы.

— Да, бегите сюда, — вскричал пожарный, — не теряйте ни минуты, ни секунды.

— Это твой сын, Джекилина, твой, — сорвалось с губ отчаянного Голта. — Я обманул тебя, твоя ребенок не умер, я хотел отвязаться от тебя и спасти его и солгал. Твой ребенок не умер, он жив

и лежит на галерее возле тебя.

— Это ложь! — вскрикнула Джекилина. — Ты лжешь, ты хочешь спасти ее сына и смеешь говорить, что это мой!

— Клянусь Богом! — сказал Голт, подняв руки и глаза к небу.

Казалось эти слова поразили Джекилину, она бросилась, схватила ребенка на руки, хотела бежать, но пламя делало свое дело, пока она колебалась. Галерея загорелась, и бежать было некуда. Она стояла и смотрела, как только может смотреть отчаянная мать на ребенка, лежавшего на ее руках, потом наклонила голову и запечатлела страстный поцелуй на его лбу, подняла голову к небу, галерея рушилась, и со своей живой ношей Джекилина упала во двор.

XLII. Поола рассказывает историю, которую она слышала

В длинной, низкой комнате горела лампа и освещала печальную и безмолвную группу, собравшуюся там. На скамейке у стены лежал Голт, закрыв руками лицо; возле него стоял Сильвестер, а на полу лежал мертвый мальчик.

Но не на их лица, как ни были они печальны, смотрели все женщины и мужчины, которые собрались в отворенных дверях, а на полуживую мать, которая стояла на коленях у трупа и смотрела на него причитая:

— Мой сын, мой сын, мой сын!

При виде крови, струившейся из широкой раны на лбу, и обгорелых рук сердце Сильвестера сильно забилось. Он дотронулся до руки Голта и сказал, указав на Джекилину:

— Вы не обманули эту женщину? Это действительно ее ребенок?

Голт вздрогнул, медленно поднял глаза и потом опустил голову.

— Да, — сказал он.

— Почему она этого не знала? — продолжал

Сильвестер. — Как же вы могли обмануть эту женщину?

Голт опять вздрогнул и пробормотал:

— Она была больна и без чувств, я взял ребенка, и когда она пришла в себя, сказал ей, что он умер. Мы давно уже надоели друг другу. Когда она увидела меня потом, возле меня была другая женщина, а на руках моих лежал ребенок. Мальчик был слабенький и казался моложе, чем был, она подумала, что это сын ее соперницы, и я не выводил ее из заблуждения.

В комнате после этого ничто не нарушало безмолвия, кроме стона несчастной матери:

— Мой сын, мой сын, мой сын!

Сильвестер подошел к ней.

— Джекилина, ребенок умер, и вы сами ранены. Не позволите ли вы этим добрым женщинам уложить вас в постель и перевязать ваши обгорелые руки.

Но она не слышала его.

— Мой сын, — стонала она, — мой сын, мой сын!

Сильвестер отступил с волнением, такую горесть он мог понять, но не знал, как облегчить ее. В эту минуту в комнату вошел молодой человек и женщина, которая, как только увидела

Сильвестера, бросилась к нему с криком радости и облегчения.

— Бёртрем! Поола! Что это значит? Зачем вы пришли сюда?

Рыдание было единственным ответом Поолы.

— Какая ночь! Какое место! — воскликнул он, обвив руками Поолу с таким взглядом, который заставил ее задрожать сквозь ее слезы. — Вы так беспокоились обо мне, — шепнул он.

— Да, да! Дом, в котором вы находитесь, горел, и мы боялись, чтобы вы не погибли в пожаре. Но кто-то сказал нам, чтобы мы шли сюда, и…

Она замолчала, пораженная ужасом; она только сейчас увидала мертвого ребенка и стонущую мать.

— Это Джекилина Джефа! шепнул он. Мы нашли ее, и я боюсь, только затем, чтобы закрыть ей глаза.

— Джекилина Джефа! — вскрикнула Поола.

— Она была в том доме, который загорелся, и теперь оплакивает своего сына.

— Джекилина Джефа! — опять произнесла Поола. — А это кто? — спросила она, указывая на Роджера Голта.

— Это Роджер Голт, тот человек, которому следовало бы быть ее мужем.

— О, я помню его, — вскричала Поола, — и ее также, и мальчика. Но она сказала мне, что она не мать его.

— Она тогда не знала: этот человек обманул ее.

Поола бросилась вперед.

— Джекилина Джефа! вскричала она, — слава богу, вы нашлись наконец!

Но женщина оставалась безучастна к этому крику, как и ко всем другим.

— Мой сын, — стонала она, — мой сын, мой сын!

Поола с ужасом отступила и со страхом и сомнением смотрела на страшное существо, находившееся перед ней, но тотчас же наклонилась к ребенку и нежно поцеловала его. Женщина вышла из оцепенения.

— Мой сын! — вскричала она, схватив ребенка на руки с дикой ревностью, — никто не должен дотрагиваться до него, кроме меня. Я убила его, и он теперь принадлежит мне одной!

Но тут же опять положила ребенка на пол и начала по-прежнему стонать.

Поола не теряла мужества. Положив руку на лоб ребенка, она тихо погладила его волосы и сказала спокойно:

— Вы повезете хоронить его в Гротвель? Ведь

Марджери Гемлин ждет вас, вы знаете?

Трепет, овладевший Джекилиной, ободрил Поолу продолжать.

— Да, она ждет вас так давно! Она измучилась, пятнадцать лет время продолжительное, Джекилина!

Глаза Джекилины свирепо засверкали.

— Вы сами не знаете, о чем вы говорите, — вскричала она и опять наклонилась к ребенку.

Поола продолжала:

— Те, кого так любят, как вас, Джекилина, не должны предаваться отчаянию, даже если ваш ребенок умер, все-таки осталось одно существо, которое вы можете сделать счастливым.

— Его? — спросила Джекилина, со страшным сарказмом обернувшись к Голту.

Поола покачала головой.

— Нет, нет, не его… позвольте мне рассказать вам историю, — шепнула она.

— В одном небольшом городе, недалеко отсюда, есть один большой пустой дом. Туда не ходит никто, кроме одной старушки, которая приходит каждый вечер в шесть часов, проходит по запущенному саду, отпирает боковую дверь, входит в дом и остается там один час, молясь за ту, возвращения которой она не переставала ожидать.

Джекилина ничего не сказала, но походила на человека, перед глазами которого рассеялся туман.

— Она ждет пятнадцать лет, — торжественно продолжала Поола, — она обещала и не забыла своего обещания.

Джекилина вскрикнула и протянула руки.

— Я этому не верю, — вскричала она, — никто не умеет так любить.

Она замолчала, задрожала, дико осмотрелась вокруг и без чувств упала возле своего мертвого сына.

Поола с благоговением наклонилась к ней и поцеловала ее обожженный и окровавленный лоб.

Сильвестер обернулся к человеку, который был причиной всех этих бедствий.

— Я беру на себя попечение об этой женщине, — сказал он, — и о похоронах вашего сына.

— Как, вы сделаете это, — вскричал Голт, и краска разлилась по его мертвенно-бледным щекам, — Я прошу у вас прощения за все, что замышлял против вас, я это делал для моего мальчика; о себе я не очень заботился. Я не мог видеть, как он голодает и мерзнет. Забудьте прошлое, а в будущем я вас беспокоить не буду.

— Вот это хорошо, — сказал Бёртрем, подходя, —

вы, наверное, очень устали, — дядя, проводите Поолу, а я сделаю здесь все, что нужно для этой женщины и ребенка.

— Благодарю тебя, — сказал Сильвестер, — я устал, и охотно передаю тебе мои обязанности. Эта женщина, несмотря на ее кажущуюся бедность, имеет большое состояние, — шепнул он, — пусть с ней обращаются, как с аристократкой.

Сказав это, Сильвестер взял Поолу под руку и увел ее.

XLIII. Решение

Они пришли домой и стояли в библиотеке.

— Поола! Прочли вы письмо, которое я оставил для вас на моем письменном столе?

— Каждое слово, — ответила она.

Он вздрогнул, и грудь его высоко поднялась.

— Вы прочли, — вскричал он, — и все равно пошли за мной в это опасное место?

— Да, — ответила она.

— Стало быть, вы не презираете меня? — воскликнул он.

— Я теперь только начинаю понимать достоинства человека, который до сих пор был для меня тайной, — сказала она.

Он покачал головой, а она продолжала с серьезным видом:

— Вопрос состоит не в том, каков был человек, а в том, каков он есть. Тот, кто для защиты невинного от стыда и горя не скрывает своего прошлого бесславия, достоин любви женщины.

Сильвестер печально улыбнулся.

— Бедняжечка, — прошептал он, — не знаю, гордиться или огорчаться вашей нежной преданностью. Мне было бы очень жаль лишиться

вашего уважения, но это было бы гораздо лучше, гораздо лучше для вас.

— Зачем вы так говорите? — спросила Поола. — Неужели вы думаете, что я так пристрастна к удовольствиям, что не буду в состоянии разделить лишения тех, кого я люблю? Тем более лишения прошлого, — прибавила она, — которые со временем будут уменьшаться и уменьшаться, а счастье все увеличиваться и увеличиваться.

— Разве вы не видите, — продолжал он, — что, как ни снисходительно судите вы обо мне, вы никогда не можете быть моей женой, Поола!

— Нет, не вижу, — шепнула она, — если нас разделяет только ваше угрызение совести за прошлое. Человек, победивший себя, имеет право завоевать сердце женщины. Я ничего не могу сказать больше…

Она робко протянула руку. Он схватил ее пылко и прижал к сердцу, но не удержал в своей руке.

— Да будет благословенно ваше милое и благородное сердце, — вскричал он. — Господь услышит мои молитвы и сделает вас счастливой, но не со мною, Поола. Это невозможно. Я вас люблю — не смею даже сказать до какой степени, но любовь не может стать поводом для того, чтобы я принес вам несчастье. Ни одни только мои

угрызения совести разлучают нас, мне предстоит бесславие, огласка, я был бы абсолютно бесчестным человеком, если бы подвергнул вас этому.

— Но я подумала, что все кончено, — пролепетала Поола, — этот человек обещал прекратить свои преследования…

— Он обещал, но он забыл, что моя участь не зависит уже от его снисхождения. Письмо, в котором изложен мой поступок, отправлено к мистеру Стьюйвесанту. Что бы мы ни говорили, чтобы мы ни делали, а отец Сисилии теперь знает, что имя Сильвестера запятнано.

Крик, сорвавшийся с губ Поолы, заставил Сильвестера наклониться к ней с отчаянной нежностью.

— Сердце мое разрывается, видя ваше горе, моя дорогая! — вскричал он, — я заслуживаю мою участь, но вы… вы что сделали!..

Он продолжал с принужденным спокойствием:

— Я должен сообщить мистеру Стьюйвесанту на кого из Сильвестеров должно пасть бесславие.

— Нет, нет. И в эту благороднейшую минуту вашей жизни вы хотите оттолкнуть меня от себя? — вскричала Поола. — Небо посылает нам великую и сильную любовь не просто так. — Она

прибавила медленно и торжественно: — Вы завтра отправитесь к мистеру Стьюйвесанту не один, Поола Ферчайлд отправится с вами.

XLIV. В гостиной мистера Стьюйвесанта

— Недостоин?

— Да.

Сисилия недоверчиво посмотрела на отца.

— Я не могу этому поверить, — прошептала она, — нет, я не могу этому поверить.

— Дочь моя, — продолжал отец с необыкновенной нежностью, — я не решался говорить тебе это, боясь тебя огорчить; но теперь я уже не могу молчать. Бёртрем Сильвестер нечестный человек, и чем скорее ты его забудешь, тем лучше.

— Нечестный?

Голос Сисилии трудно было узнать.

— Мне тяжело сообщать тебе это после моего одобрения. Я сочувствую тебе, дитя мое, но ожидаю, что ты мужественно перенесешь это разочарование. В нашем банке произошло воровство…

— Вы обвиняете его в воровстве?..

— Нет, я его не обвиняю, но это сделал кто-то из сотрудников банка. — Кроме того, у меня появилась информация, что Бёртрем Сильвестер

и раньше совершил один не самый честный поступок.

— Я этому не верю, — перебила Сисилия, — это невозможно, положительно невозможно! Он не мог сделать ничего подобного. Папа, лицо его открыто, взор ясен, это какая-то ужасная ошибка. Вы это говорите не о Бёртреме.

Отец вздохнул.

— О ком же другом могу я говорить? Хочешь прочесть сообщение, которое я получил вчера? Хочешь убедиться?

— Да, покажите мне, что вы получили против него, и я докажу вам, что это ошибка. — Это не ошибка, — пробормотал Стьюйвесант, подавая дочери сложенную бумагу, — это было написано два года тому назад, и я сам засвидетельствовал его, хотя не знал, против кого это. Прочти, Сисилия, а потом вспомни, что из моего сейфа в банке украдены денежные бумаги, которые мог взять только кто-нибудь из служащих.

Она взяла бумагу и поспешно прочла.

— Я не думаю, чтобы это сделал Бёртрем, — сказала она.

— Я сам хотел бы поверить в это. Но это сообщение, поколебало мое доверие, Сисилия. Молодые люди так легко сбиваются с пути в нынешнее

время. Человек, который смог оставить свою профессию для того, чтобы жениться на богатой наследнице…

— Папа!

— Я знаю, он убедил тебя, что это для любви, но, когда женщина, которая нравится молодому человеку, богата, любовь и честолюбие трудно отделить. Теперь, милая моя, я сказал тебе все и предоставляю тебе поступить, как тебе подскажет твое сердце, уверен, что ты сделаешь это достойным образом, соответствующим твоему имени и воспитанию. Он поцеловал дочь и спокойно вышел из комнаты.

А Сисилия? С минуту она стояла как окаменевшая, потом ее стала бить дрожь, она опустилась на диван и закрыла лицо руками. Но вдруг вскочила, лицо ее пылало, глаза сверкали.

— Я не могу сомневаться в нем, — прошептала она, — это значило бы сомневаться в моей собственной душе. Он достоин, если достойна я, он правдив, если правдива я, я не буду пытаться разлюбить его!

В этот момент дверь гостиной отворилась и вошли Сильвестер и Поола.

Сисилия тотчас встала, но не решилась подойти к ним.

— «Они пришли к моему отцу», — подумала она.

В эту минуту в гостиную вошел Стьюйвесант, и Сильвестер начал без всяких предисловий решительным тоном.

— Я приехал, — сказал он, поговорить с вами о сообщении, присланном вам человеком по имени Голт. Вы получили его?

Стьюйвесант вспыхнул и коротко проговорил:

— Получил.

— Следовательно, я могу заключить, что вы считаете моего племянника нечестным человеком?

— Это было главным источником моего сожаления, что я не могу более уважать племянника человека, которого я так уважаю, как вас, ответил Стьюйвесант. Уверяю вас, что я очень сожалею об этом.

— Мистер Стьюйвесант, — сказал Сильвестер, — мой племянник честный человек. Если вы мне позволите отнять у вас несколько минут, мне кажется, я могу вас в этом убедить.

— Я буду очень рад, — заметил Стьюйвесант, взглянув на смежную комнату, где он оставил свою дочь, — мне всегда нравился этот молодой человек. Вы как будто больны, мистер Сильвестер, — прибавил он.

— Благодарю, я здоров.

Бросив взгляд на Поолу, он вышел из комнаты со взволнованным директором. Сисилия поспешно подошла к двери гостиной и отступила, Поола молилась. Но через несколько минут чувства преодолели ее робость, она подошла к своей приятельнице и обняла ее.

— Будем молиться вместе, — шепнула она.

Поола отступила назад и взглянула на свою подругу.

— Вы знаете, что все это значит? — спросила она.

— Догадываюсь, — было тихим ответом.

Поола удержалась от рыдания и прижала Сисилию к груди.

— Он любит меня, — прошептала она, и в эту минуту делает то, что, по его мнению, должно нас разлучить. Он благородный человек, Сисилия, такой же благородный, как Бёртрем, хотя когда-то сделал… Она остановилась. — Пусть он сам скажет, — прибавила она. — Стало быть, Бёртрем человек благородный, — робко сказала Сисилия.

— А вы разве сомневались в этом?

— Нет.

Обе девушки сидели, обнявшись, и ждали. Вдруг обе встали. Стьюйвесант и Сильвестер спус-

кались с лестницы. Сильвестер вошел первый. Он прямо подошел к Пооле, обнял ее и поцеловал в лоб.

— Моя невеста! — прошептал он.

Поола приподняла глаза с неописуемой радостью, взгляд Сильвестера был ясен, но необыкновенно торжествен и спокоен.

— Я сказал ему все, — сказал он, — он человек не только справедливый, но и сострадательный. Так же, как и вы, он говорит, что о человеке надо судить так, каков он есть, а не так, каков он был.

Взяв Поолу под руку, он стоял и ждал прихода Стьюйвесанта.

— Где моя дочь? — спросил Стьюйвесант, входя.

— Я здесь, папа.

Он протянул руки, и дочь бросилась к нему.

— Сисилия, — сказал он с волнением в голосе, — я обязан сообщить тебе, что мы все ошибались, обвиняя мистера Бёртрема Сильвестера. Мистер Сильвестер убедил меня, что племянник его совершенно невинен. Обвинение касается другого человека.

— О! Благодарю вас! Благодарю! — сказала Сисилия Сильвестеру. — Так его не в чем упрекать? — обратилась она к отцу.

Стьюйвесант колебался.

— Воровства в банке, где он служит кассиром, конечно, недостаточно для того, чтобы засомневаться в его честности, — сказал он, — но…

В эту минуту раздался звонок.

— Ваш отец хотел сказать, — сказал Сильвестер, — что мой племянник так честен, что никогда не изъявил бы притязания на вашу руку, если бы на его имени лежала какая-нибудь тень.

— Человек, укравший денежные бумаги, будет найден, — сказала Сисилия.

Как бы в подтверждение ее слов, дверь отворилась.

Посыльный из банка подошел к мистеру Стьюйвесанту.

— Письмо от мистера Фольджера, — сказал он.

Стьюйвесант взял письмо, прочел его и сказал с удивлением:

— Мне кажется это невозможным, но Гопгуд скрылся.

— Гонгуд скрылся? — обратился Стьюйвесант к посыльному.

— Именно так, — ответил тот, — его не видели со вчерашнего вечера. Жена говорит, что он вошел к ней, поцеловал ее и ребенка, потом оказалось, что он взял кое-что из одежды.

— Гм! А я так верил этому человеку.

— Я верю ему и теперь, — сказал Сильвестер, когда дверь затворилась за рассыльным. — Если Гопгуд убежал, то это по великодушной, хотя ошибочной мысли пожертвовать собой для спасения человека, которого он считает виновным.

— Нет, здесь от него записка, опровергающая это предположение. Она адресована мне. — возразил Стьюйвесант.

«Милостивый государь, я прошу прощения у вас и у мистера Сильвестера за то, что оставляю свою должность так внезапно. Но я оказался недостоин возложенного на меня доверия, я не могу более видеть тех, кто верил моей честности. Если я могу принести деньги назад, вы увидите меня опять, если нет, будьте добры к моей жене и дочери в память тех трех лет, которые я верно служил вам. Джон Гопгуд».

— Я этого не понимаю, — вскричал Сильвестер, — это похоже… Как будто он знает, где деньги.

— Я начинаю надеяться, — проговорила Сисилия.

Бросив радостный взгляд на Сисилию, Поола подошла к Стьюйвесанту и шепнула ему что-то. Он тотчас выглянул в окно на экипаж, стоявший

у дверей, кивнул головой, улыбнулся и вышел.

— Приготовьтесь, — сказала Поола Сисилии.

Через несколько минут Стьюйвесант вернулся вместе с Бёртремом.

— Мистер Сильвестер, — сказал он кассиру. — Мы получили сообщение из банка, Гопгуд бежал и пишет, что он знает что-то о воровстве.

— Гопгуд, швейцар!

Это восклицание относилось не к Стьюйвесанту, а Сильвестеру, к которому Бёртрем обернулся с изумлением.

— Да, я никогда в жизни не был так удивлен, — ответил Сильвестер.

— Мистер Сильвестер, — продолжал Стьюйвесант, — здесь есть девушка, так потрясенная этим известием, что вы один можете успокоить ее.

С краской на лице, Бёртрем поспешно подошел к Сисилии.

— Мисс Стьюйвесант! — воскликнул он и, взглянув на нее, забыл обо всем в беспредельной радости.

— Да, объявил отец, — она ваша; вы заслужили ее руку и сердце.

Бёртрем наклонил голову в невыразимом волнении, потом обернулся к Стьюйвесанту и воскликнул:

— Вы очень добры, но я еще не заслужил ее. Бегство Гопгуда не снимает подозрения со служащих в банке. Пока настоящий преступник не будет найден, я должен преодолеть мое нетерпение. Я так люблю вашу дочь, что хочу, чтобы имя ее жениха было безукоризненно чистым. Я прав, мисс Стьюйвесант?

Она взглянула на отца и наклонила голову.

— Вы правы, — повторила она.

XLV. Священный час

Поола вернулась в Гротвель за несколько недель до своей свадьбы, и сидела задумчиво у окна. Мысли ее стремились к любимому человеку, к Сисилии, терпеливо ожидавшей разрешения тайны украденных денежных бумаг, к Бёртрему, напрасно разыскивавшему пропавшего швейцара, и к бедной Джекилине, лежавшей в нью-йоркской больнице. Поолу не раз уже терзал вопрос, сказать ли мистрис Гемлин, что она видела предмет ее любви и молитв. Многое было за и против этого. Мистрис Гемлин была не здорова и слабела каждый день. Конечно, ей было бы утешительно узнать, что Поола говорила с женщиной, которую она так любила, что она жива, хотя и находится в больнице. С другой стороны, трудно было решиться рассказать такой женщине, как мистрис Гемлин, о преступном поступке Джекилины, убившей своего сына и подвергнувшей опасности свою собственную жизнь. Лучше было предоставить бедной старушке надеяться, чем разрушить жизнь и надежду разом, рассказав о развращении ее любимицы.

Между тем если бедная женщина, лежащая

в больнице, могла раскаяться от слов Мистрис Гемлин, то не следовало ли дать старушке возможность, даже с опасностью своей жизни, достигнуть цели, для которой она жила? Поола еще находилась в нерешимости, когда мальчик, проходя мимо окна и увидев ее, подал ей сверток и сказал, что мистрис Гемлин очень больна. В свертке оказался ключ от дома Джефы, и, поняв, чего ожидают от нее, Поола приготовилась сдержать обещание, давно данное этой преданной женщине.

Хотя Поола знала, что бесполезно ожидать Джекилину, она тем не менее решилась это сделать. Легче просидеть час в этом мрачном, старом доме, чем объясняться с мистрис Гемлин.

Сказав теткам, что пойдет в деревню, Поола торопливо ушла.

Никогда дом Джефы не казался ей так мрачен. Войдя в гостиную, она едва осмеливалась взглянуть на двери, которые вели в другие комнаты, будто она боялась, что какая-нибудь вдруг отворится и явится величественный призрак гордого старого полковника или кроткая тень матери Джекилины.

Она села на стул у двери и приготовилась высидеть час терпеливо и спокойно. Вдруг ей

послышался шум. Не идет ли мистрис Гемлин, она бросилась к боковой двери, отворила ее и увидала Джекилину Джефа, вернувшуюся в дом своего отца.

Она лишилась чувств и лежала на пороге, но Поола, к которой вернулась теперь вся ее сила, отнесла ее в гостиную и старалась привести ее чувство. Джекилина скоро открыла глаза и стала осматриваться вокруг.

— Вы ищете Марджери, сказала Поола, — Марджери не придет, она сегодня не здорова, и я заняла ее место. Но когда она узнает, что вы вернулись, никакая болезнь не удержит ее в постели. Я Поола и тоже вас люблю и приветствую вас в родном доме.

Глаза Джекилины смягчились.

— Вы сказали мне о Марджери, — сказала она, — и советовали похоронить здесь моего мальчика. Я это помнила, помнила и ночь, и день, и как только в состоянии была держаться на ногах, ускользнула из больницы. Это убьет меня, но я, по крайней мере, умру в доме отца.

Поола наклонилась и поцеловала ее.

— Я пойду приготовлю вам постель, — сказала она.

И теперь без малейшей нерешимости отворила

она дверь, которая за несколько минут перед тем внушала ей такой страх.

Она прямо пошла в комнату Джекилины.

— Надо все исполнить по желанию мистрис Гемлин, — сказала она и развела в камине огонь, отдернула занавески у кровати, привела все в порядок, так что место, наполненное отвратительными воспоминаниями, приняло уютный вид.

Вернувшись к Джекилине, она помогла ей встать и вывела в переднюю. Но тут воспоминания настигли несчастную женщину и ее пронзительные крики раздались по всему дому.

Но Поола с кроткой настойчивостью, улыбаясь ей, повела ее по ужасной лестнице в комнату ее детства.

Джекилина сначала пришла в ужас, потом подошла к камину и протянула руки к огню, потом приблизилась к пяльцам, улыбнулась и старалась поскорее добраться до кровати. Но увидев отвернутое одеяло, подушки, ожидавшие ее, и маленькую Библию, лежащую на них, она вдруг зарыдала и упала на колени.

Уложив, наконец, ее в постель, Поола пошла в коттедж мистрис Гемлин. Она нашла ее сидящую в кресле, но очень слабую. При первом взгляде

на лицо Поолы она встала и в одно мгновение забыла свою слабость.

— Что это такое? — спросила она. — Неужели наконец моя надежда осуществилась? Неужели Джекилина вернулась? О! Неужели вернулось мое бедное пропавшее дитя?

— Да, — отвечала Поола с улыбкой, — она лежит в постели, которую вы приготовили для нее, с Библией на груди.

С помощью Поолы мистрис Гемлин дошла до дома Джефы, но, когда Поола подвела ее к постели, она с испугом посмотрела на мистрис Гемлин. Лицо Джекилины изменилось.

— Она умирает, — шепнула Поола, — умирает, а вы ждали так долго!

Мистрис Гемлин встала на колени возле своей любимицы.

— Марджери!

— Джекилина!

Эти два восклицанья раздались по комнате, потом все смолкло.

— Ты вернулась! Как могла я в этом сомневаться!

— Любовь убила меня, а теперь любовь меня спасает! — воскликнула Джекилина.

На этот крик не было ответа, Поолой овладел

сильный страх. Подойдя к престарелой женщине, стоявшей на коленях у кровати, она взглянула на ее наклоненное лицо, а потом на лицо другой, которое лежало на изголовье, и поняла, что из всех сердец, бившихся за минуту перед тем от глубокого волнения в этой тихой комнате, билось теперь только одно.

Огонь, разведенный для возвращения блудной дочери, погас, а внизу часы пробили семь!

XLVI. Коминс

Огни еще сияли в залах мистера Стьюйвесанта, хотя гости, присутствовавшие на свадьбе мистера Сильвестера и Поолы уже разъехались.

На одном конце комнаты стояли Бёртрем и Сильвестер, провожавшие глазами Поолу, выходившую из комнаты с Сисилией.

— Я сожалею только об одном, — сказал Сильвестер, когда дверь затворилась, — мне хотелось бы, чтобы ты и Сисилия одновременно с нами получили брачное благословение. — Да, — сказал Бёртрем со вздохом, — но надеюсь скоро это настанет. Должны же, наконец, наши усилия иметь успех. Мне пришла в голову новая идея, отправить охранника на поиски Гопгуда. Они старые друзья, охранник должен знать, где Гопгуд может скрываться.

— Если бы Феннинг мог нам помочь, он давно сказал бы нам. Он знает, что Гопгуд бежал и что мы заплатим хорошо за любую информацию о нем.

— Но они старые товарищи, и, может быть, Феннинг молчит из уважения к своему другу.

— Нет, я говорил с Феннингом, он был очень

удивлен, когда узнал, что Гопгуд бежал от подозрения, что он имеет какое-нибудь отношение к воровству в банке. Он так же мало знает о Гопгуде, как мы, его жена и даже полиция. Но я не хочу лишать тебя надежды; через несколько времени мистер Стьюйвесант…

Он замолчал, потому что Стьюйвесант подходил к ним.

— Какой-то человек непременно хочет видеть меня, он говорит, что ему известно, что здесь была свадьба, но что он должен сообщить что-то важное, не терпящее отлагательств. На его карточке стоит Коминс; мне кажется, я должен его принять, если вы ничего не имеете против этого.

Сильвестер и Бёртрем тотчас дали согласие и отошли на другой конец комнаты, когда вошел Коминс, человек высокого роста и крепкого сложения. Шляпу он снял, но был в пальто; лицо с рыжими бакенбардами и в очках было серьезно.

Он тотчас подошел к Стьюйвесанту.

— Извините, — сказал он. — Я слышал, что в Медисонском банке пропали денежные бумаги. Я сыщик и, исполняя мою обязанность, узнал несколько фактов, которые могут пролить свет на дело.

Сильвестер и Бёртрем тотчас подошли, это был

предмет, требовавший и их внимания столько же, как и хозяина дома.

Коминс бросил на них быстрый взгляд, а потом спросил:

— Что вы думаете об охраннике Феннинге?

— Что мы думаем? Мы ничего не думаем, — резко ответил Стьюйвесант, — он служит в банке двенадцать лет, и мы знаем, что он честен.

— Однако он-то и украл ваши бумаги.

— Этого не может быть!

Сильвестер подошел к сыщику.

— Кто вы и как вы узнали это?

— Я сказал, что меня зовут Коминс, а узнал я это потому, что втерся в доверие к этому человеку, и бумаги вместе с его признанием лежат у меня в кармане.

Он подал Стьюйвесанту пропавшие бумаги, вместе с запиской, на которой почерком сторожа было написано, что он один и без всякой помощи совершил кражу в банке.

— А где же он сам? — вскричал Бёртрем.

— Я позволил ему сбежать.

Сильвестер нахмурился.

— Я что-то не понимаю, — сказал он, почему вы сначала принимали участие в расследовании, а потом позволили вору сбежать, когда он

сознался в своем преступлении? — Господа, — ответил Коминс, — сыщику, исполняющему свои обязанности, позволительно прибегать к таким средствам для установления истины. Когда я услышал об этом преступлении, я тотчас подумал о стороже. Я не знал, что он сделал это, и не понимал, как он мог это сделать, но я знал его давно, и что-то в его словах показалось мне подозрительным: «Если бы кто знал комбинации цифр от двери хранилища, как легко он мог бы разбогатеть!», или другое: «Работал я в банке двенадцать лет и не мог отложить на черный день даже столько, сколько мистер Сильвестер тратит в месяц на сигары».

Меня смущало только то, что он этой комбинации от хранилища не знал. Но и это препятствие скоро устранилось. В разговоре с женой швейцара я узнал, что он в одно утро занемог, так что не мог встать с постели и отпереть хранилище. Он позвал свою жену и спросил, может ли она сделать это. Она тотчас ответила да, потому что она женщина тщеславная и обижается, что муж не сообщает ей своих секретов. Он объяснил ей, она уверила, что поняла, но, хотя он этого не знал в то время, боясь, что забудет номера, записала их на бумажке. Охранник был в банке, когда она

вошла, и удивился, но она ответила ему, что муж ее болен и что она отворит хранилище.

Он вызвался помочь ей, она, разумеется, отказала и хотела уже отпирать дверь, когда сам Гопгуд вошел в комнату. Он сказал, что луче все сделает сам. Он не заметил бумажки в руке жены, не видел, как она ее разорвала и бросила в корзину, но охранник видел и таким образом узнал комбинацию, которая открывала дверь.

— Если это правда, сказал Сильвестер, почему Гопгуд не рассказал мне об этом, когда я его расспрашивал?

— Он сам забыл об этом случае. Так как он сам открыл хранилище, это вылетело у него из памяти, тем более что после этого он слег в постель и целый день был в бреду.

— Я помню его болезнь, — сказал Бёртрем, — это было за два или за три дня до кражи. — Накануне, — поправил сыщик, — но позвольте мне договорить. Узнав от мистрис Гонгуд о происшедшем, я решил подобраться поближе к Феннингу. Переоделся и поселился в небольшом домике в Бруклине, где он живет, и как старый знакомый сошелся с ним, так что мы скоро сделались добрыми друзьями. В тот день, когда я осмелился намекнуть, что честность только тогда хороша,

когда выгодна, был день достопамятный для меня. Феннинг попался в расставленную сеть, и, доверившись мне, скоро стал просить меня помочь ему продать денежные бумаги, которые он сумел приобрести, а продать не решался. Мало-помалу я узнал от него подробности того, как он завладел бумагами, и в благодарность за его признание дал ему возможность скрыться.

— Но разве вы, как член сыскной полиции не обязаны были арестовать преступника?

— Полицейским я был пять лет тому назад, а теперь я…

И этими словами сыщик, сорвав одной рукой бакенбарды, а другой очки, — превратился в швейцара Гопгуда.

Веселая компания встретила Сисилию, когда она вернулась с Поолой. Горячность, с которой Стьюйвесант пожал руку Бёртрема, прощальный поцелуй Сисилии стоили, по мнению швейцара, всех трудов последних недель.

— Теперь я пойду к моей жене, сэр, — сказал он Сильвестеру, она женщина добрая, но немножко самонадеянная, а теперь уж не станет просить меня поверять ей секреты. Вы мне скажете, где она, сэр?

Сильвестер сказал ему, а потом прибавил:

— Ответьте мне прежде на один вопрос, Гопгуд, почему с таким сыскным талантом вы не остались в полиции? Вы просто гений, и вам не следовало проводить жизнь швейцаром.

— Ах, сэр, — ответил Гопгуд, качая головой, очки и рыжие бакенбарды могут обмануть одного мошенника, а не пятьдесят. Я лишился моего места по милости моих глаз. Когда я могу закрывать их очками, тогда дело идет хорошо, но нельзя же всегда выглядеть одинаково. А все что я умею — так только представлять Коминса, которого вы видели здесь несколько минут тому назад.

Новобрачные вернулись из свадебного путешествия в свой дом и Поола, прильнув к груди мужа спросила его:

— Эдвард, скажи, не осталось ли у тебя какого-либо воспоминания о прошлом, от которого ты хотел бы избавиться раз и навсегда?

— Нет, — отвечал он, заключая ее в объятия с торжественной улыбкой на губах. — Великий дар, полученный мной — это и есть результат этого прошлого, и я не желаю перемен.

— Но не был ли ты счастливее, если бы с тебя было снято сознание неисполненного обязательства?

— Может быть, — отвечал он, но это невозмож-

но теперь.

Поола подняла глаза, и улыбка осветила ее лицо.

— О! Господь милостив, — вскричала она, — посмотри, что у меня есть для тебя. Уверена, прочитав это ты будешь счастлив вполне.

И она, вытащив из кармана бумажку, подала ее ему.

— Мы нашли это на груди Джекилины Джефа, когда хоронили ее.

На бумажке было написано несколько строк, которые заставили голос Сильвестера задрожать.

«Все, что я имею, а мне сказали, что я богата, я желаю отдать милой девушке, которая сказала мне о преданности Марджери Гемлин».

— Поола, Поола, Поола, ты мой добрый гений. Да сделает меня Господь достойным твоей любви и этого Его последнего и нежданного милосердия!